

ISSN 2542-2197

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2018 10 (803)

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

**VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY
HUMANITARIAN SCIENCES**

Issue 10 (803)

Moscow
FSBEI HE MSLU
2018

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

Выпуск 10 (803)

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2018

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
доктор филологических наук, профессор **Г. Г. Бондарчук**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алиева Н. М., д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)
Воронина Г. Б., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гаспарян Г. Р., д-р филол. наук, проф. (Армения)
Голубина К. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гомес М. К., проф. лингвистики (Кадис, Испания)
Дудик Н. А., канд. филол. наук (МГЛУ)
Имомзода М. С., д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)
Ирисханова К. М., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Ирисханова О. К., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Краева И. А., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Красноженова Г. Ф., д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)

Кунанбаева С. С., д-р филол. наук, проф. (Казахстан)
Медведева Т. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Моисеенко Л. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Мусаев А. И., д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
Ноздрина Л. А., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Писанова Т. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Радченко О. А., д-р филол. наук, проф. (Россия)
Русецкая М. Н., д-р пед. наук, проф. (Россия)
Сорокина Т. С., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Убин И. И., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бондарев А. П., д-р филол. наук, проф.
Василюк И., канд. филол. наук
Воробьев В. В., д-р филол. наук, проф.
Ганин В. Н., д-р филол. наук, проф.
Голубкова Е. Е., д-р филол. наук, проф.
Гусейнова И. А., д-р филол. наук, доц.
Евдокимов А. Ю., академик РАН, д-р техн.
наук, канд. культурологии, доц.
Евтушенко О. В., д-р филол. наук, доц.
Жаринов Е. В., д-р филол. наук, доц.
Жданова Л. М., канд. филол. наук, доц.
Захари Захариев, д-р филол. наук, проф.
Карневская Е. Б., канд. филол. наук, проф.
Косиченко Е. Ф., д-р филол. наук, доц.
Кудряцева Н. Б., д-р филол. наук, доц.
Кузнецов В. Г., д-р филол. наук, проф.
Малыгина И. В., д-р филос. наук, проф.
Осьминина Е. А., д-р филол. наук, проф.
Полетаева М. А., канд. культурологии, доц.

Порохницкая Л. В., д-р филол. наук
Потапова Р. К., д-р филол. наук, проф.
Семина И. А., д-р филол. наук, доц.
Силантьев Р. А., д-р истор. наук, доц.
Собакин А. Н., д-р филол. наук, доц.
Сомова Е. В., д-р филол. наук, проф.
Сухарев Ю. А., д-р филос. наук, проф.
Тёмкин В. А., канд. истор. наук, доц.
Толкачев С. П., д-р филол. наук, проф.
Травников С. Н., д-р филол. наук, проф.
Трыков В. П., д-р филол. наук, проф.
Уралова Л. А., канд. филол. наук, доц.
Фадеева Г. М., канд. филол. наук, доц.
Харитончик Э. А., д-р филол. наук, проф.
Хитина М. В., д-р филол. наук, доц.
Цветасева Е. Н., канд. филол. наук, доц.
Ченки А. Дж., д-р наук по славянским языкам
Чернозёмова Е. Н., д-р филол. наук, проф.
Янулевичене В., д-р гуманитарных наук, проф.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Краева И. А.

Использование корпусных данных
при изучении сочетаемости английских прилагательных 11

Безбородова М. В., Медведева Т. В.

Явление «uptalk» в речи молодых носителей британского варианта
английского языка 21

Брайнина Т. Д.

Уравнение со многими неизвестными
(О стиле романа Саши Соколова «Школа для дураков») 36

Варфоломеева И. В.

Специальное знание как основа метафоры в англоязычных
художественных текстах 48

Зененко Н. В.

Этническое самосознание и лингвистический национализм
(на материале испанского языка) 59

Карташевская Ю. В.

Гендерная маркированность граничной глоттализации
в американской речи (данные акустического анализа) 70

Крюкова О. П.

Когнитивные лингвистические знания:
моделирование, управление речепорождением 85

Мозоль Т. С.

Антропоморфная метафора счастья
в корейском и русском языках 97

Писанова Т. В.

Социальная и архаическая мифология как структурообразующее
слагаемое культурной идентичности в произведениях
латиноамериканских писателей 112

<i>Позднякова Е. М.</i>	
Анализ концептуальных метафор домена-источника «Weather» / «Nature» в политическом дискурсе	129
<i>Романова Е. Ю.</i>	
Афроамериканский английский: британское наследие или креольское образование?	136
<i>Романтовский А. В.</i>	
Понятие дискурса в расширении интерпретационных возможностей лингвистических моделей	146
<i>Сорокина Т. С.</i>	
Концепт «состояние» как гештальт и когнитивная схема языковой интерпретации	161
<i>Сорокина Т. С., Чалбарах Н. В.</i>	
Структурно-семантические модели репрезентантов концепта «Состояние» в английском языке	174
<i>Стародубова О. Ю.</i>	
Геном Гомера как механизм преодоления барьера в межкультурной коммуникации	194
<i>Хорькова И. В.</i>	
Эпихейрема Галена – полисиллогизм или рассуждение?	206
<i>Шевелева Е. О.</i>	
Смысловые пространства сквозь призму лексикографического описания	214

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Бондарев А. П.</i>	
Креативный потенциал переводческого тезауруса	224
<i>Черноземова Е. Н.</i>	
Авторская рефлексия создания новеллистической краткости в «Кентерберийский рассказы» Дж. Чосера	236

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Гаврилина Л. М.

Эстетический опыт как необходимая составляющая современного образовательного пространства 249

Сердюк Н. В., Власов Б. Е.

Культура речи сотрудников органов внутренних дел в контексте коммуникативной культуры полицейского сообщества 261

Сухарев Ю. А.

Глобализация и волновые процессы социокультурного развития 275

Шипилов С. А.

Средневековая хроника как форма репрезентации культурной памяти 288

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Kraeva I. A.</i> Use of Corpus Data in the Course of English Adjectives Combinability Studies	11
<i>Bezborodova M. V., Medvedeva T. V.</i> “Uptalk” in the Speech of Young Britons	21
<i>Braynina T. D.</i> An Equation with Many Unknowns (on the style of Sasha Sokolov’s novel «A School for Fools»)	36
<i>Varfolomeeva I. V.</i> Specialized Knowledge as the Basis of Metaphor in English Fictional Texts	48
<i>Zenenko N. V.</i> Ethnic Identity and Linguistic Nationalism (based on Spanish)	59
<i>Kartashevskaya Y. V.</i> Gender-Marked Boundary Glottalization in American English (Acoustic Analysis Data)	70
<i>Kryukova O. P.</i> Cognitive Linguistic Knowledge: Modelling, Management of Speech Production	85
<i>Mozol T. S.</i> Anthropomorphic Metaphors for Happiness in Korean and Russian	97
<i>Pisanova T. V.</i> Social and Archaic Mythology as a Structural Component of Cultural Identity in the Texts of Latin American Writers	112
<i>Pozdnyakova E. M.</i> Conceptual Analysis of Source Domain Metaphors “Weather” / “Nature” in Political Discourse	129

<i>Romanova E. Y.</i>	
Afro-American English: British Heritage or Creole Formation?	136
<i>Romantovskiy A. V.</i>	
The Concept of Discourse in Expanding of the Interpretative Potential of Linguistic Models	146
<i>Sorokina T. S.</i>	
Concept "State" as Gestalt and a Cognitive Schema of Linguistic Interpretation	161
<i>Sorokina T. S., Chalbarakh N. V.</i>	
Structural and Semantic Constructions Instantiating the Concept "State" in English	174
<i>Starodubova O. Yu.</i>	
Homer Genome (so-called Homer genome) as a Mechanism of Overcoming an Obstacle in Intercultural Communication	194
<i>Khorkova I. V.</i>	
Galen's ἐπιχείρημα – Polysyllogism or Reasoning?	206
<i>Sheveleva E. O.</i>	
Mental Spaces through Lexicographic Description	214

LITERARY STUDIES

<i>Bondarev A. P.</i>	
Creative Potential of Translator's Thesaurus	224
<i>Chernozemova E. N.</i>	
Chaucer's Point of View on the Craft of Novelistic Shortness in «Canterbury Tales»	236

CULTUROLOGY

<i>Gavrilina L. M.</i>	
Aesthetic Experience as a Necessary Component of the Modern Educational Spaces	249

<i>Serdyuk N. V., Vlasov B. E.</i> Culture of Speech of Employees of the Internal Affairs Bodies in the Context of the Communicative Culture of the Police Community	261
<i>Sukharev Yu. A.</i> Globalization and Wave Processes of Sociocultural Development	275
<i>Shipilov S. A.</i> Medieval Chronicle as a Form of Representation of Cultural Memory	288

УДК 81.111

И. А. Краева

кандидат филологических наук, профессор,
ректор ФГБОУ ВО МГЛУ; e-mail: irinakraeva@linguanet.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОРПУСНЫХ ДАННЫХ ПРИ ИЗУЧЕНИИ СОЧЕТАЕМОСТИ АНГЛИЙСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

В статье рассматривается актуальный для современной лингвистики вопрос о преимуществах использования корпусных данных, в частности данных корпусных словарей лексической сочетаемости при изучении сочетаемости английских прилагательных. Цель статьи – верифицировать с помощью привлечения корпусной информации высказанное автором ранее положение о том, что при имплицитном выражении градуальности у английских качественных прилагательных заложенная в их лексическом значении степень проявления признака (невысокая, высокая или очень высокая) может далее усиливаться при употреблении прилагательного с наречием-градуатором. Из трех возможных подходов к использованию корпуса в лингвистических исследованиях – *corpus-assisted*, *corpus-based* и *corpus-driven* – в статье применяется второй из них.

Материалом послужили более 60 наиболее часто употребляемых в современном английском языке прилагательных, имплицитно выражающих градуальность.

В результате исследования, проведенного с применением описанной в работе процедуры верификации данных, предоставленных традиционными словарями, с использованием информации корпусных онлайн-словарей, которые дают значительно более расширенную информацию относительно лексической сочетаемости, автор делает общий вывод о том, что все изученные английские прилагательные, в лексическом значении которых уже заложена определенная степень проявления признака (обычно высокая), могут сочетаться с наречиями-градуаторами и многие из таких сочетаний являются часто употребительными. В итоге это приводит к дальнейшему усилению степени признака, что, по мнению автора, дает возможность предположить, что в современном английском языке использование рассмотренных сочетаний является одним из способов выражения наибольшей полноты проявления признака.

Ключевые слова: корпусная лингвистика; лексическая сочетаемость; верифицировать; градуальность; градуирование признака; наречия-градуаторы; имплицитный.

I. A. Kraeva

PhD (Philology), Professor,
Rector of Moscow State Linguistic University;
e-mail: irinakraeva@linguanet.ru

USE OF CORPUS DATA IN THE COURSE OF ENGLISH ADJECTIVES COMBINABILITY STUDIES

The article looks into an acute issue for modern linguistics concerning advantages of using corpus data, in particular the data of lexical combinability online corpus dictionaries in the course of English adjectives combinability studies. The aim of the article is to verify with the help of corpus information the hypothesis put forward by the author earlier saying that some English quality adjectives express graduality implicitly because their lexical meaning contain a certain degree of feature manifestation (very high, high or not-so-high) and this degree can be further intensified when they are used in combination with adverbs-graduator. Out of the three possible approaches to using corpus in linguistic studies – corpus-assisted, corpus-based and corpus-driven – the author employs the second one.

The material for the investigation includes more than 60 most frequently used modern English adjectives that express graduality implicitly.

In the course of the study carried out with the help of the procedure of data verification described in the article the author analyzes the data obtained from both traditional and corpus-based online dictionaries that give much more substantial information concerning lexical combinability and arrives at the main conclusion that all analyzed English adjectives which express a certain degree of graduality implicitly (as a rule, it is a high degree) can be used with adverbs-graduator and many combinations of this type are frequently used at the present time. As a result it leads to a higher degree of feature intensification and makes it possible to suggest that the use of such combinations in modern English is one of the possible ways of expressing the absolute degree of feature manifestation.

Key words: corpus linguistics; lexical combinability; to verify; graduality; feature gradation; adverb-graduator; implicit.

В современной лингвистике успешно развивается корпусно-когнитивное направление лингвистических исследований, которое в качестве основных своих целей видит системное применение корпусного подхода в области когнитивных лингвистических исследований, в частности, при анализе семантики слова, и разработку новых, комплексных методов анализа в рамках корпусного подхода [Методы когнитивного анализа ... 2015].

Несомненные успехи зарубежных и отечественных ученых, работающих в указанном направлении, позволили говорить о существовании

корпусно-когнитивной парадигмы, хотя, как представляется, правы те ученые, кто полагает, что следует, скорее, говорить о тенденции к созданию современной интегрированной методологии. Как отмечает В. И. Заботкина, «исследователи традиционно придерживаются исследовательской дихотомии «качественные vs. количественные методы анализа». В последние годы в лингвистике наблюдается тенденция к соединению двух методологических парадигм. <...> Иными словами, лингвисты отказываются от исследовательской дихотомии “качественные vs. количественные методы» и переходят к интегрированной методологии, соединяющей эти две парадигмы» [Заботкина 2015, с. 32].

Справедливо полагают, что интегрирование корпусной методологии в когнитивную лингвистику «способствует укреплению позиции когнитивного лингвистического направления, так как позволяет ему вырваться из оков интроспекции, верифицировать гипотезы, выявить тенденции развития языка, предложить решение «старых проблем» новыми способами и найти практическое применение своим разработкам» [Голубкова 2018, с. 57].

Отмечается, что в результате привлечения корпусных данных и разработанных методов их исследования когнитивная лингвистика получила возможность успешно взаимодействовать с другими науками (психологией, социологией, культурологией, литературоведением, историографией, педагогикой), а также инкорпорировать данные смежных лингвистических дисциплин (фонетики, грамматики, стилистики, прагматики, методики преподавания языков, лексикографии, переводоведения).

Вместе с тем исследователи не раз отмечали, что «интегрированная методология не должна стать самоцелью, она должна быть релевантной относительно целей и задач исследования» [Заботкина 2015, с. 33].

Как известно, в настоящее время среди ученых нет единого мнения по поводу преимуществ интеграции количественных и качественных методов исследования, и дискуссии по поводу степени их интеграции продолжаются. Тем не менее нельзя не согласиться с основными достоинствами корпуса, прекрасно сформулированными В. А. Плуంగాном: «Корпус – это не просто инструмент, это больше, чем инструмент, потому что использование этого инструмента очень сильно меняет наше представление о языке. Прежде всего, помимо традиционных

задач науки о языке, корпус дает возможность ставить и решать совершенно новые задачи, которые в докорпусную эпоху если и приходили в голову лингвистам, то просто отбрасывались за неисполнимостью. Это, прежде всего, задачи, связанные с обследованием больших массивов текста – всё, что раньше было сверхтрудоёмко или зависело от случая, сейчас может быть свободно исследовано» [Плунгян 2009]. Но, конечно, «...даже для традиционных задач, то есть для того, чем лингвисты всю жизнь занимались, корпус представляет совершенно ни с чем не сравнимые технические возможности», он «дает нам возможность проверить, что в языке действительно есть, а чего в языке, или, по крайней мере, в корпусе нет» [Плунгян 2009].

В своих предыдущих работах, опираясь на данные авторитетных словарей, мы рассматривали некоторые вопросы употребления английских качественных прилагательных с целью варьирования степени проявления признака, в частности изучали имплицитное выражение градуальности, употребление прилагательных в словосочетаниях с наречиями-градуаторами [Краева 2017а; Краева 2017б]. При рассмотрении последнего вопроса особое внимание уделялось тем случаям, когда для выражения высокой степени признака предмета использовались словосочетания, состоящие из наречий-градуаторов, выражающих высокую степень признака, и прилагательных, в концептуальной структуре которых уже присутствует базовый концепт «степень проявления признака», часто это также была высокая степень проявления признака.

В упомянутых работах мы опирались на не раз доказанное утверждение, что в языке обычно закрепляется высокая степень признака и на мнение Ю. Д. Апресяна о предельных прилагательных, которые обозначают такое градуируемое свойство, которое имеет максимальную степень, т. е. предел. Предельность приписывалась автором прилагательным, которые могут сочетаться с наречиями типа «совсем», «совершенно», обозначающим «полную степень признака» По словам Ю. Д. Апресяна, наивная геометрия, понятия которой закрепляются в словах естественного языка, допускает бесконечное увеличение большинства линейных размеров, но не их бесконечное уменьшение [Апресян 1974, с. 44–45]. Однако ученый отмечает, что не все свойства, обозначаемые «малыми» параметрическими прилагательными, имеют предельную точку, равно как не все свойства,

обозначаемые «большими» параметрическими прилагательными, не имеют ее [Апресян 1974, с. 44].

Целью данного исследования было верифицировать с помощью привлечения корпусной информации высказанное нами ранее положение о том, что при имплицитном выражении градуальности у английских качественных прилагательных заложенная в их лексическом значении степень проявления признака (невысокая, высокая или очень высокая) может далее усиливаться при употреблении прилагательного с наречием-градуатором. Из трех возможных подходов к использованию корпуса в лингвистических исследованиях – *corpus-assisted*, *corpus-based* и *corpus-driven* – в этом случае применяется второй из них.

Ранее в статьях нами приводились в качестве примеров прилагательные *freezing*, *amazing*, *awful*, *angry*, имплицитно выражающие высокую степень признака, *absurd* – очень высокую степень, *annoyed*, *annoying* – невысокую степень. Все они, согласно данным словарей, могут сочетаться с наречиями-градуаторами, выражающими высокую или очень высокую степень проявления признака. В итоге в английском языке часто употребляются такие словосочетания, как *quite amazing*, *very / really / extremely angry*, *absolutely freezing*, *completely absurd*, *pretty / really annoyed*, *really annoying* и др. Представляется, что употребление подобных словосочетаний дает возможность не только выразить признак во всей его полноте, но и всячески усилить, подчеркнуть высокую степень его проявления, что приводит к тому, что в подобных ситуациях градуирование признака тесно сопряжено с оценкой и интенсивностью.

Обращение к авторитетным онлайн-словарям лексической сочетаемости, основанным на данных Британского национального корпуса (British National Corpus, BNC), – Online Oxford Collocations Dictionary и the English Collocations Dictionary Online – позволило нам значительно расширить объем информации относительно сочетаемости рассматриваемых прилагательных с наречиями-градуаторами.

Полученные корпусные данные, во-первых, подтвердили факт частого употребления рассматриваемых прилагательных с приводимыми в словарях наречиями-градуаторами. Исключение составило лишь словосочетание *pretty annoyed*, которое не является в настоящее время частотным в английском языке. Во-вторых, в результате использования корпусных словарей появилась возможность

значительно расширить список наречий-градуаторов, с которыми в современном английском языке часто употребляются рассматриваемые прилагательные.

Так, если прилагательное *freezing* действительно часто сочетается только с наречием *absolutely*, то ситуация с другими прилагательными иная: *amazing*, помимо наречия *quite*, часто употребляется с наречиями *absolutely, just, pretty, really, truly* (например, «Isn't it just amazing?»); – a truly amazing achievement); *angry* часто следует не только за наречиями *very, really, extremely*, но и за наречиями *bitterly, furiously, terribly, widely; a bit, pretty, quite, rather; increasingly; absurd* часто сочетается не только с наречием *completely*, но и с наречиями *absolutely, quite, utterly; clearly, manifestly, patently; faintly, rather, slightly, somewhat; wonderfully*; прилагательные *annoyed* и *annoying* образуют частотные словосочетания не только с наречием *really*, но и с такими рядами наречий, как: 1) *extremely, very, thoroughly, increasingly, faintly, a little, quite, rather, slightly, somewhat*; 2) *extremely, very, a bit, mildly, rather* соответственно; а прилагательное *awful* часто сочетается с наречиями *just, quite, really, simply, absolutely, pretty, rather truly* (например, *a truly awful book*).

В ходе дальнейшей работы были рассмотрены еще 53 прилагательных, имплицитно выражающих градуальность – *ancient, appalling, astonished, astonishing, beautiful, brilliant, delighted, delightful, disgusting, dreadful, excellent, fantastic, fascinating, glorious, gorgeous, shocked, shocking, splendid, stunning, superb, superior* и др.

Как и в случае с приведенными выше лексическими единицами, была проанализирована информация об употреблении данных прилагательных с наречиями-градуаторами, полученная как на основе обычных словарей, так и на основе корпусных данных.

В специально сконструированных типовых употреблениях, приводимых в качестве примеров в учебных словарях, например в авторитетном словаре фирмы «Macmillan», не встречается примеров, где бы некоторые из указанных 53 прилагательных употреблялись с наречиями-градуаторами. Это касается прилагательных *ancient, astonished, astonishing, brilliant, delightful, dreadful, shocking, splendid, stunning, superb* и некоторых других.

В то же время упомянутые выше онлайн-словари лексической сочетаемости, указывают на то, что все эти прилагательные часто употребляются с целым рядом наречий-градуаторов, а именно:

ancient – extremely, incredibly, very, quite, positively (e. g. “The man looked positively ancient.”);

astounded – absolutely, quite;

astounding – really, truly, absolutely, quite;

brilliant – just, really (e. g. “Winning that race was just brilliant.”), absolutely, quite, totally, utterly (e. g. an absolutely brilliant idea);

delightful – most, really (e. g. “It has been a most delightful evening.”), absolutely, entirely, quite, truly;

dreadful – really (e. g. “I feel really dreadful about letting you down.”), absolutely, quite (e. g. “To be honest, her singing was quite dreadful.”), truly (e. g. a truly dreadful hat), pretty, rather;

shocking – deeply, extremely, very (e. g. a deeply shocking and painful discovery), quite, rather, slightly;

splendid – really (e. g. a really splendid evening), absolutely, perfectly, quite (e. g. “The meal was quite splendid.”), simply, truly pretty, rather;

stunning – really (e. g. “You look really stunning in that dress!”), absolutely (e. g. “The finished effect was absolutely stunning.”), quite, simply;

superb – really, absolutely (e. g. “The cuisine is absolutely superb.”).

Что касается ряда других прилагательных из рассмотренных пятидесяти трех, имплицитно выражающих градуальность, то в словарях содержится некоторая информация об употреблении их в словосочетаниях с наречиями-градуаторами. Так, например, приводятся примеры, в которых прилагательное **appalling** в значении «very unpleasant and shocking» / «очень неприятный и шокирующий» и в значении «very bad or disappointing» / «очень плохой и разочаровывающий» употребляется с наречием *absolutely*, соответственно:

The conditions in the camps were absolutely appalling; appalling weather;
The jokes were absolutely appalling [Macmillan English Dictionary for Advanced Learners 2012, с. 59].

Прилагательное **beautiful** сочетается с наречиями *very* (*Their mother was a very beautiful woman.*) и *really* (*That dress is really beautiful* [Macmillan ... 2012, с. 115]); **delighted** – с наречием *absolutely* (*I was absolutely delighted with the way things had turned out* [Macmillan ... 2012, с. 390]); **disgusting** в значении «extremely unpleasant» / «очень

неприятный» – с наречием *absolutely* (*boxes of fish that smelt absolutely disgusting*), а в значении «very bad or shocking = OUTRAGEOUS» / «очень плохой или шокирующий» – с наречием *quite* (*The behavior of the crowd was quite disgusting* [Macmillan ... 2012, с. 421]); **excellent** в значении «very good» / «очень хороший» – с наречиями *absolutely* и *really* (*The food was absolutely excellent* [Macmillan ... 2012, с. 508]).

Для прилагательных **fantastic**, **fascinating**, **gorgeous** типично употребление с наречием *absolutely*:

He looked absolutely fantastic [Macmillan ... 2012, с. 535].

I find him absolutely fascinating [Macmillan ... 2012, с. 537].

The weather was absolutely gorgeous [Macmillan ... 2012, с. 651].

С наречием *quite* употребляется прилагательное **glorious** (*The colours are quite glorious* [Macmillan ... 2012, с. 639]); с наречием *deeply* – лексема **shocked** (*We were deeply shocked to hear of his sudden death* [Macmillan ... 2012, с. 1373–1374]); прилагательное **superior**, согласно данным словаря, сочетается с наречиями *vastly*, *greater*, *infinitely* (*The new version is vastly superior to the old one* [Macmillan ... 2012, с. 1502]).

Обращение к корпусным онлайн-словарям позволяет значительно расширить круг наречий-градуаторов, с которыми часто употребляются рассматриваемые прилагательные. Так, прилагательное **appalling**, кроме наречия *absolutely*, часто употребляется с наречиями *really*, *truly*, *quite*, *utterly*, *enormously*, *extremely*, *very*, *rather*; **beautiful** – кроме *very*, часто употребляется с наречиями *rather*, *incredibly*; **delighted** кроме *absolutely*, часто употребляется с наречиями *greatly*, *highly*, *only too*, *really*, *quite* (например, «Mrs Cartwright said she would be only too delighted to present the prizes»); **disgusting**, кроме *absolutely* и *quite*, часто употребляется с наречиями *really* (например, «I think the way she'd treated him is really disgusting»); *pretty*, *rather* (например, «He's got some rather disgusting habits»); **excellent**, кроме *absolutely* и *really*, часто употребляется с наречиями *most*, *truly*, *quite*, *rather*; **fantastic** кроме *absolutely*, в значении «very good» часто употребляется с наречиями *really*, *truly*, *just*, *quite* (например, «We had a really fantastic holiday»), а в значении «strange» – с наречиями *rather* (например, «It may sound rather fantastic, but it's the truth»), *increasingly* (например,

«The plot goes increasingly fantastic as the film goes on»); *fascinating* кроме *absolutely*, часто употребляется с наречиями *deeply, most, really, terribly, truly, very, quite* (например, «a most fascinating book»; «This is very fascinating», said Wilcox, «but I've got a meeting in five minutes»); *gorgeous*, кроме *absolutely*, часто употребляется с наречием *really*; *shocked*, кроме *deeply*, часто употребляется с наречиями *badly, greatly, profoundly, quite, really, terribly, truly, very, almost, a bit, a little, rather, slightly* (например, «The passengers were badly shocked but unharmed»); *superior*, кроме *vastly, greatly, infinitely*, часто употребляется с наречиями *distinctly, far, rather, slightly, somewhat* (например, «The new products were far superior to the old ones. They defeated a greatly superior Roman army»).

Таким образом, в результате проведенного исследования с применением описанной выше несложной процедуры верификации данных, предоставленных обычными словарями, путем использования информации корпусных онлайн-словарей, которые дают значительно более расширенную информацию относительно лексической сочетаемости, можно сделать общий вывод о том, что все изученные английские прилагательные, в лексическом значении которых уже заложена определенная степень проявления признака (обычно высокая), могут сочетаться с наречиями-градуаторами и многие из таких сочетаний являются часто употребительными. В итоге это приводит к дальнейшему усилению степени признака, что, на наш взгляд, дает возможность предположить, что в современном английском языке использование таких сочетаний является одним из способов выражения наибольшей полноты проявления признака.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М. : Наука, 1974. 367 с.
- Голубкова Е. Е. Междисциплинарность корпусно-когнитивных исследований // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. XXXII. В поисках смыслов языка. С. 56–63.
- Заботкина В. И. От интеграционного вызова в когнитивной науке к интегрированной методологии // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход / под общ. ред. В. И. Заботкиной. М. : Языки славянской культуры. 2015. С. 15–38.

Краева И. А. Градуальность английских прилагательных: компонентный vs концептуальный анализ [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017а. Вып. 7 (779). С. 10–17. Режим доступа : [libranet.linguanet.ru / prk / vestnik.asp?vest_lang = Rus&vest_type = gum](http://libranet.linguanet.ru/prk/vestnik.asp?vest_lang=Rus&vest_type=gum)

Краева И. А. Некоторые языковые средства выражения сравнения и градации качества в английском языке [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017б. Вып. 6 (777). С. 13–20. Режим доступа : [libranet.linguanet.ru / prk / vestnik.asp?vest_lang = Rus&vest_type = gum](http://libranet.linguanet.ru/prk/vestnik.asp?vest_lang=Rus&vest_type=gum)

Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход / под общ. ред. В. И. Заботкиной. М. : Языки славянской культуры. 2015. 334 с.

Плунгян В. А. Почему современная лингвистика должна быть лингвистикой корпусов : лекция, прочитанная в рамках проекта «Публичные лекции». Режим доступа : polit.ru/article/2009/10/23/corpus/

Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. 2nd ed. Oxford : Macmillan Publishers Ltd, 2012. 1748 p.

Online Oxford Collocations Dictionary. URL : www.freecollocation.com

The English Collocations Dictionary online. URL : www.ozdic.com

УДК 81'34

М. В. Безбородова, Т. В. Медведева

Безбородова М. В., кандидат филологических наук, доцент,
доцент каф. фонетики английского языка
факультета английского языка МГЛУ; e-mail: mvb87@rambler.ru

Медведева Т. В., кандидат филологических наук, профессор,
зав. кафедрой фонетики английского языка
факультета английского языка МГЛУ; e-mail: phonetics141@yandex.ru

**ЯВЛЕНИЕ «UPTALK» В РЕЧИ МОЛОДЫХ НОСИТЕЛЕЙ
БРИТАНСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**

В настоящей статье представлен лингвистический анализ интонационной особенности трансформации утвердительных предложений в вопросительные (известной как явление *uptalk*) на материале речи молодых образованных жителей Англии (мужчин и женщин) двух возрастных групп – от 18 до 25 (Группа 1) и от 26 до 39 лет (Группа 2). Целью данной работы является обобщение и анализ уже существующих в научной литературе исследований данного явления в ареале Британских островов. Кроме того, были поставлены задачи – определить гендерную детерминированность феномена, изменение количества его использования в зависимости от возраста, а также установить основные функции данной интонационной «аномалии» в молодежной речи и, наконец, особенности данного явления мужчинами и женщинами. Было установлено, что данное явление является маркером молодежной речи, женщины используют данную интонацию примерно в два раза чаще мужчин, причем возрастной фактор практически не влияет на частоту использования явления *uptalk*.

Ключевые слова: явление *uptalk*; интонационная модель; высокий восходящий тон; Англия; нисходящий тон; возраст; гендер; молодежная речь; британский вариант английского языка; молодые британцы.

M. V. Bezborodova, T. V. Medvedeva

Bezborodova M. V., PhD, associate professor, Department of English Phonetics,
English Language Faculty, MSLU; e-mail: mvb87@rambler.ru

Medvedeva T. V., PhD, Professor, Head of the Department of English Phonetics,
English Language Faculty, MSLU; e-mail: phonetics141@yandex.ru

“UPTALK” IN THE SPEECH OF YOUNG BRITONS

The present article explores the use of rising terminal contours, or *uptalk*, in declarative sentences in the speech of young Britons. The aim of the paper is to generalize the existent linguistic findings of the present phenomenon as well as to investigate the rising contour in the speech of young educated natives from England

across two age groups (18–25 (Group 1) and 26–39 (Group 2)). The results of the study show that women use the rising terminals twice as frequent as men; age does not affect the contour use.

Key words: phenomenon of uptalk; intonation contour; rising terminal; England; age; gender; youth speech; British English; young Britons.

Введение

В настоящее время в речи молодых британцев всё чаще отмечается тенденция использования восходящего терминального тона в утвердительных высказываниях. Данная особенность, известная как *uptalk*, считается фонетистами и даже самими носителями английского языка настоящей лингвистической загадкой. В лингвистической литературе встречаются также и другие названия данного явления: high rising intonation, upspeak, talking in questions, rising intonation, valley girl speech, Valspeak, upward inflection, interrogatory statement, high rising terminal, Australian Question Intonation (AQI), но термин *uptalk* используется чаще других.

До сих пор появление в речи британцев подобной тенденции не нашло у лингвистов единого объяснения. Проблема состоит в том, что часто новые произносительные тенденции в речи говорящих могут так и не закрепиться. Трудно даже предугадать то, как та или иная интонационная модель будет развиваться в разных вариантах английского языка, не говоря уже о том, каким образом она впоследствии получит распространение [Gimson 1970].

Например, жители Южной Калифорнии считают, что явление *uptalk* впервые появилось именно в речи молодых жительниц долины Сан-Фернандо. Подтверждением этому они считают появившийся в 1982 г. хит рок-музыканта Ф. Заппы «Девушка из Долины», в котором дочь музыканта Мун Юнит пародировала интонацию *uptalk*, которую использовали девушки из долины Сан-Фернандо. И только в 2013 г. лингвисты Университета Сан-Диего А. Ричард и А. Арванити развеяли этот миф и доказали, что *uptalk* не является исключительно произносительной особенностью жительниц Южной Калифорнии.

По словам профессора Университета Св. Джона в Нью-Йорке И. Пратт-Джонсон, тенденция девушек-тинейджеров использовать восходящий тон в декларативных предложениях постепенно проникла в стандартную речь старшего поколения. Более того, данное

явление уже не является произносительным трендом: это стало стандартной произносительной чертой речи говорящих среднего класса [Coughlan 2005].

Гипотезы возникновения явления «uptalk» в речи британцев

Существует большое количество разнообразных гипотез о возникновении явления *uptalk* на Британских островах. Рассмотрим некоторые из них.

В 1975 г. американский лингвист Р. Лакофф писала о своеобразной интонационной модели, которая звучит как общий вопрос, однако используется при утвердительных ответах на вопросы. Сам же термин *uptalk* впервые появился лишь в 1993 г. в одной из колонок газеты *New York Times* [Lakoff 1975].

Многие жители Великобритании считают, что данное явление следует называть «австралийской вопросительной интонацией», так как оно укоренилось в речи британцев, особенно детей и молодежи, благодаря австралийскому сериалу «Соседи», появившемуся на экранах в 1986 г.

Внезапно целое поколение британских подростков и молодых людей стали использовать в конце утвердительных предложений восходящий тон. Английский фонетист Дж. Уэллз также заметил наличие данного явления в речи молодых британцев в 80–90-х гг. [Wells 2006].

Данная интонационная особенность считается относительно новым явлением, чаще всего встречающимся в речи молодого поколения, особенно женщин.

Американский лингвист из Университета Пенсильвании М. Либерман вообще предполагает, что тенденция использования восходящего тона в утвердительных предложениях могла появиться в Великобритании еще в IX в. Выдвинутая ученым гипотеза состоит в том, что распространение данной интонации в северо-английском, шотландском и северо-ирландском вариантах английского языка объясняется скандинавским влиянием на этих территориях [Lieberman 2006].

Британский фонетист Г. Свит в своей книге «*A Handbook of Phonetics*», изданной в 1870 г., заметил, что в шотландском варианте английского языка в XIX в. восходящий тон употребляется не только в вопросах, но и в утвердительных ответах на них.

Существует и другая лингвистическая гипотеза, согласно которой миграция населения из Северной Ирландии в Англию и Шотландию явилась причиной распространения зародившегося в будущем на территории Великобритании явления «uptalk» (www.bbc.com/news/magazine-28708526).

Английский фонетист А. Краттенден, описывая тенденции произносительных изменений начала XXI в., наоборот, относит частое использование высокого восходящего тона в утвердительных предложениях к недавно возникшим инновациям (Recent Innovation). Ученый считает, что данное фонетическое явление появилось в Австралии, Новой Зеландии и США 20 лет назад, а вопрос о том, каким образом и когда данная интонационная модель распространилась среди британцев, оставляет дискуссионным. Возможно, считает ученый, причиной этому послужило большое количество продавцов – выходцев из Австралии и большая популярность австралийских телесериалов на британском телевидении [Cruttenden 2008].

Существуют и другие точки зрения, объясняющие возникновение явления *uptalk* на Британских островах. Например, выходцы из Соединенного Королевства часто путешествовали в Австралию и Новую Зеландию, что способствовало появлению в их речи новых особенностей. Также огромный поток переселенцев в Великобританию – австралийцев и новозеландцев – может являться причиной распространения *uptalk* (www.bbc.com/news/magazine-28708526).

Основные функции явления «uptalk»

Восходящий тон в повествовательных предложениях используется в разных вариантах английского языка. При исследовании данного явления необходимо обращать внимание на контекст высказывания, а также гендер, возраст говорящих и их социальный статус [Labov 2001].

Некоторые лингвисты считают, что ситуации, в которых фигурирует явление *uptalk*, противоречат общелингвистическим описаниям моделей с восходящим терминальным тоном, функциями которых являются, в основном, сомнение, неуверенность и незавершенность [Ladd 1996].

Другие, наоборот, полагают, что во многих случаях тон имеет не только вышеперечисленные функции, а также функции вежливости,

колебания, готовности продолжать разговор, почтительного отношения, представления новой информации, попытки взять слово в разговоре и поддержать беседу.

Часто данное явление возникает при произнесении таких маркеров поддержания разговора, как «вы знаете», «правильно», «ну», «хорошо» [Manns 2014].

Некоторые фонетисты полагают, что частое использование восходящего тона характерно для неуверенных в себе людей (импликативная функция), которые как бы постоянно проверяют, слушает ли их собеседник или нет. Американский лингвист Р. Лакофф впервые отметила данную особенность еще 40 лет назад. Но, с другой стороны, американский лингвист М. Либерман полагает, что *uptalk* в настоящее время является способом отстаивать свое лидерство. Проведенные ученым исследования показали, что говорящие, занимающие доминирующее положение (научный руководитель, председатель собрания) используют восходящий тон в утвердительных предложениях в 3–7 раз чаще других. Объяснением этому служит то, что фактически данные утвердительные предложения являются скрытой формой вопроса [Lakoff 1975; Liberman 2006].

Известный преподаватель ораторского искусства из Австралии Ш. Коллинз считает, что *uptalk* набирает популярность вследствие того, что становится все сложнее завладеть вниманием собеседника из-за постоянного использования мобильных телефонов и прочих гаджетов. Таким образом человек как бы пытается удостовериться, слушает его собеседник или нет (www.bbc.com/news/magazine-28708526).

Согласно недавно проведенному исследованию сотрудников английского издательства «Пирсон», основной причиной использования британцами восходящего тона в утвердительных предложениях в настоящее время является популярность австралийских ток-шоу. По их мнению, это может негативно сказаться на карьерном росте англичан. Данное явление наиболее характерно для речи тинейджеров и выпускников колледжей в Великобритании.

Опрос 700 руководителей показал, что данная черта указывает на эмоциональную нестабильность и внутреннюю неуверенность говорящих. Лишь 16% из всех опрошенных считают, что смогли бы не обращать внимание на данную черту во время собеседования при приеме на работу, а руководствовались бы лишь профессиональными

качествами соискателя. Более 70% работодателей раздражает, когда потенциальные сотрудники используют восходящий тон в конце утвердительных предложений, а 85% руководителей убеждены, что данная тенденция в речи указывает на неуверенность в себе и сильно уменьшает возможность повышения по службе или прибавки к зарплате ([www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-2538554/Want-promotion-Don't-speak-like-AUSSIE-Rising-pitch-end-sentences-make-sound-insecure.html](http://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-2538554/Want-promotion-Don-t-speak-like-AUSSIE-Rising-pitch-end-sentences-make-sound-insecure.html)).

«Мечтаете о повышении по службе? Тогда не говорите, как австралиец: восходящий тон в конце предложений свидетельствует о вашей неуверенности».

Однако австралийский лингвист А. Кит доказал связь между восходящей интонацией в утвердительных предложениях и попыткой продемонстрировать уважение к собеседнику (функция эмотивной связи). Известно, что на произнесение высказываний с интонацией высокого уровня тратится гораздо больше усилий, чем на высказывания с «низкой» интонацией, т. е. оно более энергозатратно. Соответственно говорящие используют его с целью произвести благоприятное впечатление на собеседника и проявить к нему уважение [Mann 2014].

Существует также и мнение профессора Робин Лакофф согласно которому человек, задающий вопрос (использующий модель *uptalk*), находится в зависимости от собеседника, так как хочет получить от него информацию. В данной речевой ситуации интонация *uptalk* ассоциируется с более низкой социальной ролью говорящего по сравнению с собеседником (matrix.berkeley.edu/research/whats-uptalk).

Результаты нашей работы подтверждают наличие многих перечисленных функций в речи образованных молодых британцев, а также неоднозначность восприятия явления *uptalk* на гендерном уровне.

Гендерный аспект явления «uptalk»

Говоря об использовании вопросительной интонации в утвердительных предложениях, в 1975 г. американский лингвист Р. Лакофф обозначила ее как «женская речевая особенность», «беспомощность» или «бессилие» (аффективная функция). Позже данную интонационную особенность назвали *uptalk* [Eckert, McConnell-Ginet 2003].

Другой американский лингвист М. Либерман отмечает, что использование восходящего тона молодыми женщинами может

ассоциироваться со слабостью и незащищенностью. В настоящее время даже мужчины используют *uptalk*, хотя, по мнению ученого, это не должно встречаться в сфере бизнеса и политики.

Изначально лингвисты и представители СМИ предполагали, что *uptalk* характерен исключительно для речи женщин. Считалось, что женщины используют восходящий тон, который служит сигналом неуверенности. Часто речь молодых женщин подвергается насмешкам со стороны представителей противоположного пола. По их мнению, отличительные произносительные черты в речи женщин являются маркерами незрелости и глупости [Lakoff 1975; Britain 1992; Eckert, McConnell-Ginet 2003].

Однако лингвисты, которые часто сами указывали на наличие той или иной произносительной черты в речи женщин, говорят, что подобные ассоциации уже устарели. Девушки в подростковом возрасте и те, кому за 20, имеют право являться инноваторами произносительных тенденций, поскольку они делают это осознанно и продуманно.

Профессор лингвистики из Стэнфордского университета П. Эккерт сделала вывод, что большинство произносительных тенденций, являющихся отличительной особенностью женской речи, звучат весьма кокетливо и очаровательно. Поэтому девушки чаще используют их с целью произвести благоприятное впечатление на собеседника [Labov 1990; Milroy, Milroy, Hartley 1994; Holmes 2001].

Исследования, проведенные американским лингвистом Р. Лакофф, доказали, что женщины чаще прибегают к использованию восходящего тона в утвердительных предложениях подсознательно с целью избежать «обвинений» в гиперопеке и навязчивости. Таким образом, они звучат менее агрессивно и как бы «зависят» от собеседника (matrix.berkeley.edu/research/whats-uptalk).

Многие лингвисты считают, что использование интонации *uptalk* указывает на недостаточную уверенность в себе, чувство неполноценности, а также желание понравиться собеседнику. Однако исследования, проведенные американскими лингвистами университета Пенсильвании, доказали обратное: *uptalk* может быть использован даже с целью занять лидирующую позицию в разговоре [Quenqua 2012].

Согласно выводам американского лингвиста М. Либермана, восходящая интонация свидетельствует о том, что говорящий контролирует ситуацию общения и ждет реакцию от собеседника [Lieberman 2006].

Многие лингвисты считают, что черта *uptalk* больше характерна для речи женщин наравне с другими речевыми феноменами, такими как, например, *vocal fry* «жареный голос» и томная хрипотца (*creaky voice*). Подобные особенности делают речь женщин более манерной, позволяя им быть услышанными [Wolf 2015].

Данная работа является еще одним подтверждением реально существующей гендерной специфики английской речи, в данном случае – в связи с использованием модели *uptalk*.

Лингвистическое исследование

Несмотря на то, что явление *uptalk* достаточно подробно описывалось ранее в лингвистических источниках, не существует работ, полностью посвященных исследованию явления *uptalk* в речи молодых образованных носителей британского варианта английского языка [Britain 1992; Cruttenden 1994; Fletcher et al. 2002; Warren 2005].

Данная статья посвящена исследованию использования молодыми образованными британцами восходящего терминального тона в утвердительных высказываниях с учетом гендерного и возрастного аспектов.

Основными задачами работы было определить, является ли данная интонация маркером молодежной речи, говорящие какого пола чаще используют явление в своей речи, возрастает или уменьшается число использований данного явления с возрастом, а также какими функциями обладает восходящий тон, используемый в утвердительных предложениях, и одинаково ли воспринимают данную модель мужчины и женщины.

Для решения вышеупомянутых задач нами было проведено два перцептивных исследования явления *uptalk* на материале спонтанной речи образованных молодых англичан (9 мужчин и 5 женщин), жителей Англии. Заметим, что подобная неподготовленная спонтанная речь является наиболее частотной формой звучащей речи в повседневной речевой деятельности.

Итак, экспериментальный материал для исследования был записан в исполнении 14 дикторов-англичан двух возрастных групп: группа 1 (18–25 лет) – семь человек (четыре юноши и три девушки); группа 2 (26–39 лет) – семь человек (пять мужчин и две женщины).

Состав групп:

Группа 1 – студенты (18–25 лет): четыре юноши (Sebastian – 18 лет, Woking, Surrey; Daniel – 19 лет, Wallasey, Merseyside; Jason – 22 года,

Chatham, Kent; Liam – 25 лет, London) и три девушки (Magda – 20 лет, London; Mary – 22 года, Sheffield, South Yorkshire; Katherine – 24 года, London).

Группа 2 – преподаватели английского языка (26–39 лет): пять мужчин (David – 30 лет, London; Phil – 31 год, Chichester, West Sussex; Phillipe – 36 лет, Isleworth, Middlesex; Mark – 38 лет, London; Wayne – 39 лет, Camberley, Surrey) и две женщины (Alyson – 28 лет, Bunbury, Oxfordshire; Polly – 39 лет, Woking, Surrey).

Как уже упоминалось, все информанты причисляют себя к носителям британского произносительного стандарта (Received Pronunciation): они с рождения проживают в Англии, принадлежат к среднему или высшему классу и либо получают (информанты возрастной группы 18–25 лет), либо имеют высшее образование (информанты возрастной группы 26–39 лет).

Для проведения двух перцептивных исследований был собран следующий материал: дикторам было предложено высказаться на одну из следующих тем: семья, хобби, еда, любимое литературное произведение, самое яркое событие в жизни. Продолжительность высказываний – в среднем от трех до семи минут у каждого информанта. В целом, длительность корпуса звукового материала составила более 80 минут.

При проведении первого перцептивного исследования нами были прослушаны записанные образцы речи всех аудиторов (2-3 раза) с целью выделить и проанализировать предложения, содержащие интонацию *uptalk*.

Для проведения второго перцептивного исследования было проведено следующее: записи каждого говорящего начинали анализироваться с 15-й секунды (с целью исключения волнения и хезитации). В итоге были выбраны 42 предложения, содержащих модель *uptalk*.

Предложения выбирались по следующим критериям:

- предложение должно быть утвердительным, проблем в определении коммуникативной направленности возникать не должно;
- предложение должно быть интонационно завершенным: таким образом не рассматривались неоконченные предложения;
- рассматривались предложения с четким интонационным контуром.

Далее нами были выделены из речи информантов только финальные части фраз и к ним составлены тексты-скрипты. Затем данный

звучащий материал был предложен четырем аудиторам-носителям британского варианта английского языка (преподаватели английского языка) – двум мужчинам и двум женщинам. Аудиторы прослушивали данные фразы, воспроизводимые в случайном порядке, с целью ответить на следующие вопросы:

- завершил ли говорящий разговор;
- уверен ли он в сказанном;
- является ли говорящий в целом уверенным в себе человеком.

При ответе на данные вопросы аудиторы использовали пятибалльную шкалу, где ответ 1 означал «абсолютно нет», а 5 – «точно да». После прослушивания оценивались, также по пятибалльной шкале, степени завершенности высказывания и уверенности говорящего.

Результаты первого перцептивного исследования

Анализ результатов первого перцептивного исследования показал:

1. Высокий восходящий тон (*high-narrow rise*) одинаково используется представителями обоих полов. Явление *uptalk* встречается 42 раза во всей звучащей речи практически у всех дикторов в разной степени, что составило 35 % от всей звучащей речи (2,5 минуты от 80 минут). С большой долей вероятности можно предположить, что данная интонационная модель становится маркером речи образованной английской молодежи.

2. В ходе нашего исследования встретились следующие модели, содержащие высокое восходящее завершение (*High-Narrow Rise*): постепенно нисходящая ступенчатая шкала в сочетании с высоким восходящим завершением (*Gradually Descending Stepping Scale + High-Narrow Rise*) и низкая ровная шкала в сочетании с высоким восходящим завершением (*Low Level Scale + High-Narrow Rise*).

Постепенно нисходящая ступенчатая шкала в сочетании с высоким восходящим завершением использовалась информантами в 5 раз чаще, чем низкая ровная шкала в сочетании с высоким восходящим завершением.

В зависимости от ситуации интонационная модель «постепенно нисходящая ступенчатая шкала в сочетании с высоким восходящим завершением» (*Gradually Descending Stepping Scale + High-Narrow Rise*) употреблялась информантами для выражения таких эмоций, как заинтересованность, неуверенность, одобрение, хвастовство и задор.

Например:

- заинтересованность:

Katie: It's 'always 'interesting to 'study about 'Russia's 'relations with the rest of the 'world.

Magda: It was very enter`taining, | because my 'sister 'came to 'visit. They 'celebrate New `Year, | so that was 'quite enter'aining.

David: But 'interesting in the 'context of 'living here for a 'year.

- неуверенность

David: I've been 'reading quite a lot of 'factual 'books recently.

Liam: After I'd 'finished 'University I didn't really 'know what to 'do.

Magda: ...which was ^vweird, | because I'd 'only been here a 'week before she ar'ived.

Phillipe: 'Don't 'know what my 'favourite film 'is. 'Can't 'remember its 'name.

David: In 'terms of 'fiction.... It 'seems I've been 'reading mostly 'junk recently.

- одобрение:

Liam: 'Moscow 'seemed to be the most 'attractive 'option.

Phillipe: ^Ok, so my 'favorite 'season is 'summer... ^Obviously, because it's a 'time of 'year when I have my 'holiday.

- хвастовство и задор

Sebastian: We 'managed to 'adapt to the 'situation here very 'quickly.

Katie: 'Moscow has 'always taken my 'fantasy. ^vEspecially 'after having 'graduated from University in the 'UK... with international re'lations.

Liam: First of ^all I 'joined the 'company 'called 'English 'First, which is quite a 'large 'language training organi'zation.

4. Интонационная модель «Низкая ровная шкала в сочетании с высоким восходящим завершением» (Low Level Scale + High-Narrow Rise) употреблялась информантами для выражения таких эмоций, как взволнованность и убежденность. Например:

- при сообщении очевидных фактов своей биографии (имя, фамилия, семейное положение):

Katie: I ,came to ,Moscow last 'year.

Katie: I'm ,here as an ,English 'teacher".

Polly: My ,name is 'Polly. I'm ,married to ,Roger 'Phillips.

Magda: I ,spent my ,last Christmas in 'Moscow.

Sebastian: We've been ,living in the South of ,France for about ,four 'months now.

Mary: My ,name is 'Mary. I'm from 'Sheffield.

- убежденность:

Katie: ,Moscow has ,always taken my 'fantasy.

Liam: I ,suppose I can ,talk about when I ,first came to 'Russia.

David: As a ,result of this ,book I ,guess I've become ,quite an 'atheist.

Sebastian: It's a ,nice place because there are ,nice 'people.

Mary: I ,think there is half a ,million in the 'area.

5. Женщины обеих возрастных групп активно используют восходящий тон в своей речи в среднем 56,55 % случаев: 58,9 % – для первой возрастной группы; 54,2 % – для второй возрастной группы. Мужчины используют данную интонацию, в среднем, в 24,77 % случаев, однако возрастные различия практически отсутствуют: 26,45 % – для первой возрастной группы; 23,1 % – для второй возрастной группы.

6. Женщины обеих возрастных групп в своей речи используют нисходящий тон в 25,5 % случаев: девушки Группы 1 – в 26 % случаев, а женщины Группы 2 – в 25 % случаев. Мужчины обеих возрастных групп используют в своей речи нисходящий тон в среднем в 66,5 % случаев: 65 % случаев – Группа 1, 68 % случаев – Группа 2.

Результаты второго перцептивного исследования

При ответе на поставленные вопросы были получены следующие результаты:

1. При ответе на вопрос: «Закончил ли говорящий разговор?» – аудиторы ответили следующим образом: мужчины интерпретировали финальный нисходящий тон как заверченный чаще, чем финальный восходящий тон; женщины не интерпретировали ни один из тонов как более заверченный.

2. При ответе на вопрос: «Уверен ли говорящий в сказанном?» – мужчины отвечали, что высказывания, содержащие финальный нисходящий тон, звучат намного увереннее. Женщины-аудиторы не отметили, что какой-либо тон свидетельствует в большей степени об уверенности говорящего.

3. При ответе на вопрос: «Является ли говорящий уверенным в себе человеком?» – мужчины-аудиторы отмечали, что высказывания, произнесенные с нисходящим тоном, звучат более уверенно. Женщины-аудиторы не отмечали, что высказывания, произнесенные с нисходящим тоном, звучат более уверенно, чем высказывания, произнесенные с восходящим тоном.

Выводы

Итак, по полученным результатам двух перцептивных исследований можно сделать следующие выводы:

1. С высокой степенью вероятности можно заключить, что явление *uptalk* стало маркером молодежной нормы.
2. Женщины обеих возрастных групп используют в своей речи интонационную модель *uptalk* в 2 раза чаще мужчин.
3. Мужчины обеих возрастных групп используют нисходящий тон в утвердительных предложениях почти в 2.5 раз чаще, чем женщины.
4. Возраст практически не влияет на количество использований интонационной модели *uptalk*.
5. Мужчины понимают функции восходящего и нисходящего тонов более традиционно, чем женщины. Согласно полученным данным, мужчины чаще, чем женщины, ассоциируют нисходящую интонацию с завершенностью, уверенностью и категоричностью, а восходящая интонация для них является

- признаком неуверенности и незавершенности высказывания. Женщины не ассоциируют ни восходящее, ни нисходящее завершение как означающее большую степень уверенности и завершенности.
6. Вследствие того, что явление *uptalk* воспринимается мужчинами и женщинами по-разному, можно заключить, что для достижения успешной коммуникации в разговоре с лицами мужского пола надо стараться меньше использовать интонационную модель *uptalk*.
 7. Интонационная модель *uptalk* употреблялась информантами для выражения таких эмоций, как заинтересованность, неуверенность, одобрение, хвастовство, задор (при использовании постепенно нисходящей ступенчатой шкалы в сочетании с высоким восходящим завершением) и взволнованность и убежденность (при использовании низкой ровной шкалы в сочетании с высоким восходящим завершением).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Britain D.* Linguistic change in intonation // *Language Variation and Change* 4 (1). 1992. P. 77–104.
- Coughlan S.* Uptalk becoming standard speech [Электронный ресурс]. URL : news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/education/4116788.stm
- Cruttenden A.* Rises in English // *Studies in general and English phonetics* / ed. by Windsor Lewis. London : Routledge, 1994. P. 155–173.
- Cruttenden A.* Gimson's Pronunciation of English. 7th ed. London : Hodder Education, 2008. 362 p.
- Eckert P., McConnell-Ginet S.* Language and Gender. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. 366 p.
- Fletcher J., Stirling L., Mushin I., and Wales R.* Intonational Rises and Dialog Acts in the Australian English Map Task // *Language and Speech* 45. 2002. P. 229–253.
- Gimson A. C.* British English pronunciation: standards and evolution. *Praxis des Neusprachlichen Unterrichts* 17. 1970. P. 17–20.
- Holmes J.* An introduction to sociolinguistics. Edinburgh : Pearson Education Limited, 2001. 406 p.
- Labov W.* The intersection of sex and social class in the course of linguistic change // *Language Variation and Change* 2 (2). 1990. P. 205–254.
- Labov W.* Principles of Linguistic Change. Vol. 2. Social Factors. Oxford : Wiley–Blackwell, 2001. 572 p.

- Ladd R.* Intonational phonology. Cambridge : Cambridge University Press, 1996. 334 p.
- Lakoff R.* Language and Women's Place. New York : Harper & Row, 1975. 365 p.
- Lieberman M.* Uptalk is not HRT. [Электронный ресурс]. URL : itre.cis.upenn.edu/~myl/languagelog/archives/002967.html.
- Manns H.* Australian question intonation? No good in Britain? Mate, really? [Электронный ресурс]. URL : theconversation.com/australian-question-intonation-no-good-in-britain-mate-really-21755
- Milroy J., Milroy L. and Hartley S.* Local and supra-local change in British English: the case of glottalisation // English World-Wide 15:1. 1994. P. 1–33.
- Quenqua D.* They're, like, way ahead of the linguistic currrrve [Электронный ресурс]. URL : www.nytimes.com/2012/02/28/science/young-women-often-trendsetters-in-vocal-patterns.html
- Warren P.* Patterns of late rising in New Zealand English // Language Variation and Change 17. 2005. P. 209–230.
- Wells J. C.* English Intonation: An Introduction. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. 274 p.
- Wolf N.* Young women, give up the vocal fry and reclaim your strong female voice. [Электронный ресурс]. URL : www.theguardian.com/commentisfree/2015/jul/24/vocal-fry-strong-female-voice
- The unstoppable march of the upward inflection [Электронный ресурс]. URL : www.bbc.com/news/magazine-28708526.
- Want a promotion? Don't speak like an Aussie: rising in pitch at the end of sentences make you sound 'insecure'. [Электронный ресурс]. URL : www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-2538554/Want-promotion-Don't-speak-like-AUSSIE-Rising-pitch-end-sentences-make-sound-insecure.html.
- What's up with upspeak? [Электронный ресурс]. URL : matrix.berkeley.edu/research/whats-upspeak.

УДК 81'34

Т. Д. Брайнина

кандидат филологических наук, доцент каф. русского языка
как иностранного факультета по обучению иностранных граждан
ФГБОУ ВО МГЛУ; e-mail: tdbraynina@yandex.ru

УРАВНЕНИЕ СО МНОГИМИ НЕИЗВЕСТНЫМИ (О стиле романа Саши Соколова «Школа для дураков»)

Статья посвящена стилистическим приемам, связанным с выражением неопределенности в языке. В данной работе рассказывается о языковой игре в романе Саши Соколова «Школа для дураков». Этот роман является наиболее важным произведением раннего русского постмодернизма, получившим признание и в России и на Западе. В статье говорится об особой роли неопределенно-указательных местоимений в речи повествователя и о различных языковых экспериментах, приводящих к созданию эффекта неопределенности в тексте.

Ключевые слова: указание на неопределенность объекта; неопределенно-указательные местоимения; языковая игра; языковой эксперимент.

T. D. Braynina

PhD (Philology), Assistant Professor,
Department of Russian as a Secondary Language,
Faculty of Teaching Foreign Citizens, MSLU;
e-mail: tdbraynina@yandex.ru

AN EQUATION WITH MANY UNKNOWNNS (On the style of Sasha Sokolov's novel «A School for Fools»)

The article is devoted to the stylistic methods associated with the expression of uncertainty in the language. In this paper, the language play in the novel "A School for Fools" by Sasha Sokolov is discussed. This book is the most important artwork of the early Russian postmodernism that has gained recognition both in Russia and in the West. The article deals with a special role of indefinite-demonstrative pronouns in narrator's speech and with various language experiments that create the uncertainty effect in the text.

Key words: indication of object uncertainty; indefinitely-demonstrative pronoun; language game; language experiment.

Известно, что грамматическая категория определенности / неопределенности в русском языке выражена очень слабо, о чем свидетельствуют работы А. А. Реформатского [Реформатский 2000], Н. С. Трубецкого [Трубецкой 1987]. В последние годы о проблеме выражения

определенности / неопределенности в русском языке писали М. П. Алевин, В. В. Гуревич, Т. М. Николаева, Н. С. Поспелов и др.

В статье Ефремовой И. Н., Белковой Т. М. отмечается, что в русском языке эта категория является «скрытой» и выражается синтаксическими, лексическими и морфологическими средствами [Ефремова, Белкова 2017].

Вместе с тем в статье Е. В. Падучевой неопределенность названа семантической доминантой русской языковой картины мира. Автор отмечает, что «сама возможность изощенной игры на неопределенностях ... заложена в русском языке и служит лишь подтверждением тезиса об особой настроенности языка в целом на эту семантическую сферу» [Падучева 1996].

Нам хотелось бы в этой связи показать яркий пример игры на неопределенности, лежащей в основе одного из главных стилистических приемов, который использует автор романа «Школа для дураков».

Заслуженное признание, которое получила эта книга Саши Соколова, во многом было обусловлено своеобразием ее стиля и множеством приемов языковой игры. Одна из ярких стилистических особенностей данного произведения – характерное указание на неопределенность реальности персонажей, их имен, числа и количества, времени и места действия. Для выражения этой семантики автор широко использует неопределенно-указательные местоимения и наречия (например, *такой-то, столько-то, там -то*).

Саша Соколов применяет и другие речевые приемы создания эффекта неопределенности, основанные на творческом использовании языковых средств и на языковых экспериментах. Внимательное рассмотрение этих приемов представляет интерес и с лингвистической, и с читательской точки зрения.

Постоянные указания на неопределенность объекта в тексте романа «Школа для дураков» являются необходимым для автора средством привлечения внимания читателей к процессу познания действительности рассказчиком. Повествование в книге ведется от лица душевнобольного – вечного мальчишка, страдающего раздвоением личности. Потеряв память, он задает себе вопросы, в которых отражается вся проблематика книги: кто я? как меня зовут? как называется то, что меня окружает? что из того, что я вижу и чувствую реально? что такое время?

Вспоминая постепенно наиболее яркие моменты своей жизни, герой-рассказчик стремится найти ответы на эти вопросы, причем в тексте повествования, как при решении уравнения, он оперирует неопределенными сведениями о времени, месте действия, действующих лицах. Данная стилистическая особенность способствует созданию впечатления абсурдности речи рассказчика, и в то же время именно через этот прием автор демонстрирует внутреннюю логику потока его сознания.

Особое значение этого приема для стиля книги обусловлено и тем, что он подчеркивает неразрешенность, а иногда и неразрешимость вопросов, поставленных героем-рассказчиком, и усиливает трагикомический характер повествования.

Указание на неопределенность личности повествователя и его имени

Характерной чертой стиля данного произведения является то, что повествователь пишет эту книгу для своего второго «я», таким образом, он сам оказывается адресатом высказывания, причем второе «я» не просто пассивный «слушатель» или «читатель», оно с первых же страниц вступает в диалог с повествователем. Второе «я» может надолго исчезать из поля зрения читателя и появляться вновь в самых волнующих, кульминационных ситуациях, чаще всего оно возникает, когда повествователь предается мечтам о любви:

...а про тебя я скажу ей так: скоро к вам явится человек, чем-то похожий на меня, он постучит в дверь: «тук-тук», он попросит, чтобы вы бросили меня одного на заснеженном перроне, потому что я больной, но, пожалуйста, скажу я, не верьте ему, ничему не верьте, он сам рассчитывает быть с вами, но он не имеет на это никакого права, потому что гораздо хуже меня, вы поймете это сразу, как только он явится и заговорит, так не верьте же ему, в связи с тем, что его нет на свете, не существует, не имеет места, не есть, нет его, нет, милая, один я, один...

Из этого отрывка видно, насколько неопределенным является представление повествователя о себе, о реальности своего второго «я», к которому он обращается.

Повествователь может называть себя личными местоимениями всех трех лиц (*я, мы, ты, он*), а в первом лице – местоимениями единственного и множественного числа. Таким образом, повествователь может осознавать себя как единственного или как одного из двух, или

как обоих, или как вовсе не существующего, поскольку он может допустить как нереальность своего второго «я», так и первого («я *находился в одной из стадий исчезновения*»). Личность повествователя является неопределенной для него самого, но в то же время ее неопределенность ограничена приведенными вариантами.

При всей внутренней хаотичности образа, обусловленной противоречивым самосознанием повествователя, по отношению к внешнему миру он имеет определенные границы. Восприятие его окружающими, отраженное в его речи, говорит о том, что данное хаотичное самосознание принадлежит сначала *ученику спецшколы такому-то*, а потом *дворнику такому-то*, т. е. в тексте содержится указание на личность повествователя, но внутренне эта личность не определена. Вывод повествователя о том, что он сам есть его память, к которому он приходит в конце книги, не устраняет этой неопределенности, поскольку память может принадлежать и первому, и второму «я», и обоим вместе.

С внутренней неопределенностью повествователя связана неопределенность его имени, ведь имя, которым называют его окружающие, принадлежит обоим его «я», самостоятельность которых он ощущает, поэтому оно воспринимается им как формальное, не отражающее сути. По этой причине повествователь заменяет свое имя неопределенно-указательным местоимением *такой-то*, выражая таким образом безразличие к своему формальному имени:

Вета Вета Вета, это я ученик специальной школы такой-то отзовись я люблю тебя;

Дорогой ученик такой-то, я, автор книги, довольно ясно представляю себе тот поезд – товарный и длинный.

В том случае, когда повествователь осознает себя как первое и второе «я» одновременно, он избегает упоминания о своем имени, заменяя его фразовой номинацией с неопределенно-указательным значением, поскольку указание на неопределенность имени собственного является характерной чертой книги:

Пришли, чтобы спросить и получить правдивый ответ. Кто? *Те, Кто Пришли.*

В соответствии с правилами сочетаемости подлежащего, выраженного словом «кто», со сказуемым, последнее должно стоять

в единственном числе, следовательно, форма «пришли» является неправильной, просторечной. Тем не менее в контексте романа она, по-видимому, необходима, поскольку подчеркивает множественность «личностей» повествователя.

Указание на неопределенность реальности персонажей для повествователя

Образы персонажей в книге «Школа для дураков» носят зыбкий, неопределенный характер. В воспоминаниях повествователя факты его биографии смешиваются с фантазиями, и он сам часто неуверен в реальности тех лиц, о которых говорит. Эта неуверенность, часто прямо высказываемая повествователем, может также проявляться в противоположности характеристик, которые он дает им:

...Михеев и есть тот самый, кого в поселке знали под именем Насылающий Ветер. Точнее сказать, не знали... Одни утверждали, будто он *молод и мудр*, другие – будто *стар и глуп*, третьи настаивали на том, что он средних лет, но неразвит и необразован, четвертые – что стар и умен. Находились и пятые, заявлявшие, что Насылающий *молод и дряхл, дурак, но гениален*.

Характеристика этого персонажа построена на антонимах, поэтому каждое последующее определение уничтожает предыдущее, что делает персонаж всё более неопределенным. Этот прием аналогичен указанию на неопределенность личности повествователя, при котором также приводятся противоречивые утверждения о его реальности и его самосознании.

Разновидностью этого приема является одновременное употребление ряда слов одного семантического поля с взаимоисключающими значениями в качестве характеристики персонажа, например, перечисление названий профессий:

Она должна была поставить меня в известность, мол, так и так, так и так, и так ездила в Край Козодоя на машине с одним *инженером кандидатом искусствоведом режиссером счетоводом...*

Нужно сказать, что подобный прием используется не только для характеристики персонажа, но и при упоминании определенного рода предметов, которые точно не известны и безразличны рассказчику:

...считать, что всё кончено, а также, что *вельвет (драпбатиштилк-ситецафьян)* очень практичный...

Указания на неопределенность имен собственных

В романе «Школа для дураков» существуют два вида имен собственных – это прозвища, данные персонажам и явлениям повествователем по ассоциации, и «настоящие» имена и названия, которых он почти никогда не упоминает, заменяя их неопределенно-указательными местоимениями или их семантическими эквивалентами: *Начальник такой-то, источник-имярек.*

Существуют два персонажа, реальность которых не вызывает сомнений у повествователя. Они имеют имена, отчества и фамилии: учительница ботаники Вета Аркадиевна Акатова и учитель географии Павел (Савл) Петрович Норвегов. В этих именах отражаются ассоциации, вызываемые данными персонажами в сознании повествователя: Вета Акатова – ветка акации, ботаника; наставник Павел Петрович – святые Петр и Павел, Норвегов – география.

Таким образом, оказывается, что имена этих героев подобны прозвищам. Прозвища, указывая на определенное лицо и выделяя его из круга других лиц, в то же время могут быть средством утаивания «настоящего» имени, что сближает их функцию в этом произведении с функцией неопределенно-указательных местоимений, поскольку очевидность их происхождения из ассоциаций повествователя является указанием на невыраженность, неизвестность настоящего имени.

Прозвища могут даваться повествователем не только персонажам, но и какому-либо месту. Например, реку он называет «Лета», потому что, плывя по ней на лодке, он потерял память. «Настоящее» название реки, как и других мест (города, станции), никогда не упоминается, несмотря на то, что присутствуют указания на наличие самих названий: *Река называлась. Станция называлась.*

Фактически употребление глагола «называться» при отсутствии какой бы то ни было номинации в данном случае является эквивалентом неопределенно-указательного местоимения или наречия, которые так же, как и данный глагол указывают на наличие некоего

названия, скрываемого автором (или безразличного для него); т. е. предложение *Станция называлась* имеет то же значение, что и *Станция называлась так-то*.

Указание на неопределенность числа и количества

В тексте «Школы для дураков» часто встречаются указания на количество каких-либо предметов или число по счету, но это количество или число никогда не бывает определенным, поэтому для их обозначения почти никогда не используются числительные (за исключением числительных «два» и «три», которые употребляются только вместе для выражения значения приблизительности, если речь идет о небольшом количестве: *написать два-три предупредительных письма*).

Как уже было отмечено, повествователь в этом произведении сомневается в существовании себя, других персонажей, не доверяет своему восприятию действительности, не верит в объективное знание, следовательно, в точные измерения, чем и объясняется его безразличие к количественным показателям. Это безразличие (или неуверенность) выражается в употреблении местоимений *столько-то* (вместо количественных числительных) или *такой-то* вместо порядковых числительных):

Опиши наш двор, как он выглядел тогда, столько-то лет назад.

А сколько же лет до пенсии? – размышляет комиссия. Она берет кусок мела и пишет на чем попало, обычно на одном из вагонов: год рождения – *такой-то*, трудовой стаж – *такой-то*, значит до пенсии – *столько-то*; Петрову – *столько-то*, Иванову – *столько-то*, Сидорову – *столько-то* меловых рублей; Я прочитал только одну страницу, открытую наугад, примерно *такую-то*, – и сразу вернул книгу Савлу, поскольку всё понял.

Часто из контекста можно заключить, о большом или малом количестве идет речь в данном случае:

Я, весящий всего *столько-то* килограммов, не оставил на нем / песке / следов из-за своей легкости.

Здесь имеется в виду предельно малое количество килограммов, стремящееся к нулю, поскольку повествователь в этот момент

сомневается в факте своего существования: ...я находился в одной из стадий исчезновения.

Наиболее характерной чертой речи повествователя является пародирование различных официальных сообщений, содержанием которых являются какие-либо точные цифровые данные. Это могут быть сообщения о количестве полезных ископаемых, о погоде и т. д.

Сам прием пародирования состоит в том, что цифровые данные в этих сообщениях заменяются неопределенно-указательными местоимениями или синонимичными конструкциями с авторскими неологизмами:

Но мела на станции всегда было столько, что, как указывалось в заявлении телеграфного агентства, понадобится составить *столько-то* составов *такой-то* грузоподъемностью каждый, чтобы вывезти со станции весь потенциальный мел.

Местоимения *столько-то* и *такой-то* в данном случае означают «безразлично, насколько большое количество», т. е. указывают на неопределенно большое количество мела.

Иногда автор использует вместо общепринятых единиц измерения единицы, выдуманные им самим. Этих единиц две: *сяку* и *дзе*. Слово *сяку* – производное от слова *иссякнуть*, а следовательно, означает «ничто», что же касается единицы *дзе*, то ее значение никак не мотивировано. Обе единицы появляются в воображаемой повествователем пародийной сценке, описанной в стиле японской поэзии. Русские имена и фамилии здесь переименованы на японский лад, и единицы измерения тоже стилизованы под японские:

В среднем снежный покров – *семь-восемь сяку*, а при сильных снегопадах – *более одного дзе*; Снежный покров опустился *чуть ли не на сяку*.

Очевидно, *дзе* в несколько раз превышает *сяку*, но в любом случае значение словосочетаний числительных с этими единицами измерения означают «безразлично, насколько большое количество», указывают на неопределенно большое количество снега. Функция этих словосочетаний идентична функции словосочетаний неопределенно-указательных местоимений с общепринятыми единицами измерения.

Таким образом, возможны два варианта выражения неопределенности количества: через неопределенность количества единиц измерения и через неопределенность самих единиц измерения.

Указание на неопределенность времени

Дата, время какого-либо происшествия в данном произведении может быть более или менее неопределенной, но никогда не бывает конкретной, точной.

Эта особенность связана с основным происшествием романа – потерей памяти повествователем, отчего представление о прошлом и будущем в его сознании меняется. Прошлое, по его мнению, только предстоит, а будущее уже было. Река Лета, на которой он *забыл всё сразу*, в этом произведении *течет вспять*. Цикличность времени в данном случае осознается как движение Леты то вперед, то назад. Такое представление о времени ведет к потере повествователем точки отсчета, системы временных координат, что выражается в полной неопределенности для него времени действия, проявляющейся в невозможности выбрать глагольную форму какого-либо времени и в употреблении одновременно всех трех временных форм или только форм прошедшего и будущего времени, а также в употреблении нескольких обстоятельств времени с взаимоисключающим значением, указывающих на прошлое, настоящее и будущее:

Дорогой Леонардо, *недавно (сию минуту, в скором времени) я плыв (плыву, буду плыть)* на весельной лодке по большой реке. *До этого (после этого) я много раз бывал (буду бывать)* там и хорошо знаком с окрестностями. *Была (есть, будет)* очень хорошая погода, а река – тихая и широкая, а на берегу, на одном из берегов, *куковала кукушка (кукует, будет куковать)*, и она, когда я *бросил (брошу)* весла, чтобы отдохнуть, *напела (напоет)* мне много лет жизни. Но это *было (есть, будет)* глупо с ее стороны, потому что я был совершенно *уверен (уверен, буду уверен)*, что *умру* очень скоро, если уже не *умер*.

Из цитаты видно, что процесс, действие оказываются настолько неопределенными во времени, что можно считать их вечными или нереальными, так как они могут происходить в любой момент, и повествователь может умереть раньше, чем поплыть по реке.

Но граница между прошлым и будущим здесь все же иногда существует. Ряд событий и действий в данном произведении имеют

характер завершенности, при их описании употребляются глаголы прошедшего времени. Об этих событиях можно сказать, что они относятся к неопределенному моменту в прошлом:

Довоенный патефон, купленный *тогда-то и там-то...* Опиши наш двор, как он выглядел тогда, *столько-то лет назад*.

Как видно из этих цитат, для указания на неопределенность времени здесь также используются неопределенно-указательные местоимения и наречия.

При описании происшествий, относящихся к прошлому, повествователь часто пародирует позицию хроникера, играет в нее, указывая на неопределенную дату какого-либо события. В тексте также встречаются уточнения неопределенной даты, указания на время года, суток или на особую отдаленность события во времени:

Он умер *весной такого-то*, в своём домике с флюгером. Листопад, *такого-то числа, такого-то года* до н. э. *Однажды вечером, вечером одного из дней...*

Указания на время действия в будущем также отличаются неопределенностью: *а затем минует столько-то лет...*; *...как-нибудь попозже, время спустя...* В первом случае время действия приблизительно известно повествователю, но безразлично для него, во втором случае событие может произойти в любой момент в будущем.

Таким образом, в тексте «Школы для дураков» присутствуют два вида неопределенности времени: полная неопределенность (возможность отнесения действия и к прошлому, и к настоящему, и к будущему); а также неопределенность времени действия в прошлом или неопределенность времени действия в будущем.

Первый вид неопределенности времени связан со сложным и противоречивым представлением повествователя о времени, второй – с безразличным отношением повествователя к точным датам, недоверием к ним, обусловленным этим противоречивым представлением.

Указание на неопределенность места действия

Место действия в романе «Школа для дураков» можно назвать и определенным, и неопределенным. Несмотря на то, что для повествователя чрезвычайно важным оказывается именно место действия:

дачный поселок, река, железнодорожная станция, кладбище, город, школа и т. д., – всё же читателю неизвестно, о каком именно городе (станции, поселке) идет речь, поскольку автор не указывает их названий. Тем не менее у читателей складывается довольно определенное представление об этих местах, так как повествователь часто описывает их. Но в тексте романа встречается упоминание о месте, совершенно неизвестном и не имеющем названия:

Пусть он ответит тебя снова *туда*; Тебя отправят *туда* вместе со мной»; «Мы требуем скорейшей выписки из вверенного вам *здесь*; Когда нас выписывали *оттуда*, ... или *там*, после вечерних уколов...

Во всех этих случаях указательные наречия места свидетельствуют о том, что речь идет о конкретном, определенном месте, известном повествователю, но неизвестном читателю. Намеки автора постепенно приводят к мысли, что повествователь говорит о психиатрической клинике.

Поскольку упоминание об этой клинике впервые вводится через указательное наречие и до конца книги никаких прямых разъяснений не встречается, отсутствует какое-либо описание, можно говорить о неопределенности места действия.

В данном случае мы снова видим сочетание значений указательности и неопределенности, характерное для данной художественной системы.

Таким образом, анализ текста романа «Школа для дураков» показывает, что основным способом указания на неопределенность объекта является употребление неопределенно-указательных местоимений и наречий, но вместе с тем автор использует множество иных приемов, демонстрирующих возможности выражения неопределенности в языке: это использование антонимов в характеристиках действующих лиц, замена названий единиц измерения авторскими неологизмами, лишенными лексического значения, замена имен и названий прозвищами или эвфемизмами, указание на неопределенность фамилии, имени или названия и т. д.).

Следует также отметить, что замена имен и дат неопределенно-указательными местоимениями и их семантическими эквивалентами позволяют отнести ситуацию, описанную в романе к любому человеку и к любому времени, поэтому указание на неопределенность объекта является одним из способов создания обобщенных образов,

и в частности благодаря этому приему содержание романа приобретает характер художественного обобщения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ермакова О. П.* Семантика, грамматика и стилистическая дифференциация местоимений // Грамматические исследования: функционально-стилистический аспект. Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика. 1989. – С. 146–157.
- Ефремова И. Н., Белкова Т. М.* Способы и средства выражения категории определенности / неопределенности в русском и французском языках // Концепт : науч.-метод. эл. журнал. 2017. Т. 28. С. 27. URL : e-koncept.ru/2017/770678.htm.
- Кузьмина С. М.* Семантика и стилистика неопределенных местоимений // Грамматические исследования: функционально-стилистический аспект. Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика. 1989. С. 158–231.
- Падучева Е. В.* Неопределенность как семантическая доминанта русской языковой картины мира // Problemi di morphosintassi delle lingue slave. V. 5. Determinatezza e indeterminatezza nelle lingue slave. Padova : Unipress, 1996. P. 163–186. URL : lexicograph.ruslang.ru/TextPdf/dominanta1_1996.pdf
- Реформатский А. А.* Введение в языковедение / под ред. В. А. Виноградова. М. : Аспект Пресс, 2000. 536 с.
- Трубецкой Н. С.* Избранные труды по филологии. М. : Прогресс, 1987. 560 с.

УДК 811.111 – 26: [82.02: 82-3]

И. В. Варфоломеева

кандидат филологических наук, доцент,
доцент каф. «Иностранные языки», Астраханский государственный технический
университет; e-mail: ivvarfolomeeva78@gmail.com

СПЕЦИАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ КАК ОСНОВА МЕТАФОРЫ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

В статье с позиций когнитивного подхода рассматривается обращение авторов художественных произведений к специальному знанию в целях метафорической репрезентации создаваемого воображаемого мира. Концептуальная система автора определяется как совокупность различных типов знания, служащих источником порождения метафорических смыслов. На основе традиционного выделения областей деятельности дается наиболее общая классификация специального знания и приводятся фрагменты художественных произведений, иллюстрирующие обращение авторов к этим областям знания при порождении метафорических сравнений. Результат действия когнитивного механизма сравнения, представленный различными моделями концептуальной метафоры, объективируется языковыми средствами, входящими в специализированные подязыки. Отмечается сходство содержания концептуальных систем автора и потенциального читателя, возникающее на основе общей национально-культурной картины мира, отдельных видов жизнедеятельности и единого языка. Подчеркивается, что понимание метафорических смыслов и оснований обращения автора к специализированному знанию может потребовать детальной классификации концептов внутри соответствующих концептуальных областей.

Ключевые слова: концептуальная система автора; когнитивная (концептуальная) метафора, специальное знание; языковые средства; художественный текст.

I. V. Varfolomeeva

Ph D. (Philology), Associate Professor, the Department of Foreign Languages,
Assistant Professor, Astrakhan State Technical University;
e-mail: ivvarfolomeeva78@gmail.com

SPECIALIZED KNOWLEDGE AS THE BASIS OF METAPHOR IN ENGLISH FICTIONAL TEXTS

In the article from the point of view of cognitive approach the addressing of authors of fictional texts to specialized knowledge with the aim of metaphorical representation of a creating imaginary world is examined. A conceptual system of an author is defined as sum total of different types of knowledge, serving as the source of creating of metaphorical meanings. On the basis of traditional division of spheres of activity, the most common classification of specialized knowledge is given, and some fragments of fictional works, illustrating addressing of authors to these spheres of

knowledge while creating metaphorical comparisons are cited. The result of the action of cognitive mechanism of comparison, represented by various models of a conceptual metaphor is realized by language means, included into specialized sublanguages. The similarity of the contents of conceptual systems of an author and a potential reader is noted, which appears on the basis of common national-cultural picture of the world, separate kinds of life activity and common language. It is emphasized that understanding of metaphorical meanings and the reasons of addressing of an author to specialized knowledge may require a detailed classification of concepts inside the corresponding conceptual spheres.

Key words: a conceptual system of an author; a cognitive (conceptual) metaphor; specialized knowledge; language means; fictional text.

При изучении языковых особенностей художественных текстов лингвисты достаточно большое внимание уделяют метафоре. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, «употребление метафоры в художественном произведении всегда ощущалось как естественное и законное» [Арутюнова 1990, с. 16]. Анализ существования и функционирования метафоры с позиций лингвостилистики и лексической семантики привел к разграничению понятий «речевая метафора», которая характеризуется контекстуальной обусловленностью и индивидуальностью употребления, и «языковая метафора», подразумевающая расширение смыслового объема слова, фиксируемого в толковых словарях.

Наличие образного элемента и семантическая двуплановость единиц языка, представляющих либо речевые, либо языковые метафоры, указывает на общность механизма и источника порождения переносных смыслов. Несмотря на то, что в своих трудах представители лексической семантики, лингвостилистики и иных направлений традиционного подхода к метафоре связывали ее порождение с мыслительной деятельностью носителей языка (В. Н. Телия, Г. Н. Складаревская, Н. В. Черемисина и др.), подробно рассмотреть и раскрыть эту связь оказалось возможным только с появлением и развитием когнитивного направления в лингвистике.

Обобщая различные теории метафоры, разрабатываемые в рамках когнитивного подхода, можно говорить о том, что общим механизмом, характеризующим мыслительную деятельность человека, оказывается когнитивный механизм, позволяющий субъекту, на основе имеющихся знаний, осуществлять сравнение, проводить аналогию между различными предметами или явлениями, объединять различные понятийные сферы и обозначать одни сущности в терминах

других. Такой механизм определяется как концептуальная, или когнитивная, метафора (Дж. Лакофф, М. Джонсон, Э. МакКормак, М. Минский, П. Рикер, А. Ченки, О. Н. Алешина, А. Н. Баранов, Е. Г. Беляевская, Г. Г. Молчанова, Э. В. Будаев, В. З. Демьянков, Е. С. Кубрякова, Н. А. Мишанкина, А. П. Чудинов, и др.). Единым источником (основанием) порождаемой концептуальной метафоры, или основой действия одноименного механизма, является концептуальная система индивида, включающая различные концептуальные области и концепты (концептуальные поля), соотносящиеся с разными типами знания, приобретенными индивидом в ходе его жизнедеятельности.

Метафора в художественном тексте изучалась, в основном, как связанная с обыденным, повседневным знанием. Тем не менее, как показывает анализ англоязычных художественных произведений, их авторы при порождении речевой метафоры нередко обращаются к специальным знаниям, создавая воображаемый мир, объективируемый в тексте. Целью данной статьи является подтверждение того факта, что, создавая, описывая и характеризуя субъектов, объекты и обстоятельства воображаемого мира как мира, основанного на знании реальности, авторы художественных текстов нередко порождают метафоры, опираясь на знания из различных специальных областей. В статье также затрагивается вопрос классификации специальных знаний, лежащих в основе метафорического представления порождаемого мира художественного текста во всей его сложности.

Придерживаясь толкования концептуальной (когнитивной) метафоры, предложенного Дж. Лакоффом и М. Джонсоном» [Лакофф, Джонсон 2004], мы рассматриваем процесс образования метафоры как осуществляющийся на уровне концептуальных, или когнитивных структур по определенным схемам (моделям). Объективация результата действия когнитивного механизма метафорического сравнения обеспечивается языковой когницией автора художественного произведения. Как отмечает Н. Н. Болдырев, «связь языковых значений и смыслов с концептуальной системой конкретного человека, автора языкового выражения, имеет несомненно причинный характер и определяет их содержание, поскольку языковое сознание не является отдельным, независимым модулем. Оно интегрировано в когнитивную систему человека и сопровождает разные виды его взаимодействия с миром, разные виды его деятельности» [Болдырев 2016, с. 11].

Рассматривая языковые средства объективации концептуальной метафоры в художественном тексте, мы анализируем не только субстантивную, но и предикативную лексику, не только отдельные единицы языка, но и семантико-синтаксические объединения лексических единиц, например такие конструкции, как образное сравнение, включая единицы фразеологического характера. Все анализируемые языковые средства передают в тексте воображаемое подобие, сходство, формируют новый смысл. Заметим, что автор художественного произведения может использовать и единицы, которые ранее претерпели в процессе развития языка метафоризацию, результат чего зафиксирован как новое значение слова, т. е. языковые метафоры. Такие значения также могут быть основаны на специальном знании, а сами языковые единицы входить в соответствующие подязыки, или языки для специальных целей. Исходя из сказанного выше, мы не делаем различия между речевой и языковой типами метафоры, поскольку оно не имеет принципиального значения для проводимого анализа, и рассматриваем метафору в широком смысле как вербализованный результат действия одноименного когнитивного механизма.

Как отмечает В. З. Демьянков, художественные произведения, которые создают на естественном языке, «являются вербальными репрезентациями событий и знаний о вымышленном и о реальном мирах автора и интерпретаторов текста» [Демьянков 2017, с. 6]. Очевидно, что, создавая воображаемый мир художественного текста, его автор ориентируется, в первую очередь, на такого потенциального читателя, который принадлежит одному с ним национально-культурному и языковому сообществу, социальному слою. Концептуальная система и автора, и потенциального читателя формируется в сходных социокультурных и дискурсивных практиках, представляющих, по мнению О. Г. Дубровской, которое мы разделяем, «неязыковые и языковые (соответственно) традиции, предпочтения, нормы, принятые и вырабатываемые людьми» [Дубровская 2014, с. 46]. Таким образом, общность национально-культурной, или социально-культурной, картины мира, определенное сходство концептуальных систем, единая языковая среда, обеспечивают читателю понимание содержания художественного произведения, метафорических смыслов, отражающих интерпретирующий характер сознания, образного мышления его автора.

Говоря о специальных знаниях, мы полагаем, что часть общих знаний у автора и адресата художественного текста формируется благодаря полученному образованию. Другими источниками общего специального знания могут являться различные средства информации, интеллектуальная, а, возможно, в отдельных случаях, и трудовая деятельность автора и адресата. Мы также полагаем, что, обращаясь к специальной области-источнику, автор текста выбирает в качестве основы при порождении метафоры наиболее узнаваемый признак или же ориентируется на конвенциональный образ концепта в целом, который и переносится в (налагается на) область-цель, профилируется через выбор языковой единицы, в значении которой соответствующий смысл легко распознается интерпретатором.

В художественном тексте автор использует метафору, создавая внутреннюю речь персонажей, диалоги, а также такую важную часть художественного произведения, как собственный нарратив (метадискурс, метанарратив), выступая как рассказчик. Если метафора в речи персонажей произведения позволяет более глубоко раскрыть их внутренний мир, то, как указывает О. С. Федотова, «концептуально-метафорические средства в метадискурсе автора направлены на усиление контакта с читателем и вовлечение его в фикциональную реальность» [Федотова 2018, с. 407].

Анализ примеров из художественных произведений различных англоязычных авторов показал, что области специального знания могут, в самом общем виде, быть представлены как традиционно разделяемые на гуманитарные (включая экономику), технические (включая информатику), естественно-научные (включая медицину) и узкопрофессиональные практические области. Далее специальное знание может быть классифицировано в рамках каждого из указанных направлений по нескольким уровням. Например, естественнонаучное знание можно разделить на области физики, химии, биологии и др., а биологическое, в свою очередь, – на области физиологии, микробиологии, эмбриологии и т. д.

Примером метафоры, созданной на основе знания гуманитарного характера (область социологии), служит следующий отрывок:

... The Stanhopes of Chestnut Hill”, she sighed “They’re *an institution* ... [Sheldon 2005, с. 4].

Сравнивая конкретную семью с особым типом социальной структуры, автор использует базовую модель когнитивной метафоры СЕМЬЯ – ЭТО ОРГАНИЗАЦИЯ. При этом профилируется специальное знание, формирующее содержание понятия «institution» в социологии: основная структурная единица общества, демонстрирующая устойчивый образец поведения в соответствии с правилами, которые эта структура формирует и которым неукоснительно следует. Семья, как важный социокультурный феномен, является первостепенной ценностью для любого общества. Прагматическая цель использования метафоры, основанной на специальном знании, заключается, с нашей точки зрения, в том, чтобы указать на особый статус конкретной семьи в воображаемом социуме мира текста, реферирующего к американскому обществу в реальном мире. Этот статус подтверждается и обозначением данной семьи подобно обозначению бизнес-структуры (компании): «The Stanhopes of Chestnut Hill».

Специальное знание естественно-научного (медицинского) характера послужило источником метафорического сравнения в следующем фрагменте художественного текста:

...Normally, Katie *was* even more *allergic to* shopping than Laura had ever been at her worst... [Norby 1984, с. 90].

Описывая отношение персонажа к посещению магазинов, автор обращается к медицинскому понятию, профилируя в создаваемой метафоре признак «непереносимость чего-либо», «возникновение болезненной реакции на что-либо». В данном фрагменте текста объективирована базовая модель когнитивной метафоры ЧУВСТВО / ЭМОЦИИ – ЭТО БОЛЕЗНЬ. С точки зрения стилистики метафора создает здесь экспрессивность текста, позволяет более ярко охарактеризовать персонаж, усилить производимое на читателя впечатление.

Еще одной иллюстрацией использования знания естественно-научного характера, которое со временем стало и частью повседневного знания, служит следующий фрагмент текста, в котором метафора, основанная на знании о физических свойствах металла ('lead' – свинец), иллюстрирует психологическое состояние объекта авторского описания:

...His wings were ragged *bars of lead*, but the weight of failure was even heavier on his back. He wished, feebly, that the weight could be just enough to drag him gently down to the bottom, and end it all... [Bach 2015, с. 11].

Сравнивая крылья (*wings*) с брусками свинца (*bars of lead*), являющегося очень тяжелым металлом, автор развивает идею угнетенного психологического состояния персонажа, профилирует его чувство вины из-за определенной неудачи. Этому способствует употребление метафорического словосочетания *weight of failure* и прилагательного *heavier*. Завершающее предложение, в котором повторяется слово *weight*, семантически связанное с лексическими единицами *drag... down, bottom*, также используемых в метафорическом значении, подчеркивает глубину переживаний персонажа, вплоть до появления у него суицидального настроения: *end it all*.

Обращение к техническому знанию как источнику образования когнитивной метафоры по модели ОДУШЕВЛЕННОЕ СУЩЕСТВО – ЭТО ТЕХНИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО (МАШИНА / МЕХАНИЗМ) можно наблюдать в следующем примере:

... He always had learned quickly from ordinary experience, and now, *the special student* of the Elder Himself, he took in new ideas like *a streamlined feathered computer* [Bach 2015, с. 58].

В образном сравнении персонажа с компьютером профилируется признак «способность быстро обрабатывать информацию», как присущий персонажу. Поскольку персонажем вымышленного мира данного произведения выступает птица, лексическая единица, обозначающая концепт (сферу-источник) *computer* в сочетании с эпитетами *streamlined* и *feathered*, подтверждает и усиливает метафорический образ птицы, обладающий свойствами, напоминающими техническое устройство.

В приведенном выше фрагменте текста можно обнаружить и метафору, основанную на такой узкопрофессиональной практической деятельности, как образование (обучение). Поскольку данное художественное произведение создано на основе метафорического сопоставления стаи птиц с сообществом людей, которое распространяется автором по различным основаниям сравнения, обозначение птицы словосочетанием *the special student* имеет образный, метафорический, характер. Примером распространения базовой метафоры на основе знания о профессиональных областях деятельности является и сравнение физиологического состояния полета птиц с целью добычи пропитания с профессиональной областью деятельности людей (летное

дело), осуществляемой не ради удовольствия, а с целью заработать на жизнь:

...This *flying business* is all very well, but you can't eat a glide, you know. Don't you forget that the reason you fly is to eat... [Bach 2015, с. 5].

К узкопрофессиональным практическим сферам знания мы относим знание из областей различных ремесел, видов искусства, спорта, военного дела и т. п. Такое знание нередко переходит в область повседневного, что ведет к стиранию метафорического смысла. Примером метафоры, основанной на знании военных действий и соответствующей терминологии, может служить следующий фрагмент текста, в котором действие персонажей сравнивается с активным военным наступлением (*attack*). Таким образом, подчеркивается его быстрота, напор, некоторая нарочитая агрессивность и получаемое удовольствие от производимого действия (поглощения пищи):

...Both she and Louise *attacked* their hamburgers with enthusiasm, and the subject of Richie was forgotten... [Norby 1984, с. 72].

Приведенные выше фрагменты из художественных текстов показывают, что на базовом уровне объективированные модели концептуальной метафоры совпадают с моделями, которые уже описаны в лингвистической литературе и встречаются в различных типах дискурса. Однако понимание направления распространения (расширения) этих моделей, их объективация автором художественного текста на субкатегориальном уровне, т. е. осуществляемое на основе специальных знаний, требует, с нашей точки зрения, не только определения области знания, выступающей источником метафоры. Необходима детализация специального знания внутри самой области-источника. Это позволит интерпретатору понять авторскую логику выбора основания осуществляемого на концептуальном уровне сравнения и адекватно интерпретировать метафору.

Очевидно, что содержание концептуальных областей будет различаться не только в зависимости от того, какую специальную область знания они репрезентируют. Отдельная концептуальная область может содержать или не содержать знания об абстрактных концептах, сформировавшихся в результате теоретических размышлений (теория, гипотеза, метод и т. п.), о технических устройствах (компьютер, вертолет, томограф и т. п.), одушевленных (животные)

и неодушевленных (растения) объектах, о различных действиях, процессах, состояниях и др. В рамках соответствующей концептуальной области эти концепты попадают в определенную категорию или субкатегорию и характеризуются различными признаками, которые обычно и служат источником метафорического сравнения.

Знание о концептах отдельных областей можно классифицировать, например, следующим образом: механизм и его функция (выполняемое действие), физические параметры (форма, размер, вес, материал и др.), область использования, местоположение (координаты) в этой области, принцип действия и др. Такое знание позволит через когнитивный механизм метафоры создавать модели субкатегориального уровня по типу приведенных ниже: ЧЕЛОВЕК – ЭТО МЕХАНИЗМ / МАШИНА С ОПРЕДЕЛЕННОЙ ФУНКЦИЕЙ; ЧЕЛОВЕК – ЭТО МЕХАНИЗМ / МАШИНА С ОПРЕДЕЛЕННЫМ ПРИНЦИПОМ ДЕЙСТВИЯ; ЧЕЛОВЕК – ЭТО МЕХАНИЗМ / МАШИНА ОПРЕДЕЛЕННОЙ ФОРМЫ и т. п.

Подтверждением рациональности и обоснованности такой классификации специального знания может служить следующий фрагмент художественного текста, в котором автор сопровождает созданную метафору экспликацией выбранного в качестве образного сравнения признака – «физиологический модус существования»:

...I was a bird who could dive and Felipe was a fish who could fly... [Gilbert 2010, с. 6].

Примером может служить и знание из области химии, характеризующее вещества по их свойству взаимодействовать друг с другом и являющееся основанием для частной метафоры ЧЕЛОВЕК / СЕМЬЯ – ЭТО ХИМИЧЕСКОЕ ВЕЩЕСТВО С НАЛИЧИЕМ ИЛИ ОТСУТСТВИЕМ СПОСОБНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВОВАТЬ С ДРУГИМИ ХИМИЧЕСКИМИ ВЕЩЕСТВАМИ. Эта метафора имплицитно в цитируемом художественном произведении невозможность соединения в браке представителей семей, находящихся на разных социальных уровнях:

...*The Stanhopes and the Whitneys would never mix*, Tracy thought. *Oil and water. And the Stanhopes are the oil...* [Sheldon 2005, с. 9].

Знание из области медицины как области-источника отражает сведения о болезни и вызываемом этой болезнью состоянии больного,

которое и послужило основанием метафорического сравнения в следующем авторском описании состояния персонажа:

... There wasn't another player for twenty yards in any direction. And he just stood there, paralyzed with indecision... [Norby 1984, с. 72].

В данном случае в содержании использованной терминологической единицы реализуется ее основной смысл «обездвиженность». Определенное переосмысление значения данной терминологической единицы происходит вследствие анализа ее сочетаемости с лексемой *indecision*, обозначающей не медицинскую причину обездвиженности, а профилируемое внутреннее психологическое состояние персонажа.

Интересны в этом отношении и следующие примеры из этого же произведения, в которых отмечается объединение социокультурных знаний о поведении спортивных болельщиков и специальные знания из области медицины:

Harmontown High was *football crazy* (болезнь и ее причина).

It had been true ever since the oldest-living Harmontown grad could remember, but this year *football fever* seemed destined to reach *an epidemic level*... [там же, с. 5] (болезнь и ее причина; болезнь и масштаб ее распространения).

Завершая данную статью, мы можем говорить о том, что проведенный анализ позволил с уверенностью подтвердить факт обращения авторов художественных произведений к различным областям специального знания. Это знание используется авторами с целью метафорической репрезентации создаваемого ими вымышленного мира во всей совокупности его составляющих. Область знания, выступающая как область-источник при формировании и объективации моделей концептуальной метафоры, может быть классифицирована как гуманитарное, естественно-научное, техническое и узкопрофессиональное практическое знание с последующей детализацией каждой из этих областей. Однако для определения оснований образного сравнения и полноценного понимания метафоры необходимо, по-видимому, осуществлять детальную классификацию концептов внутри каждой концептуальной области специального знания с указанием всех признаков, характеризующих эти концепты. Высказанное предположение требует дальнейшего изучения и подтверждения на материале художественных текстов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н. Д.* Метафора и дискурс. Вступительная статья // Теория метафоры : сборник. М. : Прогресс, 1990. С. 5–3.
- Болдырев Н. Н.* Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4 (049). С. 10–20.
- Демьянков В. З.* Трансфер знаний и когнитивная манипуляция // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 4 (053). С. 5–13.
- Дубровская О. Г.* Социокультурная специфика дискурса: субъектный принцип формирования: монография / О. Г. Дубровская ; науч. ред. Н. Н. Болдырев ; М-во обр. и науки РФ, ФГБОУ ВПО «Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина». Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. 266 с.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М. : Эдиториал УРСС, 2004. 256 с.
- Попова З. Д., Стернин И. А.* Когнитивно-семантический анализ языка : монография. Воронеж : Истоки, 2006. 226 с.
- Федотова О. С.* Концептуальная структура метадискурса художественного нарратива // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. XXXII. С. 402–409.
- Bach R.* Jonathan Livingston Seagull a story. London : Harper Thorsons, 2015. 127 p.
- Gilbert E.* Committed. A Sceptic Makes Peace with Marriage. London : Bloomsbury, 2010. 285 p.
- Norby L.* Turning Points. #1. Friends Forever. New-York, NY : Riverview Books, Inc., 1984. 157 p.
- Sheldon S.* If tomorrow comes. New-York, Boston : Warner Books, 2005. 408 p.

УДК 81:39

Н. В. Зененко

доктор филологических наук, доцент;
профессор каф. романских языков Военного университета
МО РФ, г. Москва; e-mail: zenenko@mail.ru

ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ (на материале испанского языка)

В формате современной языковой реальности тема этнического самосознания и лингвистического национализма представляется актуальной. Становление коллективного сознания нации в процессе постижения реального мира происходит посредством языка. Национализм, будучи социальным явлением, присущ любому этносу, который защищает и популяризирует свои интересы. Современные ученые, вторгаясь в ментальные глубины, признают факт взаимодействия этнического сознания и национализма. Целью данной статьи является выявление языкового ресурса, способного стать инструментом в продвижении интересов отдельного этноса и в определении роли лингвистического национализма в формировании коллективного сознания народа. Термин «лингвистический национализм» в нашем исследовании имеет отношение к спектру концепций об окружающем мире, о социуме, в котором присутствует взаимозависимость между этнической группой и национальным языком. Современные научные теории испытывают влияние тенденций всемирной культурной интеграции. И, как следствие, новейшие изыскания отечественных и зарубежных языковедов касаются вопросов взаимодействия языка, духовности, социума, сознания и мышления на основе этнокультурных понятий, которые получают свое выражение в языке. Данный этап развития гуманитарных наук показывает, что процесс становления коллективного этнического самосознания происходит в результате осмысления принадлежности человека к определенной нации через естественный язык, который, в свою очередь, является релевантным составляющим национальной духовности. Познание специфических для каждой нации концептов, на основе которых кристаллизуется национальное сознание, позволяет понять отличительные черты культурной компетенции языкового этноса. Важным информативным ресурсом о менталитете народа, его этническом сознании является лексико-идиоматический фонд языка. Коллективное самосознание, сформированное при непосредственном участии языка, может проявляться в лингвистическом национализме, который представляет собой «иммунную систему», защищающую этническое сознание от разрушения.

Ключевые слова: этническое самосознание; лингвистический национализм; картина мира; национально-культурная идиоматика; этнический характер.

N. V. Zenenko

Doctor of Philology, Associate Professor;
Professor, Roman languages Department,
Military University MD, Russian Federation, Moscow;
e-mail: zenenko @mail.ru

**ETHNIC IDENTITY AND LINGUISTIC NATIONALISM
(based on Spanish)**

In the context of modern linguistic reality, the theme of ethnic identity and linguistic nationalism seems relevant. The formation of the collective consciousness of the nation in the process of cognition of the real world takes place through language. Nationalism, being a social phenomenon, is inherent in any ethnic group that protects its interests. Modern scientists, invading mental depths, recognize the fact of interaction of ethnic consciousness and nationalism. The purpose of this article is to identify the language resource that can become a tool in promoting the interests of a particular ethnic group and determining the role of linguistic nationalism in the formation of the collective consciousness of the people. The term linguistic nationalism in our study refers to the range of concepts about the world, about the society in which there is interdependence between the ethnic group and the national language. Modern scientific theories are influenced by trends in global cultural integration. And as a result, the latest research of domestic and foreign linguists deal with the interaction of language, spirituality, society, consciousness and thinking on the basis of ethno-cultural concepts that are expressed in the language. This stage of development of humanities shows that the process of formation of collective ethnic consciousness is the result of understanding of belonging to a particular nation through natural language, which, in turn, is a relevant component of national spirituality. The knowledge of specific concepts for each nation, on the basis of which the national consciousness crystallizes, allows us to understand the distinctive features of the cultural competence of the language ethnic group. An important informative resource about the mentality of the people, their ethnic consciousness is the lexical and idiomatic fund of the language. The collective identity formed with the direct participation of the language may manifest itself in the linguistic nationalism that constitutes the "immune system" protecting ethnic consciousness from destruction.

Key words: ethnic identity; linguistic nationalism; world view; national-cultural phraseology; ethnic.

Релевантными составляющими любого этноса являются общее самосознание, общая культура и духовное наследие, единство языка. Преданность родному языку, желание уберечь и не утратить его, являются вполне естественными для каждой отдельной нации. Язык, будучи существенным компонентом национальной духовности, способствует

проникновению отдельного этноса в процесс познания реального мира, что в результате приводит к формированию коллективного этнического самосознания. «Первым европейцем, сделавшим решающий шаг в пропаганде национальных языковых ценностей, стал вдохновленный идеями Эразма Роттердамского Антонио де Небриха, выпустивший в 1492 г. свою Грамматику кастильского языка...» [Раевская 2007, с. 10]. Известный ученый, по мнению М. М. Раевской, продемонстрировал таким образом «лингвистический национализм».

Известно, что национализм – это детерминированное социальное явление, характерное разным этносам или даже независимым общественно-политическим фракциям, которые всевозможными способами и средствами защищают свои интересы. «Националист предпочитает уделять больше внимания восприятию и передаче тех сообщений, которые содержат специфические символы национальности, либо происходят из конкретного национального источника или же выражены в специфическом национальном коде языка или культуры» [Дойч 2000].

При всем многообразии и нечеткости определений феномена «национализм» ученые [Дойч 2002; Кон 2009; Соловьев 2006; Кисс 1994; Комарофф 1994; Кара-Мурза 2014], вторгаясь в ментальные глубины, сходятся во мнении, что этническое сознание и национализм взаимодействуют теснейшим образом. В современном мире национализм «...выступает подобием иммунной системы, инстинктивно защищающей нацию от раздора» [Соколов 2010].

В данной статье нам хотелось бы проанализировать связь между двумя витальными реалиями каждой нации – этническим самосознанием и лингвистическим национализмом, выявить языковой ресурс, который в большей степени способен стать мощным механизмом в продвижении интересов отдельного этноса. А также определить роль лингвистического национализма в формировании коллективного сознания народа.

В нашей работе термин «лингвистический национализм» не содержит негативной коннотации. Он имеет отношение к спектру концепций об окружающем нас мире, о социуме, в котором общепринятым является характерная корреляция между этнической группой и национальным языком. Мы вполне разделяем позицию тех исследователей, которые полагают, что «...наше социальное воображение

определяется тем фактом, что если этническая группа в целом или отдельные ее представители утрачивают навыки владения своим языком, то они теряют свои этноопределяющие признаки, и их этническая идентичность становится проблематичной и требующей дополнительной аргументации и легитимизации. Привязанность к родному языку и стремление его сохранить кажутся нам настолько естественными, что даже не требуют определения через апелляцию к национализму» [Штырков 2011, с. 327–328].

Многие фундаментальные понятия современной лингвистики восходят к философии языка В. фон Гумбольдта, который полагал, что в языке сосредоточен дух народа и его мировоззренческий характер. «Язык есть как бы внешнее проявление духа народа; язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык – трудно себе представить что-либо более тождественное» (цит. по: [Хрестоматия по истории языкознания XIX–XX веков 1956, с. 69]).

Процесс глобализации затронул современные научные парадигмы. На сегодняшний день внимание лингвистов сконцентрировано на анализе вопросов взаимодействия языка, духовности, социума, сознания, мышления на основе этнокультурных понятий, которые получают свое выражение в языке. Еще Ф. де Соссюр писал: «Лингвистика весьма тесно связана с рядом других наук, которые то заимствуют у нее данные, то предоставляют ей свои» [Соссюр 1977, с. 44].

Этим объясняется актуальность темы этнического самосознания в значимых исследовательских теориях междисциплинарного характера [Кацнельсон 1972; Серебренников 1988; Леонтьев 1993; Вежбицкая 1996; Арутюнова 1999; Тер-Минасова 2004; Колшанский 1990].

Современные политические науки рассматривают этнос как «прежде всего и главным образом относительно устойчивую социокультурную общность» [Дойч 2000]. В формате данного исследования, вслед за Ю. И. Семеновым, этнос мы трактуем как «совокупность людей, которые имеют общую культуру, говорят, как правило, на одном языке, обладают общим самоназванием и осознают как свою общность, так и свое отличие от членов других таких же человеческих групп, причем эта общность чаще всего осознается как общность происхождения» [Семенов 2003].

Комплексное изучение этнокультурной составляющей носителей языка, национального самосознания помогает раскрыть специфику

методов и приемов вербализации картины мира. Однако, прежде всего, надо определиться, что же формирует картину миру в сознании индивида. «Концептосфера человека (упорядоченная совокупность ментальных единиц, отражающих познannую субъектом действительность) составляет информационную базу, как сознания, так и мышления человека» [Попова, Стернин 2007, с. 40]. Совершенно очевидно, что картина мира проявляет «специфику человека и его бытия, взаимоотношения его с миром, важнейшие условия его существования в мире» [Постовалова 1988, с. 11].

История становления внешнего мира демонстрирует то, что «практическое освоение мира с момента создания орудий производства есть одновременно и его осмысление, т. е. закрепление в познании обнаруженных и успешно используемых тех или иных свойств предметов, явлений природы и процессов» [Колшанский 1990, с. 8]. Благодаря абстрактному мышлению в сознании человека фиксируются фрагменты объективного мира в виде понятий и их связей. Активный процесс отражения действительности в сознании человека сопровождается одновременно активным процессом речепорождения, таким образом, осознанный объективный мир закрепляется в качестве мыслительного мира человека. Существует утверждение, что «познание мира создает его адекватную картину» [Колшанский 1990, с. 9], т. е. симбиоз сознания и мышления генерирует картину мира. Г. В. Колшанский писал: «Картина мира, отображенная в сознании человека, есть вторичное существование объективного мира, закрепленное и реализованное в своеобразной материальной форме. Этой материальной формой является язык, который и выполняет функцию объективации индивидуального человеческого сознания лишь как отдельной монады мира. Выходит, что в принципе человек привносит в мир не себя, со своими законами и закономерностями, а лишь особое взаимодействие – «человек – мир», в результате которого рождается человеческая картина мира, принадлежащая всему роду человеческому и существующая в форме «язык – мышление»» [Колшанский 1990, с. 12].

Ментально-языковая корреляция привлекает внимание многих современных ученых. Некоторые считают, что «мышление у людей, говорящих на разных языках, в своих общих чертах остается сходным или одинаковым. Объясняется это физической природой человека, функциями его головного мозга, высшей нервной системы.

Многочисленные языки, существующие в мире, – это различные пути, способы духовного освоения действительности, в основе которых лежат одинаковые принципы человеческого мышления. Они и ведут к адекватному постижению реального мира» [Храпченко 1983, с. 231]. Другие декларируют, что «...язык не столько преобразует действительность, сколько отражает ее в своих формах. Внешние условия жизни, материальная действительность определяют сознание людей и их поведение, что находит отражение в грамматических формах и лексике языка. Логика человеческого мышления, объективно отражающего внешний мир, едина для всех людей, на каком бы языке они ни говорили» [Мечковская 1983, с. 118–119]. Таким образом, языковеды сходятся во мнении, что при различии способов постижения бытия присутствует единая ментальная закономерность.

Современные методологии пытаются найти ключ к пониманию национальных культур, поэтому во многих научных разработках междисциплинарной направленности последних десятилетий встречаются понятия «этноязыковое сознание» и «языковая картина мира» [Карасик 2004; Шмелев 2002; Корнилов 2004; Яковлева 1994; Мед 2008; Алефиренко 2009]. На наш взгляд, необходимо разделять эти понятия. Языковая картина мира, прежде всего, представляет собой передаваемый с помощью единиц языка способ перцепции мира, что тесно связывает данный термин как с естественными и гуманитарными дисциплинами, так и с точными науками. Этноязыковое сознание – это «...своеобразная система когнитивно-прагматических и эмотивно-оценочных доминант в смысловом содержании культуры, этноязыковая маркированность которых обеспечивает вариантное представление инвариантного образа мира» [Алефиренко 2009, с. 8].

Очевидно, что вербализация картины мира происходит в рамках естественного языка. Любое языковое явление это результат лингвистического опыта представителя того или иного этноса. Для выражения одной и той же мысли носители разных языков используют собственные средства. Крупнейший теоретик и основатель лингвистической философии языка В. фон Гумбольдт делал акцент на том, что «каждый язык образует вокруг народа своего сферу, которую надо оставить, чтобы перейти в подобную сферу другого народа. Поэтому изучение чужого языка всегда должно бы быть приобретением новой точки мирозерцания; в некоторой степени так и бывает, потому что

в каждом языке содержится особенная ткань понятий и представлений одной части человечества» (цит. по: [Хрестоматия ... 1956, с. 57]). Таким образом, материальные и культурные компетенции в симбиозе с мировоззренческой системой индивида конструируют языковую картину мира. С формированием этнического самосознания, культуры и национального языка зарождаются понятия национальной языковой картины мира и лингвистического национализма.

Этническое самосознание формируется на специфических для каждой нации концептах. Познание данных концептов позволяет понять отличительные черты культурной компетенции языкового этноса. Национальная картина мира – это то, каким себе рисует мир нация (совокупность людей) в своем воображении. Она представляет собой общее, устойчивое, повторяющееся в картинах мира отдельных представителей народа. Понятие «национальная когнитивная картина мира» определяется как «мыслительная, познавательная, деятельность народа, абстрактная и конкретная одновременно» [Каналаш 2011, с. 63].

Представляется, что этническое самосознание, сформированное на специфических для каждой нации концептах, может проявляться в лингвистическом национализме. Лингвистический национализм обнаруживается в естественном языке на всех его уровнях. Стилистическое богатство языка, глубина его словообразовательных, синтаксических и лексико-фразеологических возможностей – всё это предопределяет существование и функционирование самого языка, являясь не только отображением своеобразия культуры и менталитета языковой общности, но и следствием исторического развития того или иного этноса. В качестве средств выражения различных представлений о мире, чувств и эмоций, носитель языка часто выбирает конвенционные образы, которые, попав в поле его зрения, становятся детерминантами его обыденного сознания и мироощущения. Поэтому ментальное пространство носителя языка в значительной степени проявляется в его лексико-идиоматических предпочтениях, формируя этническое самосознание, а возможно и лингвистический национализм.

Общеизвестно, что важным источником сведений о менталитете народа, о культуре, о традициях и ценностях, о его этническом сознании является лексико-идиоматический фонд языка (паремии,

фразеологизмы и т. п.). Рассмотрим некоторые примеры устойчивых языковых единиц, формирующих специфику этнического характера: достоинства человека, высоко оцениваемые в лингвистическом социуме носителей испанского языка, и недостатки, осуждаемые в данном обществе. Интеллектуальная положительная оценка дается человеку, отличающемуся природным умом, сообразительностью, начитанностью, проницательностью, жизненным опытом, о чем свидетельствуют следующие фразеологические обороты *ser un Espasa* (букв. 'быть издательством, энциклопедией Эспаса'). Для обозначения положительной интеллектуальной оценки человека также используются имена собственные испанских философов и ученых, обладающих незаурядными умственными способностями: *saber más que el maestro Ciruelo* (букв. 'знать больше, чем маэстро Сируэло' – *перен.* быть образованным человеком), *saber más que Lepe* (букв. 'знать больше, чем Лепе', *перен.* быть семи пядей во лбу). Мужественного человека с чувством собственного достоинства нередко сравнивают с матадором – главным участником корриды, наносящим смертельный удар быку, о чем говорит выражение *tener vergüenza torera* (букв. 'иметь гордость тореадора', *перен.* вести себя достойно). Соответственно, отрицательную интеллектуальную оценку получает человек, характеризующийся глупостью и необразованностью в совокупности с безответственностью. Таких людей часто называют *besugo* («лещ»), *seporro* («засохшая виноградная лоза») или *membrillo* («айвовое дерево»). Знаменитое произведение М. Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» стало источником многих ассоциативных образов: например, фразеологизм *ser un quijote* может описывать глупого и наивного человека, а устойчивое выражение *se porta como un quijote* имеет русский эквивалент «валить дурака». Имя оруженосца Дон Кихота, Санчо Пансы, в испанском языке используется преимущественно со значением «практичный человек, без идеалов» (*ser como Sancho Panza*), а также при характеристике толстого человека.

Испания, будучи страной католической, имеет в своем лингвистическом арсенале немало идиоматических выражений, в составе которых присутствуют библейские реалии. Например, общеупотребительными устойчивыми языковыми единицами являются идиоматические выражения с лексемой «Dios» («Бог»): *trabajar más que Dios* (букв.

‘работать больше, чем Бог’ – в *рус.*: крутиться как белка в колесе), *ser / estar como Dios* (букв. ‘быть как Бог’, *перен.* быть красивым, великодушным, снисходительным), *más rico que Dios* («богаче, чем Бог»), *más valiente que Dios* («храбрее, чем Бог»), в которых образ Бога предстает перед нами как мерило любых ценностных представлений.

С Иисусом Христом испанцы обычно сравнивают неухоженного и плохо выглядящего человека, покрытого царапинами и синяками: *estar hecho un Cristo / un nazareno* (букв. ‘быть похожим на Христа / назаретянина’). Специфика испанской фразеологии, включающей имя Христа (*Cristo, Jesús, Jesúcristo*), состоит в том, что в ней содержится много междометных образований: восклицания *¡Jesús!, ¡Cristo!, ¡Santo Cristo!, ¡Jesús, María y José!, ¡Jesús mil veces!* могут сопровождать широкую гамму чувств – от разочарования и удивления до испуга и недовольства. Кроме того, междометие *¡Jesús!* произносится, когда кто-то чихает (в *рус.* – Будьте здоровы!). В имени Иуды, помимо значения «лицемерный и лживый предатель», испанский языковой социум вычленяет небрежность в одежде, ставящую его в один ряд с Адамом: *parecer / estar hecho un Judas / un Adán* (букв. ‘быть похожим на Иуду / Адама’). В современном испанском языке существует паремия «поцелуй Иуды» (*beso de Judas*), которая обозначает предательский поступок, прикрываемый проявлением любви или дружбы.

На данных примерах мы можем наблюдать проявление не только этнического самосознания, но и лингвистического национализма. Носитель предпочитает использовать идиомы, которые содержат национальные реалии (*Espasa*), географические названия, имена собственные испанских философов и ученых (*Ciruelo*) и т. д., популяризируя тем самым ценности и идеалы своего народа. Так, например, Эспаса (*Enciclopedia universal ilustrada europeo-americana*) – это универсальная иллюстрированная испаноязычная энциклопедия, которая вышла в свет в начале XX в. Этот труд был опубликован издательством *Editorial Espasa*, которое было основано в 1860 г. А маэстро Сируэло – известный гуманист и математик Педро Сируэло (*Pedro Ciruelo*), который жил в первой половине XVI в. и был очень популярным в свое время в Испании.

Итак, этническое самосознание формируется в процессе познания окружающего нас реального мира при непосредственном участии языка и отражается, в частности, в национально-культурной идиоматике,

которая, в свою очередь, реконструирует этническую языковую картину мира, а лингвистический национализм представляет собой иммунную систему, которая защищает этническое сознание от разрушения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алефиренко Н. Ф.* Картина мира и этнокультурная специфика слова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 14 (69), Т. 4. С. 5–9.
- Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / пер. с англ., отв. ред. М. А. Кронгауз ; вступ. ст. Е. В. Падучевой. М. : Русские словари, 1996. 416 с.
- Дайджест книги Г. Кона. Источник: Проблемы Восточной Европы. № 41–42. – Вашингтон, 1994 – С. 88–169. [Электронный ресурс] <https://traditio.wiki/holmogorov/library/k/kohn/index.htm> (дата обращения 23.09.2018).
- Дойч К.* Нация и мир [Электронный ресурс] // Этнос и политика: хрестоматия / авт.-сост. А. А. Прусаускас. М. : Изд-во УРАО, 2000. 400 с. URL : www.directmedia.ru/bookview_41539_Etnos_i_politika_Khrestomatiya/ (дата обращения: 15.04.2017).
- Каналаш О. П.* Языковая и национальная картины мира как компонент лингвистического исследования [Электронный ресурс] // *Lingua mobilis*. 2011. № 1 (27). С. 60–65. URL : linguamobilis.ucoz.ru/2011/2011-1-27.pdf (дата обращения: 28.04.2017).
- Кара-Мурза С. Г.* Национализм как идеология [Электронный ресурс] // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. URL : www.ogt-journal.com/jour/article/viewFile/61/60 (дата обращения 30.04.2017).
- Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
- Кацнельсон С. Д.* Типология языка и речевое мышление. М. : Наука, 1972. 213 с.
- Кисс Э.* Национализм реальный и идеальный. Этническая политика и политические процессы // Этничность и власть в полиэтничном государстве / отв. ред. В. А. Тишков. М. : Наука, 1994. С. 136–137.
- Кожановский А. Н.* Об этническом составе испанского народа [Электронный ресурс]. URL : www.reenactor.ru/ARH/PDF/Kozanovskiy.pdf (дата обращения: 03.05.2017).
- Комарофф Дж.* Национальность, этничность, современность: политика самоосознания в конце XX века // Этничность и власть в полиэтничных государствах. М. : Наука, 1994. С. 58–59.
- Колшанский Г. В.* Объективная картина мира в познании и языке М. : Наука, 1990. 108 с.

- Леонтьев Д. А. Очерк психологии личности. М. : Смысл, 1993. 43 с.
- Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М. : ЧеРо, 2003. 349 с.
- Мед Н. Г. Оценочная картина мира в испанской лексике и фразеологии : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2008. 332 с.
- Мечковская Н. Б. Язык и общество // Общее языкознание / под ред. А. Е. Супруна. Минск, 1983. С. 118–119.
- Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж : Истоки, 2007. 250 с.
- Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. М. : Наука, 1988. С. 8–69.
- Раевская М. М. Испанское языковое сознание Золотого века (XVI–XVII вв.). М. : КомКнига, 2007. 304 с.
- Семенов Ю. И. Этнос, нации, расы [Электронный ресурс]. URL : scopsis.net/library/id_75.html
- Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М. : Наука, 1988. 242 с.
- Соколов Д. В. К вопросу об определении национализма. [Электронный ресурс]. URL : www.sworld.com.ua/index.php/ru/legal-and-political-science-411/political-culture-and-ideology-411/10962-411-0840 (дата обращения: 5.05.2017).
- Соловьев А. И. Политология: Политическая теория, политические технологии. Учебник для студентов вузов. М. : Аспект Пресс, 2003. 559 с.
- Соссюр Ф. Труды по языкознанию / пер. с фр., под ред. А. А. Холодовича. М. : Прогресс, 1977. 695 с.
- Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учебное пособие. М. : Слово / Slovo, 2000. 624 с.
- Храпченко М. Б. Язык художественной литературы. М. : Новый мир, 1983. № 9. С. 231.
- Хрестоматия по истории языкознания XIX–XX веков / сост. В. А. Звегинцев. М. : Мин. Просвещения РСФСР, 1956. 458 с.
- Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира. М. : Языки славянской культуры, 2002. 224 с.
- Штырков С. А. Лингвистический национализм и академическая традиция: соперничество и преемство [Электронный ресурс] // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 г. СПб: МАЭ РАН, 2011. С. 327–333. URL : kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-211-1/978-5-88431-211-1_73.pdf (дата обращения: 10.05.2017).
- Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М. : Гнозис, 1994. 344 с.

ГЕНДЕРНАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ ГРАНИЧНОЙ ГЛОТТАЛИЗАЦИИ В АМЕРИКАНСКОЙ РЕЧИ (данные акустического анализа)

В статье обсуждаются результаты акустического анализа глоттализированных реализаций предстыкового смычно-взрывного /t/ в контексте с вокальным постстыковым компонентом на материале американского варианта английского языка. Глоттализация /t/ представляет собой сложное фонетическое явление, реализации которого варьируются от классической гортанной смычки до слабой скрипучей фонации (ларингализации), сопровождающей артикуляцию предшествующего или последующего гласных. С помощью компьютерной программы *Praat* (версия 6.0.36) выявляются акустические корреляты глоттализации в женской и мужской речи с учетом следующих акустических параметров: длительность, шиммер-эффект, джиттер-эффект, коэффициент соотношения гармоника / шум. Используемый коэффициент корреляции Пирсона (r -Пирсона) позволяет выявить: а) наличие сильной корреляционной связи темпоральных характеристик женской речи и частотности глоттализации и б) отсутствие зависимости двух переменных в мужской речи. В соответствии с полученными результатами женщины значительно чаще используют глоттализацию по сравнению с мужчинами, при этом показатели коэффициента вариации указывают на большую дисперсию значений внутри мужской группы, что свидетельствует о неравномерности использования гортанной смычки дикторами-мужчинами. Гортанная смычка и ее субституты, реализуемые в указанном типе стыка, являются маркером социолингвистической вариативности, находящимся в зависимости от целого ряда как сугубо фонетических (качество гласного, позиция ударности / безударности), так и социальных факторов (возраст, гендер, статус говорящего). Результаты акустического анализа стыковой глоттализации показывают, что аперiodические глоттальные колебания, сопровождающие глоттализированные реализации глухого смычно-взрывного согласного с постстыковой вокалью, можно рассматривать в качестве потенциального акустического маркера стыка лексических единиц в АЕ.

Ключевые слова: глоттализация; пограничный сигнал; американский вариант английского языка; ларингализация; шиммер; джиттер; отношение гармоника / шум; частотность; длительность; коэффициент корреляции Пирсона (r -Пирсона).

Y. V. Kartashevskaya

Ass. Prof., Department of English Phonetics,
Faculty of the English Language, MSLU; e-mail: juliakar@mail.ru

**GENDER-MARKED BOUNDARY GLOTTALIZATION
IN AMERICAN ENGLISH
(Acoustic Analysis Data)**

Acoustic analysis reported in the article examines the occurrence of /t/ glottalization in C#V context in American English. Glottalization is a complex phonetic phenomenon, which acoustic realization varies from a canonical glottal stop to a weak creaky phonation (or laryngealization) of adjacent vowels. The computer programme Praat (version 6.0.36) was used to identify the acoustic correlates of glottalization in male and female speech. The following acoustic parameters have been considered: duration, shimmer, jitter, Harmonics-to-Noise Ratio (HNR). The Pearson correlation coefficient (Pearson's *r*), which was used to measure the strength and direction of the linear relationship between the two variables, frequency of glottalization and speech tempo, reveals a strong positive correlation of the variables in female speech, and weak correlation or no linear relationship between the variables in male speech. Women tend to be more frequent users of /t/ glottalization. The coefficient of variation (CV) measurement indicates high variability of frequency distribution of glottalization in male speakers. A glottal stop and its substitutes are the markers of sociolinguistic variation, dependent on phonetic (vowel quality, stressed / unstressed position), as well as social factors (speakers' age, gender and social status). Acoustic analysis data suggest that aperiodic glottal oscillations accompanying /t/ glottalization can be viewed as potential acoustic cues for word juncture.

Key words: glottalization; boundary signal; American English; laryngealization; shimmer; jitter; Harmonics-to-Noise Ratio (HNR); frequency; duration; correlation coefficient (Pearson's *r*).

Введение

В статье «Глоттализация как компонент системы просодических пограничных сигналов в английском языке» нами было подробно рассмотрено явление глоттализации, выступающее в качестве маркера дискретности речевого потока в американском варианте английского языка [Карташевская 2017]. В настоящей работе представлены результаты акустического анализа, выявляющего специфику глоттализированных реализаций предстыкового смычно-взрывного /t/ в вокалическом типе стыка (C#V) на материале женской и мужской речи.

Сила взрыва при раскрытии гортанной смычки может варьироваться от ярко выраженного и сильного взрыва до практически полного

отсутствия такового. Глоттализиция /t/ часто сопровождается коартикуляцией в виде ларингализации¹ предшествующего (или последующего) гласного, перцептивно создающей эффект скрипучей фонации. Ларингализация представляет собой градуальное явление, наиболее полным проявлением которого является полная гортанная смычка, что, однако, по мнению Дж. Лейвера, редко достигается в связной речи [Laver 1994]. Дж. Уэллс представляет градиентный характер глоттализиции /t/ в виде последовательности от преглоттализиции согласного до его полного выпадения как финальной стадии ослабления согласного: ([t^h]) → [ʔt] → [tʔ] → [ʔ] (→ Ø) [Wells 1982, с. 325].

Результаты исследований на материале АЕ² [Dilley et al. 1996; Redi, Shattuck-Hufnagel 2001; Garellek 2012], а также русского языка [Кривнова 2002; Кривнова 2005] указывают на то, что вероятность появления ларингализации резко возрастает, если слово имеет сильную смысловую и эмфатическую выделенность. Экспериментальные данные, полученные Л. Дилли и др., показывают, что чем глубже просодический шов или, иными словами, чем больше семантическая самостоятельность смежных слов, тем выше вероятность появления глоттализиции в качестве маркера стыка лексических единиц [Dilley et al. 1996].

Методика проведения акустического анализа

С целью описания гендерно-маркированных признаков стыковой глоттализиции нами рассматривались стыковые позиции с предстыковым смычно-взрывным согласным /t/ и последующим вокальным компонентом (гласным, аппроксимантом или носовым сонантом). Акустическому анализу были подвергнуты вышеуказанные фонетические контексты, реализованные с гортанной смычкой или ее субститутами, а также сопоставлялись реализации: а) сопровождающиеся

¹ В данном контексте термины «глоттализиция» и «ларингализация» используются нами дифференцированно, но сами явления рассматриваются как взаимозависимые. Предпочтение отдается термину «глоттализиция», когда речь идет об аллофоническом варьировании согласного /t/. Понятие «ларингализация» трактуется нами как фонетическое явление, соотносимое с таким состоянием гортани, которое типично для скрипучей фонации [Кривнова 2005], поэтому термин «ларингализация» применяется при описании фонации гласного звука, сопровождающегося скрипучей фонацией.

² Зд. и далее АЕ – американской вариант английского языка.

ларингализацией предшествующего или последующего гласного; б) представленные классической гортанной смычкой; в) реализованные без гортанной смычки.

С помощью компьютерной программы Praat (версия 6.0.36) было проведено исследование следующих акустических параметров речи: длительность (в мс); джиттер-эффект (в %); шиммер-эффект (в %); коэффициент соотношения гармоника/шум (в дБ).

Акустические корреляты глоттализации

Средние значения длительности глоттализованных реализаций /t/ в настоящем исследовании, представленные в таблице 1, составляют 83 мс в женской речи и 86 мс в мужской речи¹, при этом влияние гендерного фактора на длительность гортанных смычек оказалось статистически незначимым параметром ($p = 0,72$). Анализ частотности использования глоттализации в двух гендерных группах показывает, что женщины используют больше почти в два раза гортанных смычек по сравнению с мужчинами (21,2 % и 12,4 % соответственно), однако это различие оказывается также незначимым в ходе статистической обработки данных ($p = 0,1$). Существенным отличием, на которое указывают показатели коэффициента вариации (C_v), является неравномерная дисперсия значений внутри гендерных групп. Так, коэффициент вариации в женской группе составил 25,3 %, что свидетельствует о средней вариабельности и относительной однородности данного признака. В мужской группе этот показатель составил 73,3 %, что указывает на крайнюю неустойчивость использования глоттализации дикторами-мужчинами (см. табл. 1).

Рисунки 1–5 иллюстрируют всё многообразие фонетических реализаций данного явления: от более четко представленной на спектрограммах гортанной смычки до слабой скрипучей фонации (или ларингализации), сопровождающей артикуляцию предшествующего или последующего гласного звука. Широкий спектр акустических репрезентаций глоттализованных аллофонов /t/, представленных на рисунках ниже, свидетельствует об определенных трудностях единообразного описания рассматриваемого фонетического явления.

¹ По данным Д. Берд, среднее значение длительности гортанной смычки составляет 65 мс, при этом разница в длительности гортанных смычек в мужской и женской речи незначительна и составляет 2–4 мс [Byrd 1993].

Таблица 1

Частотность (%) и длительность (мс) глоттализированных реализаций /t/ в мужской и женской речи

	Частотность (%)	Длительность (мс)
Женщины		
Среднее значение	21,2	83
SD	5,4	11
C _v (%)	25,3	13
Мужчины		
Среднее значение	12,4	86
SD	9,1	7
C _v (%)	73,3	9
p-value (p<0,05)	0,1	0,72

На рисунках 1 и 2 представлена реализация последовательности [ðæʔt # 'itʃi] (*that#itchy*), реализованной дикторами-женщинами. Акустические характеристики предстыкового гласного /æ/, гортанной смычки /ʔ/ и постстыкового гласного /i/ (см. табл. 2, рис. 1) позволяют сделать определенные выводы относительно специфики реализации гортанной смычки в рассматриваемом контексте. Как видно из рисунка 1, семантически значимое слово *itchy* сопровождается просодической выделенностью, которая выражается в повышении уровней интенсивности и ЧОТ с 125 Гц на гласном /æ/ до 239 Гц в стационарной части гласного /i/. В данном случае гортанная смычка, длительностью 80 мс, сопровождается ларингализацией (=нерегулярными периодами колебаний) предшествующего гласного, что выражается в увеличении шумовых параметров сигнала (джиттера и шиммера) и уменьшении соотношения гармоника / шум (см. табл. 2). Сходная картина акустической реализации глоттализации наблюдается и в последовательности [bʔ # mɪsɪz] (*but#Mrs*): слабо выраженная гортанная смычка сопровождается ларингализацией предшествующего гласного /ə/ (см. табл. 2, рис. 3).

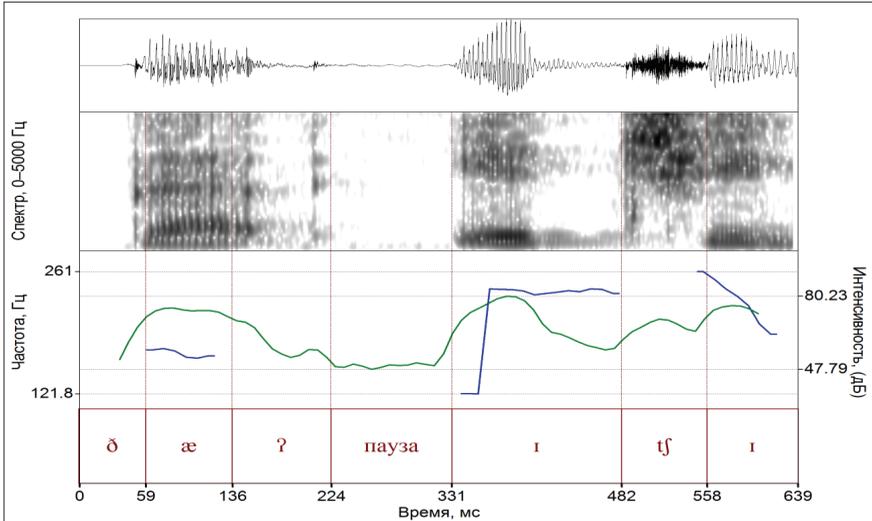

Рис. 1. Осциллограмма, спектрограмма, изменения ЧОТ и интенсивности:
that # itchy [ðæʔt # 'ɪtʃɪ] (диктор F1)

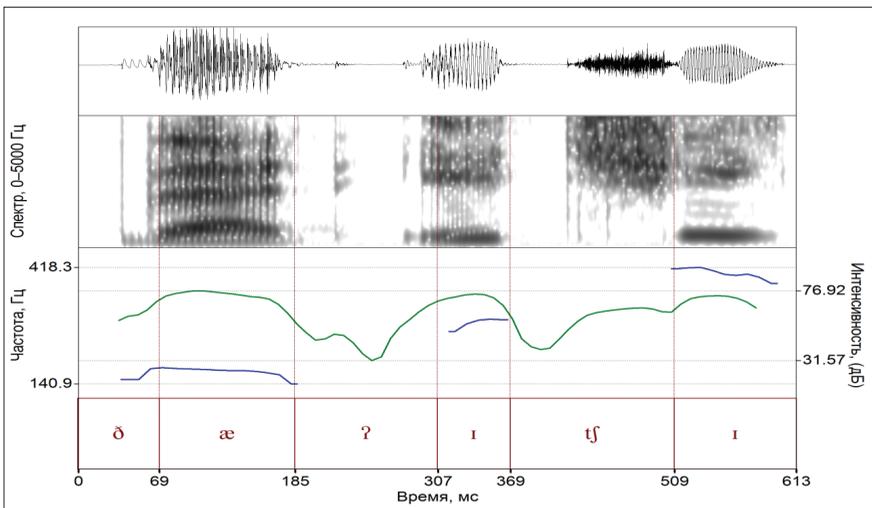

Рис. 2. Осциллограмма, спектрограмма, изменения ЧОТ и интенсивности:
that # itchy [ðæt # ʔ'ɪtʃɪ] (диктор F3)

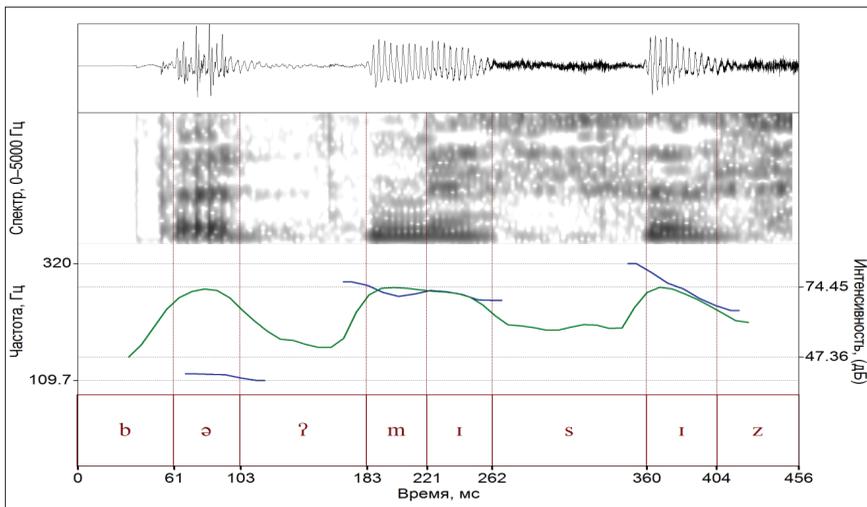

Рис. 3. Осциллограмма, спектрограмма, изменения ЧОТ и интенсивности:
but # Mrs [bʌʔ # mɪsɪz] (диктор F1)

На рисунке 2 представлен иной вариант глоттализированной реализации сочетания *that # itchy*, когда гласный /æ/ произносится с модальной фонацией, а последующая за ним гортанная смычка не оказывает влияния на качество предшествующего гласного. Постстыковый гласный /ɪ/, находящийся в начале просодически выделенного слова, усиливается преглоттализацией в начале фонации, что также выражается в увеличении уровня шума в речевом сигнале (повышение значений шумовых параметров и уменьшение соотношения гармоника / шум) (см. табл. 2, рис. 2).

Рисунок 4 иллюстрирует такой тип глоттализации, при котором ларингализация гласного /æ/ в *that # required* сопровождается резким падением ЧОТ или почти полным исчезновением глоттальных колебаний (линия ЧОТ отсутствует на осциллограмме) с последующим резким переходом от низкой амплитуды колебаний к очень высокому значению ЧОТ (возможно, здесь имеет место так называемый глоттальный «всплеск» (*glottal squeak*), один из видов акустической реализации гортанной смычки, описанный в [Redi, Shattuck-Hufnagel 2001, с. 414]).

Таблица 2

Акустические характеристики стыковых последовательностей, реализованные с глоттализацией: длительность, ЧОТ, джиттер, шиммер, гармоника / шум

№ рис.	Примеры	$V_1(t) \# / V_1(t)^2 \#$				/r/	$\#V_2 / \#V_2$					
		длительность (мс)	ЧОТ (Гц)	джиттер (%)	шиммер (%)		гармоника / шум (дБ)	длительность (мс)	ЧОТ (Гц)	джиттер (%)	шиммер (%)	
1	that # itchu (диктор F1)	94	125	3,47	12,15	4,53	80	74	238	1,34	10,32	11,12
2	that # itchu (диктор F3) ¹	106	173	1,34	8,97	8,61	114	72	286	3,16	9,37	11,82
3	but # Mrs (диктор F1)	42	120	3,04	18,52	2,99	76	36	263	2,25	10,56	12,42
4	that # required (диктор F4)	49	87	3,95	13,59	5,65	51	42	153	1,14	6,45	10,95

¹ Гласный предстыкового слова произносится с модальной фонацией (ларингализация отсутствует), постстыковый гласный предвосхищается ларингализацией.

² V_2 – ларингализованный гласный; V_1 – модальный гласный.

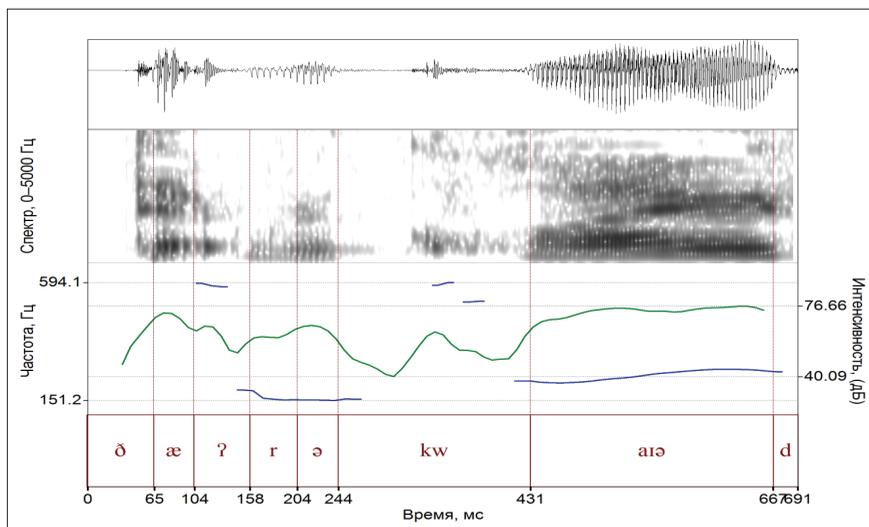

Рис. 4. Осциллограмма, спектрограмма, изменения ЧОТ и интенсивности: *that#required* [ðəʔ # rəkwaɪəd] (диктор F4)

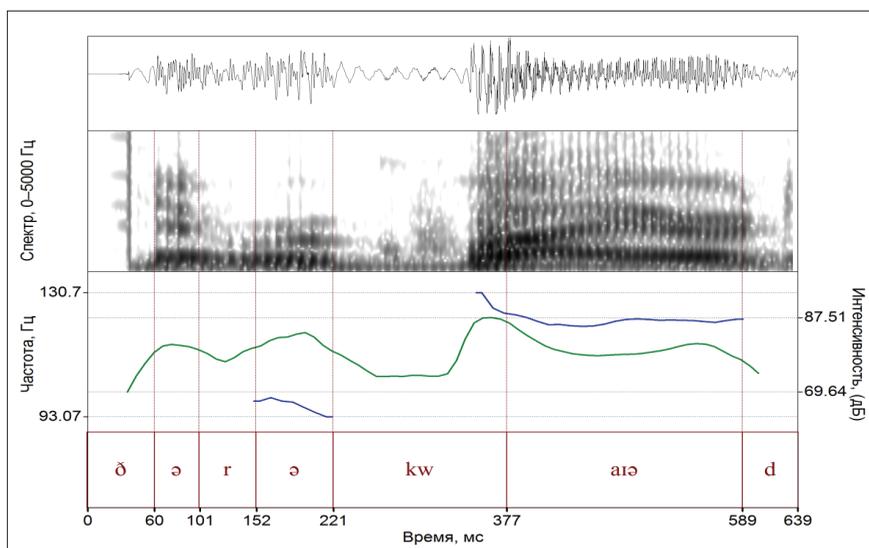

Рис. 5. Осциллограмма, спектрограмма, изменения ЧОТ и интенсивности: *that#required* [ðə # rəkwaɪəd] (диктор M4)

Появление гортанной смычки в интервокальном положении в АЕ (или, по крайней мере, ларингализации соседних гласных) может сигнализировать о наличии словесного стыка, т. е. являться положительным пограничным сигналом, как, например, в сочетании [d̪əʔrə(kwaɪəd)] (*that#required*), реализованном диктором-женщиной (см. рис. 4). Однако в речи диктора-мужчины в аналогичном случае отсутствие глоттализации (= нулевая реализация) приводит к «стиранию» словесной границы и, в конечном итоге, ухудшению слухового распознавания речи говорящего: [d̪əʔrə(kwaɪəd)] (см. рис. 5).

Темп речи и частотность глоттализации

Скорость артикуляции, бесспорно, является одним из факторов, который оказывает значительное влияние на модификацию сегментных единиц в потоке речи. С целью выявления возможной зависимости частотности глоттализации от темпоральных особенностей речи дикторов нами был произведен расчет коэффициента корреляции Пирсона (*r*-Пирсона), который позволил определить пропорциональность изменчивости двух исследуемых переменных – частотности глоттализации и скорости артикуляции. Результаты, представленные в таблице 3 и на рисунках ба и бб, позволяют сделать вывод

Таблица 3

Корреляция скорости артикуляции и частотности глоттализации в мужской и женской речи

Мужчины	М1	М2	М3	М4	М5	Среднее значение
Скорость артикуляции (сл/сек)	5,24	5,98	4,64	5,24	4,88	5,20
Частотность глоттализации (%)	26,9	8,0	3,8	8,0	15,4	12,4
Коэффициент корреляции ¹ (r-Пирсона)						0,04

¹Коэффициент корреляции (r) вычисляется по формуле: $r = \sqrt{R^2}$.

Продолжение таблицы 3

Женщины	F1	F2	F3	F4	F5	Среднее значение
Скорость артикуляции (сл/сек)	5,30	4,83	4,73	4,80	4,43	4,82
Частотность глоттализации (%)	26,9	23,1	19,2	24,0	13,0	21,2
Коэффициент корреляции (<i>r</i> -Пирсона)						0,86

относительно влияния гендерного фактора на корреляционную зависимость переменных. Так, в ходе статистического анализа выявлено отсутствие зависимости частотности глоттализации от темпа речи у дикторов-мужчин ($r = 0,04$ – корреляционная связь очень слабая), что наглядно представлено на графике рисунка ба. В женской речи, напротив, наблюдается достаточно сильная корреляция переменных ($r = 0,86$), и, как следует из рисунка бб, дикторы-женщины, имеющие большую скорость артикуляции, реализуют большее количество гортанных смычек в своей речи.

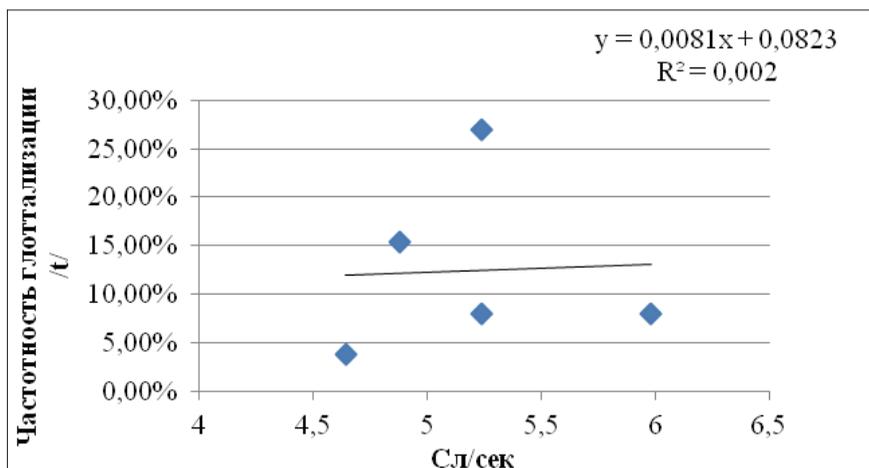

Рис. ба. Корреляционный анализ зависимости частотности глоттализации от темпа мужской речи

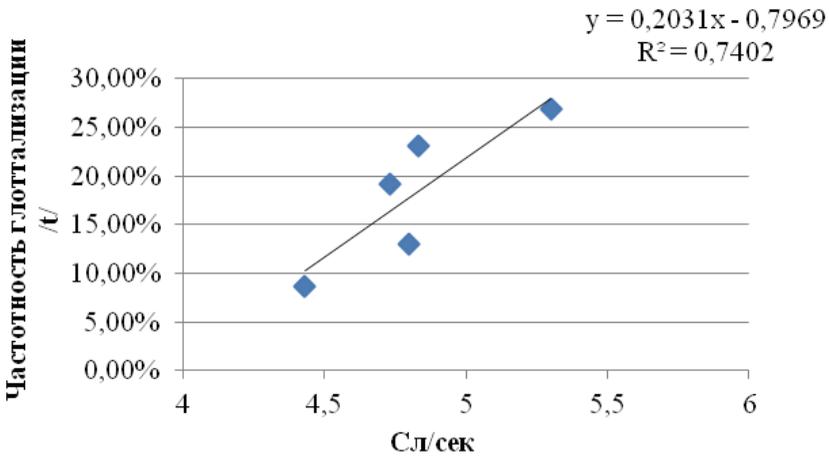

Рис. 66. Корреляционный анализ зависимости частотности глоттализации от темпа женской речи

Глоттализация как социолингвистическая переменная

Как показывают пока еще немногочисленные исследования глоттализации как социолингвистической переменной в АЕ [Roberts 2006; Eddington, Taylor 2009; Eddington, Channer 2010], именно позиция с вокальным компонентом стыка (C#V) представляет особый интерес для исследований аллофонии предстыкового /t/ в контексте социолингвистической вариативности¹. Всё чаще исследователи отмечают тенденцию к более частой глоттализации, особенно в речи молодых носителей АЕ [Roberts 2006]².

Наиболее полное исследование зависимости стыковой глоттализации /t/ в интервокальном положении *pu[ʔ] a lo[ʔ] of vs. pu[r] a lo[r] of* от влияния целого комплекса социолингвистических факторов на материале АЕ было предпринято в [Eddington, Taylor 2009]. Статистически значимыми факторами, определяющими появления гортанной смычки в указанной позиции, явились: качество постстыкового гласного; возраст, гендер и регион проживания говорящего. Так, глоттализация /t/

¹ «it [prevocalic position] seems to allow the greatest play for social factors» (цит. по: [Eddington, Taylor 2009, с. 299]).

² Исследование проводилось на материале речи жителей северо-западного района штата Вермонт в возрасте от 3 до 80 лет [Roberts 2006].

чаще реализуется перед гласными переднего ряда, при этом молодые американки играют лидирующую роль в использовании глоттализации. Жители Запада США демонстрируют бóльшую частотность глоттализации по сравнению с респондентами из других регионов страны [Eddington, Taylor 2009]. Активное использование глоттализации молодыми американками в формальном виде речевой деятельности (чтении) свидетельствует о том, что гортанная смычка в интервокальной позиции не является стигмой в АЕ. Американскими исследователями высказывается предположение о том, что наблюдаемая тенденция будет способствовать более быстрому распространению данной «фонетической инновации» в речи жителей США и, в конечном итоге, сближению американского и британского произносительных вариантов английского языка (по крайней мере, в рассматриваемом нами фонетическом контексте) [Eddington, Taylor 2009].

Выводы

В ходе проведенного акустического анализа стыковой глоттализации были решены следующие задачи:

- выявлена частотность использования глоттализации /t/ в речи мужчин и женщин;
- описаны акустические корреляты глоттализации с учетом показателей длительности и шумовых параметров спектра речевого сигнала (джиттер, шиммер, соотношение гармоника / шум);
- изучена взаимосвязь темпоральных характеристик речи и частотности глоттализации;
- явление глоттализации рассмотрено в качестве социофонетической переменной в АЕ.

1. Глоттализация /t/ представляет собой сложное фонетическое явление, имеющее широкий спектр реализаций от классической гортанной смычки до слабой скрипучей фонации (ларингализации), сопровождающей артикуляцию предшествующего или последующего гласного звука. Анализ таких акустических параметров, как длительность, ЧОТ, дрожание, мерцание и соотношение гармоника / шум дает наглядное представление о вариативности акустической репрезентации явления глоттализации.

2. Женщины значительно чаще используют глоттализацию по сравнению с мужчинами, при этом не обнаруживается статистически

значимого влияния гендерного фактора на длительность глоттализированных реализаций /t/.

3. Показатели коэффициента вариации указывают на бóльшую дисперсию значений внутри мужской группы, что свидетельствует о неравномерности использования гортанной смычки дикторами-мужчинами. Полученные результаты позволяют сделать предположение о том, что глоттализация, чаще реализуемая дикторами-женщинами, является маркером большей ориентированности женской речи на английскую слоговую модель, так как именно глоттализация, выполняя функцию граничного маркера, препятствует ресиллабификации на стыке со словом, имеющим непркрытое гласное начало.

4. Анализ зависимости темпа речи и частотности глоттализации с применением коэффициента корреляции Пирсона (r -Пирсона) выявляет отсутствие зависимости частотности глоттализации от темпа речи у дикторов-мужчин и, напротив, сильную корреляцию переменных в женской речи: частотность глоттализированных реализаций /t/ возрастает с увеличением скорости артикуляции.

5. Гортанная смычка и ее субституты, реализуемые в позиции с вокальным компонентом стыка (C#V), в АЕ являются маркером социолингвистической вариативности, находящимся в зависимости от целого ряда как сугубо фонетических (качество гласного, позиция ударности / безударности), так и социальных факторов (возраст, гендер, статус говорящего).

6. Результаты акустического анализа стыковой глоттализации показывают, что аperiodические глоттальные колебания, сопровождающие глоттализированные реализации глухого смычно-взрывного согласного с постстыковой вокалью, можно рассматривать в качестве потенциального акустического маркера стыка лексических единиц в АЕ. Полученные ранее результаты исследования работы системы автоматической классификации типов фонации [Surana, Slifka 2006] демонстрируют высокую достоверность распознавания регулярной фонации в 95,02 % случаев и нерегулярной фонации в 91,25 % случаев на стыках знаменательных единиц речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Карташевская Ю. В. Глоттализация как компонент системы просодических пограничных сигналов в английском языке // Вестник Московского

- государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. Вып. 3 (771). С. 51–66.
- Кривнова О. Ф.* Глоттализация на границах фонетических составляющих в женской речи (на русском материале) // Проблемы и методы экспериментально-фонетических исследований : сб. ст. к 70-летию проф. Л. В. Бондарко. СПб., 2002. С. 183–190.
- Кривнова О. Ф.* Ларингализация как граничный маркер в устной речи // Сборник трудов XVI Сессии Российского Акустического Общества. Т. 3. М. : ГЕОС, 2005. С. 14–18.
- Byrd D.* 54,000 American Stops // *UCLA Working Papers in Phonetics*. 1993. V. 83. P. 97–116.
- Dilley L., Shattuck-Hufnagel S., Ostendorf M.* Glottalization of Word-initial Vowels as a Function of Prosodic Structure // *Journal of Phonetics*. 1996. V. 24. P. 423–444.
- Eddington D., Channer C.* American English has go? a lo? of glottal stops: Social diffusion and linguistic motivation // *American Speech*. 2010. V. 85, № 3. P. 338–351.
- Eddington D., Taylor M.* T-glottalization in American English // *American Speech*. 2009. V. 84, № 3. P. 298–314.
- Garellek M.* Word-initial glottalization and voice quality strengthening // *UCLA Working Papers in Phonetics*. 2012. V. 111. P. 92–122.
- Laver J.* *The Phonetic Description of Voice Quality*. Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2009. 190 p.
- Redi L., Shattuck-Hufnagel S.* Variation in the Realization of Glottalization in normal speakers // *Journal of Phonetics*. 2001. V. 29. P. 407–429.
- Roberts J.* As old becomes new: glottalization in Vermont // *American Speech*. 2006. V. 81, № 3. P. 227–249.
- Surana K., Slifka J.* Is irregular phonation a reliable cue towards the segmentation of continuous speech in American English? [Электронный ресурс]. URL : www.isca-speech.org/archive/sp2006/papers/sp06_177.pdf
- Wells J. C.* *Accents of English*. Cambridge : Cambridge University Press, 1982. 465 p.

УДК 811.34

О. П. Крюкова

доктор филологических наук, профессор;
старший научный сотрудник; e-mail: krukova-op@yandex.ru

КОГНИТИВНЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ: МОДЕЛИРОВАНИЕ, УПРАВЛЕНИЕ РЕЧЕПОРОЖДЕНИЕМ

В прикладном лингвистическом когнитивном исследовании на основе психолингвистического эксперимента предлагается рабочая ономасиологическая иерархическая модель речепорождения (на материале предложения). Речепорождение определяется как процесс когнитивной интерпретации знаний различных типов: грамматических, лексических, социокультурных, заданных обобщенной моделью – смысловым интерпретатором-фреймом.

Ключевые слова: концепт; фрейм; когнитивная интерпретация; ономасиологический подход.

O. P. Kryukova

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor,
Senior Researcher; e-mail: krukova-op@yandex.ru

COGNITIVE LINGUISTIC KNOWLEDGE: MODELLING, MANAGEMENT OF SPEECH PRODUCTION

In an applied linguistic piece of research the author develops an experimental top-down concept model of speech (sentence) production. Speech production is described as a process of cognitive interpretation of knowledge of different types: linguistic (grammar and lexical), sociocultural, scientific, triggered by a universal frame model of meaning interpretation.

Key words: concept; frame; cognitive interpretation; top down approach.

1. Постановка проблемы

В постановке целей и задач данного когнитивно-лингвистического исследования мы исходим из следующего. Осознание современного языка как громадного по объему, развивающегося диссипативного¹

¹Понятие диссипативной структуры применительно к языку дано в работе [Караулов 1999, с. 154]. В сокращенном изложении – это «структура нечеткая, в стадии становления и лишённая однозначных системно-иерархических отношений между ее элементами и частями. Это “синтагматика без парадигматики”».

словарного ресурса на повестку дня ставит вопрос, как сегодняшний человек с его ограниченной пропускной способностью памяти может этим ресурсом оперировать для создания речи под свои цели и конкретные вариативные коммуникативные условия. Какие механизмы минимизации позволяют этот словарь делать операбельным в условиях практического употребления? Как происходит выбор конкретных языковых единиц, отражающих условия конкретной ситуации, т. е. лексики и грамматических структур, которые и определяют строй речи?

В поисках ответа мы сталкиваемся с проблемой большой сложности, поскольку ответ на вопросы, сформулированные выше, ищется в различных научных направлениях. При этом выдвигаются новые идеи структурной обработки языка, его концептуализации, логизации, формализации, чтобы объяснить процесс речемыслительной деятельности в контексте новых идей рационализации, которые с изобретением компьютера сам человек начинает активно создавать. В процесс научного поиска и дискуссии вовлечены различные науки, так как проблема междисциплинарна. Когнитивная лингвистика ищет в этом экспериментальном пространстве свои пути.

В постановке проблемы данного когнитивного исследования важно учесть следующее. Общеизвестные в лингвистике существующие типы знаний, определяющие организацию речи, следующие:

- грамматико-синтаксические,
- экстралингвистические, ситуативные,
- предметно-логические,
- фреймово-семантические.

Последние в настоящее время стали особенно актуальны, так как именно они дают возможность изменить саму логику анализа языка и при этом исходить не из семасиологического подхода «от частного к общему», снизу вверх, а из подхода ономасиологического, «от общего к частному», сверху вниз. Эти знания способны создать тот концептуальный логизированный и сжатый верхний уровень представления о языковой системе, который для этого необходим, произвести минимизацию языка через «процесс интегрирования неограниченного объема знаний в ограниченный перцепционный опыт человека: процесс создания универсального знания путем приведения его в диапазон

сознания, устанавливая его по отношению к человеку» [Рэнд 2012, с. 17–18].

В постановке целей и задач нашего исследования мы гипотетически исходим из следующих положений:

1. В когнитивном подсознательном у человека есть модель или модели, интерпретаторы языковой системы, обеспечивающие доступ к языковым ресурсам в долговременной памяти. Это модели, в которых уже безграничность знаний, накопленных человеком, приведена в соответствие с его перцептивными возможностями. Они несут в себе сжатый смысловой код для обработки информации и ее перекодирования в языковые знаки.

2. Этот код содержится в тех логико-концептуальных моделях, которые вырабатывает философия – наука, отвечающая за общечеловеческий синтез научного знания и построение единой картины мира и ее интерпретации. Именно эти модели и могут быть, по нашему мнению, универсальными интерпретаторами речемыслительного процесса. Это модели фреймового типа, если исходить из определения фрейма как комбинации концептов, устойчиво используемых в практике речемыслительной деятельности.

Если их исследовать как концепты, формирующие семантические лексические поля, то можно выявить те факторы, которые обеспечивают человеку возможности минимизации и выбора словаря, возможно, и те кратчайшие, «мгновенные», алгоритмы решений его нахождения для построения речевой цепи, которыми он пользуется в скрытой для наблюдения форме.

В решении данной проблемы мы исходим из следующих научных фактов, положений, гипотез. Высказана гипотеза, что существуют концептуальные модели – совокупности понятий – фреймы или их системы (по Филлмору), которые и определяют выбор словаря при формировании текста [Филлмор 1983].

Более того, в практике работы с текстом, его анализом и систематизацией широко используются когнитивные фреймовые структуры, которые позволяют анализировать большие объемы информации, логически и универсально интерпретируя данные различных предметных областей и тематик. К таким структурам можно отнести:

1. **«субъект, действие, объект, средства, цель, место, время, бенефициар»** и др.

Другой общеизвестной из философии структурой является:

2. «предмет, количество, качество, состояние, действие, местоположение» и др.¹

Эти положения подводят нас к выдвижению гипотезы данного исследования.

Наша гипотеза. Мы гипотетически полагаем, что данный концептуальный фреймовый аппарат может влиять на выбор лексики в процессе построения не только больших по объему речевых единиц, но и, как в нашем случае, такой единицы речи, как предложение. Процесс выбора языковых средств при этом, как мы предполагаем, реализуется как процесс когнитивной интерпретации связи универсальных или специальных моделей знаний с лингвистическими знаниями об организации речевых единиц. Как это происходит, какие знания здесь задействованы – вот вопросы, на которые нам надо ответить.

Проверка данной гипотезы требует проведения психолингвистического эксперимента для экспликации процессов, происходящих в ментальном пространстве человека при речепорождении предложения.

Эта проверка и является целью данного исследования и материалом для данной статьи.

Объектом исследования является единица речи- предложение.

Предметом исследования является когнитивная интерпретация речепорождения на материале предложения.

Цели и задачи данного исследования

Целью исследования является определение когнитивной интерпретации как процесса речепорождения, т.е. нахождения человеком нужных ему для его коммуникативной цели языковых ресурсов.

В задачи исследования входит:

1. Организация психолингвистического эксперимента.

¹ См. работы Л. В. Ивиной, О. П. Крюковой, Л. И. Гурье, Г. Г. Бондарчук, где рассматриваются когнитивные категориальные основы словообразования и речепорождения, и именно эти или подобные фреймы использовались для лингвистической обработки словаря предметной области, для идеографической систематизации словаря в качестве методологического инструмента анализа информации текста [Ивина 2003; Крюкова 1998; Гурье 2004; Бондарчук 2011].

2. Выявление, уточнение способа, определяющего выбор грамматических структур и их лексикализацию.
3. Определение механизма когнитивной интерпретации.

2. Эксперимент

Условия эксперимента. Эксперимент проводился автором в процессе чтения курса по теоретической грамматике, когда проходили раздел «Предложение». Испытуемыми были студенты-лингвисты III курса, обучавшиеся по программе «Теория и методика преподавания иностранных языков». Эксперимент проводился в течение трех лет на трех потоках, было охвачено около 250 студентов. Кроме того, были задействованы аспиранты-волонтеры, тоже лингвисты. Условия проведения для разных групп и на разных этапах менялись. Здесь мы описываем наиболее полный и результативный вариант его организации и наиболее интересные наблюдения, полученные нами в процессе проведения.

Способ проведения. На семинарском занятии проводилась работа в форме игры, ее целью было угадывание предложения, задуманного одной из двух команд. Угадать надо было не только грамматическую структуру, но и лексику, которая ее наполняла. Иными словами, испытуемые должны были объяснить, как происходит лексикализация грамматических структур предложения. Это делалось следующим образом. Команда авторов предложения должна была отвечать на вопросы команды, которая предложение угадывала. Хорошим результатом считался не только полностью до уровня лексики угаданный вариант, но и вариант решения максимально быстрый, т. е. с меньшим количеством вопросов. При этом важно было, каким метаязыком пользовались угадывающие, какие методы формализации грамматического анализа они использовали.

Цель эксперимента. Признаковая идентификация семантического портрета предложения на основании комплекса признаков и уровней знаний: метакогнитивного или философского, грамматического, прагматического и лексического.

Общие положения. Эксперимент по своей цели был задуман как когнитивный, психолингвистический. Нашей задачей было пронаблюдать, будут ли испытуемые использовать фреймовый анализ, как он вообще сможет работать? Что еще будет работать на результат

лексического распознавания? Как будет происходить процесс анализа задачи и ее решения: нами предусматривалось, что испытуемые должны будут последовательно пройти весь процесс лексикализации замысла предложения с нуля и top-down, т. е. ономаσιологически, от понимания работы системы языка к смыслу и тексту; объяснить, как это происходит и обобщить наблюдения.

Задачи эксперимента:

- проверка гипотезы Филлмора и нашей гипотезы (см. раздел выше);
- выявление стратегий речепорождения.

Методы анализа. Семантический анализ, фреймовый анализ, теоретический анализ научной литературы, метод интроспекции, метод опроса.

Требования к примерам. Важное ограничение и требование к примерам: предложение должно быть нераспространенным, простым, стилистически относилось бы к литературному языку для общих целей. Кроме того, пример писался авторами на двух языках – русском и английском, это было важно, так как в аналитическом языке иногда вербализуются те семантические категории, которые в синтетическом бывают реализованы по умолчанию.

При угадывании примеры демонстрировались тремя способами. Первый – самый сложный, слепой, когда угадывающие пример не видят вообще. Второй – когда демонстрируется только подлежащее. Третий – когда демонстрируется сказуемое. Четвертый – когда пример демонстрируется полностью и анализируется наглядно. Иногда реализовались все четыре.

Подготовка к эксперименту. С испытуемыми обсуждался теоретический материал о структурах, обеспечивающих грамматический и семантический подходы к формализации языка. Среди этих подходов обсуждались традиционный синтаксический анализ предложения, принятый в русистике, грамматический анализ по непосредственно составляющим, принятый в генеративной грамматике Н. Хомского, давался материал по семантическому анализу и концептуальным фреймовым моделям. Конкретно приводились данные нами выше примеры фреймов. Также обсуждались те экстралингвистические факторы, которые определяют употребление лексики в стилистике. В плане грамматики говорилось и о том, какое значение для употребления

конкретной лексики имеют актантная структура глаголов и сиркон-стантная структура предложения.

Материал. Далее мы приводим некоторые типичные примеры, которые были предложены самими испытуемыми и обсуждались в процессе эксперимента.

Примеры:

1. The ministers discussed a plan of cooperation between the two countries.
2. I went to the cinema yesterday.
3. The boy was reading a book.
4. The telephone rang.
5. The story is written by Kuprin.
6. The house is burning.
7. It was cold.
8. Knowledge is power.
9. The Japanese eat rice with sticks.
10. The rose is yellow.
11. This present is for you.
12. The meeting is at 6 p.m.
13. The conference is in the Sheraton hotel.
14. Мама мыла раму.
15. Грачи прилетели.

3. Результаты эксперимента

Рассмотрим различные стратегии распознавания предложения, которые применялись испытуемыми, и что было осознано в процессе эксперимента.

Вывод 1. Наиболее простой и четкой стратегией идентификации предложения является грамматически ориентированная. Ниже описан процесс как она реализовалась. Ее плюсы и минусы.

Стратегия 1. Грамматически ориентированная

Анализируемым был пример 14. Игроки выясняют, есть ли в предложении два главных члена (подлежащее и сказуемое). Если да, как чаще всего и бывает, то следующий вопрос будет о подлежащем. Он, опять-таки, будет направлен на ожидание частотного варианта, т. е. подлежащее – это человек? И если да, то следующее – как он именуется – нарицательным именем, собственным или местоимением;

выясняется, выполняет ли он какое-либо действие. И если да, то можно поиграть с угадыванием времени и аспекта этого действия. И после короткого перебора выйти уже практически на последний вопрос этого поиска: есть ли дополнение у этого глагола. Оно есть, угадывается структура SVO, это грамматический фрейм, который в типологии языков расшифровывается как **субъект действия, действие, объект**. Полученная структура генеративна, отражает грамматический частотный штамп, при этом легко порождаются примеры – аналоги. Это цепочки типа: *Мальчик читал книгу, Дети ели кашу* и т. д., т. е. мы можем сказать, что фрейм сам по себе содержит подсказку на грамматические аналоги данного предложения – это семантический портрет синтаксической структуры данного предложения в общих чертах.

Его полная синтаксическая характеристика включает подлежащее, сказуемое, прямое дополнение и определение типа дополнения как объектно-постпозиционное с управлением. Это для русского языка. А для английского – в случае, если в предложении местоимения, то они принимают форму объектного падежа, а если существительное, то наблюдается примыкание.

Тип дополнения также можно включить в грамматическую структуру и сделать полное описание всех типов предложений, содержащих объектные словосочетания¹. Но это не главное в нашем случае. Важен вывод 2.

Вывод 2. Конкретная лексика не определяется через грамматическую структуру, нужны другие знания и другая стратегия. Это стратегия экстралингвистическая. Таким образом, мы заканчиваем первый этап анализа предложения – грамматический и переходим ко второму – экстралингвистическому.

Стратегия 2. Экстралингвистически ориентированная

На втором этапе анализа реализуется другая стратегия и интерпретация, она экстралингвистически и социально ориентирована. Чтобы определить, почему в примере 14 «Мама **мыла** раму», а в примере 1 «Министры **обсуждали** план» и т. д., мы должны определить сначала сферы деятельности заданных в предложениях субъектов, виды их

¹Это можно сделать на основе полносистемной классификации типов объектных словосочетаний, разработанной для русского и английского языков В. Д. Аракиным [Аракин 2000, с. 164–174].

деятельности, социальные роли и конкретные действия, приписанные этим ролям. Действия выполняются в рамках сцен. Тогда для предложения 14 сфера деятельности – ДОМ, вид действия – УБОРКА, социальная роль – МАТЬ, типы действий – мыть пол, стирать белье, подметать пол, сменить постель, мыть окна и т. д. Одно из предложенных в списке действий должно соответствовать заданному примеру. Список носит жестко заданный на определение **свойств и действий** субъекта характер.

Таким образом, раскрывая слоты фрейма, и продвигаясь по ассоциативно-вербальной сети концептов, мы находим нужную лексику в самой системе языка. Для этого можно использовать классификацию всей лексической системы для конкретной части речи или ее объектно ориентированный вариант.

Стратегия 3. Объектно ориентированная

Для построения фреймов объектно ориентированного поиска использовались следующие фреймы.

Пример 1 «Мяч»

Идентификация предмета: / Спорт // футбол /// мяч

Идентификация свойств предмета.

Св-ва:	размер	цвет	материал	вес	износ
	<i>big</i>	<i>yellow</i>	<i>leather</i>	<i>heavy</i>	<i>old</i>
	<i>small</i>	<i>brown</i>	<i>rubber</i>	<i>light</i>	<i>new</i>

Стратегия 4. Упрощенная

В процессе эксперимента наблюдалась также и упрощенная стратегия анализа предложения. Так, например, предложение «Знание – сила», было угадано за три шага, и когда испытуемая узнала, что два существительных используются для означивания подлежащего и сказуемого, она сразу предложила эквивалент разгаданного предложения на том основании, что есть аналог, практически это прецедентный текст – название журнала, который знают все. Это журнал Знание – Сила.

Исходя из наблюдений, человек может вообще фреймом не пользоваться, а действовать по аналогии или на основании знаний организации речи – штампов, используемых в ситуации.

Стратегия 5. Семантическая

Анализ примеров с помощью фреймов дал возможность увидеть предложения примеров в новом свете (см. табл. 1).

Таблица 1

Типология фреймов и вербальных образов речемысли предложения

Номер примера	Развернутый фрейм предложения	Вербальный образ предложения
1	субъект + деятельность + объект	Событие
4	предмет + действие	Функция / опция
8	предмет + новое качество	Превращение
6	объект + воздействие внешних сил	Процесс изменений
5	объект + создание творцом	Творение / изобретение
7	предмет + состояние	Погода / болезнь / готовность
2, 14, 9	человек + рутинное действие	Привычка / традиция / уклад
15	животное + действие	Рефлекс / инстинкт / врожденная программа действий

Подводя итог сказанному, ответим на вопрос, как устроена вербальная семантическая сеть, по которой шел наш анализ предложения:

- **Субъект действия / деятельности, действие, объект** = грамматическая структура предложения.
- **Сфера деятельности, виды деятельности, роли субъектов, действия субъектов, сцена действия** = лексическая структура предложения.

Выводы

Гипотеза Филлмора подтвердилась в том смысле, что фреймовые структуры определяют выбор лексики. Но при этом эта гипотеза требует уточнения. Фреймовые структуры участвуют в этом процессе в комплексе с другими типами знаний – лингвистическими и экстралингвистическими.

В целом, вся системная работа когнитивной интерпретации, посредством которой и происходит выбор лексики предложения, может быть объяснена в контексте семиотической триады типов соотношенности: 1. «знак – знак», 2. «знак – мир» и 3. «знак – человек», где отношение «знак – знак» определяется через грамматические знания и синтаксис, при этом выводится грамматикализованная лексика. Отношение «знак – мир» определяет зависимость выбора лексики от экстралингвистических знаний. Новым и важным для определения функции фрейма отношением является отношение «знак-человек». Именно последнее предопределяет выбор лингвистических средств наверху, на входе в анализ первичного замысла, это знания о перцептивно выделяемых человеком частях структуры предложения, т. е. когнитивных единицах восприятия мира. А это – субъект, объект цель и др. – фрейм горизонтальной композиции предложения. И это предмет, объект, свойства, состояния, действия. Фрейм в контексте данного подхода определяется как концептуальная модель когнитивной интерпретации знаний о мире, которая может быть перекодирована в грамматическую структуру предложения – основной единицы речемысли. Она имеет эту возможность и прозрачно интерпретируется в грамматическом анализе и метаязыке.

Фрейм как особая единица метакогниции выполняет свою функцию на входе в замысел – «упаковывает» информацию в интерпретационное поле анализа, делая ее приемлемой для перекодирования в речевую единицу. Фрейм ее сжимает и делает операбельной, т. е. иными словами выполняет роль фильтра. Он же способен распаковываться и разворачивать информацию в речевые цепочки, соединяемые вместе на основе соотношенности с грамматическими и социально ориентированными знаниями. Тогда и вступают в силу грамматические знания компоновки грамматических и фразеологических единиц, т. е. то, что мы называли когнитивными лингвистическими знаниями, знаниями творения речевых цепочек.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аракин В. Д.* Сравнительная типология английского и русского языков. М. : Физматлит, 2000. 255с.
- Бондарчук Г. Г.* Когнитивно-семиотические основания развития категории предметных имен в английском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 48 с.

- Гурье Л. И. Проектирование педагогических систем : учебное пособие. Казань, 2004. 212 с.
- Ивина Л. В. Лингво-когнитивные основания анализа отраслевых терминосистем. М. : Академический проект, 2003. 301 с.
- Караулов Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М. : ИРЯ РАН, 1999. 180 с.
- Крюкова О. П. Самостоятельное изучение иностранного языка в компьютерной среде. М. : Логос, 1998.
- Рэнд Айн. Введение в объективистскую философию. М. : Астрель, 2012. 351 с.
- Стернин И. А. Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1 (001). С. 65–69.
- Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. Прикладная лингвистика. М. : Радуга, 1983. С. 74–122.

УДК 811

Т. С. Мозоль

кандидат педагогических наук; заведующий каф. восточных языков МГЛУ;
e-mail: yoondanhee@gmail.com

АНТРОПОМОРФНАЯ МЕТАФОРА СЧАСТЬЯ В КОРЕЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Основной целью данной статьи является сопоставительный анализ антропоморфных метафор счастья в корейском и русском языках. Антропоморфная модель представляет собой важный инструмент осмысления окружающего мира и его неодушевленных сущностей с точки зрения человеческих мотиваций, качеств и действий. В корейском и русском языках были выделены как схожие, так и различные по способам концептуализации и описания антропоморфные метафоры. Универсальность ряда антропоморфных метафор обусловлена общностью физического опыта, в то время как возникновение разных метафорических моделей может быть объяснено воздействием специфических социокультурных ценностей и взглядов на физический и эмоциональный опыт индивидов¹.

Ключевые слова: концептуальная метафора; антропоморфная метафора; концепт «счастье»; корейский язык.

T. S. Mozol

Ph.D. (Pedagogy), Head of Department of Oriental languages, MSLU;
e-mail: yoondanhee@gmail.com

ANTHROPOMORPHIC METAPHORS FOR HAPPINESS IN KOREAN AND RUSSIAN

This paper aims to explore the similarities and differences of anthropomorphic conceptual metaphors of happiness in Korean and Russian. Anthropomorphism is an important way in which people make sense of their interactions with the non-human world and allows to comprehend a variety of experiences with nonhuman entities in terms of human motivations, characteristics and activities. Both Korean and Russian share many similar anthropomorphic metaphors of happiness, but there are some conceptual and descriptive differences observed throughout the study. The conceptualization of emotions has universality that comes from universal aspect of bodily functioning in emotional states. At the same time there are variations across

¹Часть материалов данной статьи была представлена на VII Международной корееведческой конференции ДВФУ (2017) и Международной научной конференции 2018 Jeonju International Biennale of Korean Studies (2018). Представленные на данных научных конференциях материалы были дополнены и систематизированы в соответствии с исследовательскими целями, поставленными в данной научной статье.

cultures and languages, since bodily experience always interacts with specific social and cultural values and views on happiness (e.g. passivity vs. activity, etc).

Key words: conceptual metaphor; anthropomorphic metaphor; concept of happiness; Korean language.

Одной из самых продуктивных метафорических моделей является антропоморфная модель, демонстрирующая антропоцентрический взгляд на мир. «К наиболее очевидным онтологическим метафорам относятся случаи, когда материальный объект интерпретируется как человек. Это позволяет осмыслять наш опыт взаимодействия с неживыми сущностями в терминах человеческих мотиваций, характеристик и деятельности людей. Персонификация представляет собой общую категорию, охватывающую широкий круг метафор, каждая из которых основывается на специфическом свойстве человека или на способе его восприятия. Их объединяет то, что они являются расширениями онтологических метафор и позволяют осмысливать происходящее, олицетворяя его, т. е. в терминах, которые мы понимаем, исходя из собственных мотиваций, целей, действий и свойств [Лакофф, Джонсон 2004, с. 59–60].

В данной статье предпринята попытка изучения антропоморфных когнитивных метафор счастья в русском и корейском языках, выявления и анализа общих и специфических для данных лингвокультур метафорических моделей. С точки зрения когнитивной лингвистики исследование метафор эмоций играет важную роль в изучении их концептуализации в языке, поскольку именно метафора представляет собой «когнитивный инструмент для понимания абстрактных понятий и абстрактного мышления» [Lakoff 1993, с. 244]. Лакофф и Джонсон [Лакофф, Джонсон 2004] рассматривают метафору как когнитивное отображение одной сферы человеческого опыта (область-источник) в другой сфере опыта взаимодействия с окружающим миром (область-цель) в рамках понятийной системы, называя данную метафору концептуальной. При этом область цели структурируется по подобию области источника, соответственно, между ними устанавливаются метафорические проекции. Метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии [Лакофф, Джонсон 2004, с. 25, 59–60]. Метафоры позволяют нам понимать относительно абстрактные или не поддающиеся от

природы структурированию понятия посредством более конкретных или, по меньшей мере, более структурированных понятий. Счастье также представляет собой абстрактное понятие, не имеющее определенной четкой структуры. Выбор метафоры счастья обусловлен тем, что концепт «счастье» имеет определенный мировоззренческий характер и окрашен культурной спецификой, в связи с чем он представляет интерес при изучении языковой картины мира.

Проблема изучения концепта «счастья» в целом и его метафорического отражения в русском языке привлекала внимание многих ученых. Так, проблеме изучения когнитивной метафоры в русском языке посвящены работы М. А. Лысенко [Лысенко 2016], С. Г. Воркачев [Воркачев 2002]. Сопоставительным анализом метафорической репрезентации концепта «счастья» в русском и других языках занимались С. Г. Воркачев, Л. Х. Ципинова [Воркачев 2003; Ципинова 2008]. Вместе с тем трудов, посвященных параллельным исследованиям современных русских и корейских метафор счастья [Ашикова 2016], а также изучению когнитивной метафоры «счастье» в корейском языке, крайне мало. Как правило, исследования когнитивной метафоры счастья в корейском языке ограничиваются сравнением с английским языком без анализа большого количества языкового материала [우수정, 이정화, 2002; 송부선, 2006].

В данной работе было проанализировано более 3000 контекстов употреблений ядерных лексем концепта «счастье» в русском и более 3000 контекстов употреблений в корейском языке, из них были отобраны и систематизированы примеры, содержащие антропоморфные метафоры. Основным источником языкового материала для изучения метафор русского языка стали примеры из Русского национального корпуса русского языка, а также материалы исследований М. А. Лысенко [Лысенко 2016] и С. Г. Воркачева [Воркачев 2002], для корейского – корпус Национального института корейского языка, кроме того, в отдельных случаях были использованы примеры письменных текстов русского и корейского языков, полученные в результате поиска в системе Гугл¹. В описании метафори-

¹ Ядерная лексема, представляющая данный концепт в русском языке – «счастье» [Черкашина 2016; Лысенко 2016; Воркачев 2002], данной лексеме в корейском языке соответствует лексема 행복(감) [권연진 2017; 우수정, 이정화 2002; Ашикова 2016].

ческих моделей в когнитивной лингвистике применяются методы фрейм-анализа. Знания, реализующиеся во фреймах и сценариях, представляют собой обобщенный опыт взаимодействия человека с окружающим миром – как с миром объектов, так и с социумом [Лакофф, Джонсон 2004, с. 9]. Типовые для данной модели сценарии отражают наиболее характерные для исходной понятийной сферы последовательности ситуаций. Фреймы представляют собой фрагмент наивной языковой картины мира и структурируют соответствующую понятийную область. Фрейм организует наше понимание мира в целом. Фрейм – структура данных для представления стереотипной ситуации [Кубрякова и др. 1996, с. 188]. Каждый фрейм состоит из типовых слотов, которые представляют собой «элементы ситуации, которые включают какую-то часть фрейма, какой-то аспект ее конкретизации. В данной работе был метод фрейм-анализа метафорических моделей «счастья» в русском языке¹. В ходе анализа были выделены шесть фреймов антропоморфной модели счастья, такие как:

- 1) действия человека;
- 2) действия человека по отношению к счастью;
- 3) части тела;
- 4) физиологическое состояние;
- 5) психологическое состояние;
- 6) черты характера.

Фрейм 1. Действия человека

Слот 1. Передвижение в пространстве

- счастье приходит:

그와 헤어지면 다시는 그 같은 행복은 찾아오지 않으리라 – Если я расстанусь с ним, счастье больше не придет ко мне [김정일 1994, 네 마음속의 블루진을 찢어라].

А тебе сразу *счастье* *пришло*... (М. Горький. *Жизнь ненужного человека*. 1908).

¹ Критерий «сценария» не был применен, поскольку *счастье* представляет собой высокоабстрактное понятие.

- счастье уходит, покидает:

행복은 이미 떠나 버린 뒤였다 – Это случилось после того, как счастье уже покинуло его. [반재원 2013, 오라전대 피스메이커]

...счастье ушло у него из рук! (И. Немирович-Данченко. Цари биржи. 1886).

Но **счастье покинуло** своего любимца (Ф. Зарин-Несвицкий. За чужую свободу. 2017).

- счастье садится, присаживается:

행복이 나도 모르게 우리 곁에 **앉았다** 가기도 했던 그 집으로... (В тот дом, где счастье незаметно присаживалось рядом и уходило) (나희덕 2002, 반통의 물).

Счастье присело на мой подоконник... (Е. Михалькевич. Сонет любви. Стихи и песни. 2017).

- счастье останавливается:

자신의 곁에 **머무른 행복**은 보지 못하고 먼 곳의 크고 화려한 행복을 꿈꾼다. (Человек не видит остановившегося рядом счастья и мечтает о далеком, большом, ярком счастье) [국립국어원 말뭉치, 서평, 2001].

Один раз счастье остановилось и у его дверей... (Б. С. Ямпольский. Арбат, режимная улица. 1997).

- счастье сбегает:

가난이 대문으로 들어오면 **행복이** 창문으로 **도망가게** 되어 있습니다. (Если бедность заходит в ворота, счастье сбегает через окно) (블로그. 가난이 문으로 들어오면 행복은 창문으로 도망간다)

Счастье убежало (Н. С. Лесков. Некуда. 1864).

- счастье входит и выходит:

행복은 감사의 문으로 **들어오고** 불평의 문으로 **나간다**. (Счастье входит через дверь благодарности и выходит через дверь недовольства) (구인환 편 1994, 한국 현대 수필을 찾아서)

...счастье вошло в дом... (В. К. Кетлинская. Дни нашей жизни. 1981).

- счастье проходит:

행복이 지나가버릴 때까지는 행복을 좀처럼 알아차리지 못한다. (Человек не понимает совсем не понимает своего счастья до тех пор, пока оно не проходит мимо) (용혜원 2010, 365일 매일 읽는 신선한 웃음 하나).

Счастье могло пройти мимо, по другой улице... (А. Мариенгоф. Циники. 1928).

- счастье стоит:

Возле него, несомненно, **стояло его счастье**, улыбалось ему... (Н. Д. Телешов. Тень счастья. 1921).

- счастье отворачивается, поворачивается спиной:

행복은 그녀에게서 등을 돌려버렸다. (Счастье отвернулось от нее) (박이수 2014, 별바람을 걷는 소녀 6)

Счастье решительно **повернулось спиной** к поручику (В. В. Кре-стовский. Панургово стадо. 1869).

Слот 2. Счастье живет

행복은 순수한 주관 속에서도 살지 않으며... (Счастье не живет в полном субъективизме...) (이어령 2001, 나를 찾는 술래잡기).

...**счастье живет** не в одних золоченых палатах, но и в хижинах... (М. Е. Салтыков-Щедрин. Незавершенные замыслы и наброски. 1872).

Слот 3. Счастье ждет

과연 **행복만이 기다리고 있을까.** (А только одно лишь счастье ждет нас?) (조선일보사 2003, 주간조선 1762호)

...великое **счастье ждет** вас, мой юный друг! (Ю. Казаков. Долгие крики. 1972).

Слот 4. Счастье наводит порядок

행복감이 부정으로 찌든 나의 머리를 시원스레 청소해줄 것이다. (Счастье с легкостью наведет порядок в моей перепачканной голове) (이광출 1993, 강요된 통만두)

Слот 5. Счастье обманывает

'내일의 행복'에 속거나 기댈 수 없을 만큼 현실의 직접성이 부각되었다... (Неопосредованность реальности стала настолько явной, что невозможно было больше обманываться завтрашним счастьем или опираться на него) (김윤식 2001, 초록빛 거짓말 우리 소설의 정체)

Все мы *обмануты счастьем* (С. А. Есенин. *Глуное сердце, не бойся!* 1925).

Слот 6. Счастье приручает

곧 일하지 않는 행복에 길들여져 있다 (조선일보 2003년 기사)

Слот 7. Счастье охватывает, захватывает

느껴보지 못한 행복감에 사로잡혔다. (Его захватило счастье, которое раньше ему не доводилось испытывать). (고려대학교 출판부 2002, 소설발견. 송하춘 교수의 창작교실)

...он, словно огнем, был *охвачен счастьем* (А. Н. Толстой. *Сестры*. 1922).

Безумное *счастье захватило* его истрадавшуюся душу (О. Г. Бебутова. *Пути к карьере*. 1917).

Слот 8. Счастье просыпается

...*счастье просыпалось вместе со мною* каждое утро... (А. П. Чехов. *Вишневым сад*. 1904).

Слот 9. Счастье улыбается

И вот тут *ему*, казалось, *улыбнулось счастье* (В. Курочкин. *На войне как на войне*. 1965).

Слот 10. Счастье ласкает

Тебя, нарядная, *ласкает счастье*... (В. Розов. *Удивление перед жизнью*. 2000).

Слот 11. Счастье смотрит в глаза

...*счастье ему посмотрело в глаза*... («Октябрь», 1989).

Слот 12. Счастье стучит в дверь

...счастье в дверь мне постучалось (С. Довлатов. *Армейские письма к отцу*. 1963).

В русском и корейском языках метафоры, связанные с движением счастья в пространстве, схожи. Корейское и русское счастье может приходить, останавливаться рядом, проходить мимо, уходить, сбегать, входить выходить, садиться, отворачиваться и только в русском корпусе был обнаружен контекст, в котором счастье стоит рядом. В целом, в представлении русских и корейцев счастье – это предмет, который может свободно передвигаться в пространстве. Счастье, как и человек, может жить, ждать, может обмануть и схватить. Не нашлось близких аналогов в русском языке для корейских метафор «счастье наводит порядок» и «счастье приручает». В то же время в русском языке счастьем приписывается более широкий спектр человеческих действий, русское счастье более деятельно – русское счастье может постучать в дверь, посмотреть в глаза, может улыбаться, просыпаться, может приласкать человека.

Фрейм 2. Действия человека по отношению к счастью

Слот 1. Жить вместе со счастьем

백치는 왜 웃는가. 백치는 **행복과 같이 살고 있기** 때문이다. (Почему смеется безумец? Потому что он живет со счастьем вместе) (*이어령 2001, 나를 찾는 술래잡기*).

Слот 2. Вести себя скромно перед счастьем

그들은 **행복 앞에서 겸허하려고** 하였습니다. (Они хотели вести себя скромно перед счастьем) (*이향 1990, 고독은 나를 자유롭게 한다*).

Слот 3. Быть верным счастью

나는 내 자신의 **행복에 충실해야 한다**. (Я должен быть верен собственному счастью). (*고려대학교 교양국어 작문자료 1995*).

...он верен счастью («*Молодая гвардия*». 2005. № 1)

Слот 4. Убить счастье

행복의 이름으로 **행복을 죽이고**... (Убивают счастье во имя счастья...) (김성동 1992, 연꽃과 진흙).

Слот 5. Отомстить счастью

세언은 **행복**에게 **복수**를 한 기분이 들었다. (Она почувствовала, что отомстила собственному счастью) (이덕자 1993, 어둔 하늘 어둔 새).

Слот 6. Прогнать счастье

행복을 집 밖으로 쫓아내는 데 지나지 않는다. (Это не более, чем просто прогнать счастье из дома) (이만규 1995, 가정독본).

...это сочли бы столь же глупым, как **прогнать счастье** (А. В. Зеленин. Очерки из животного царства. 2013).

Слот 7. Похоронить счастье

...ее дочь плачет, вместе с тем, и о **похороненном ее счастье** (Н. Э. Гейнце. Аракчеев. 1898).

Среди метафор, сгруппированных по признаку «действия человека по отношению к счастью», практически все метафоры не совпадают в двух языках. Так, например, корейские метафоры «отомстить счастью», «убить счастье», «жить вместе со счастьем», «вести себя скромно перед счастьем» не были обнаружены в русском корпусе. Только две метафоры «выгнать счастье» и «быть преданным счастью» совпали в корейском и русском языках. Представляется, что в корейском языковом сознании в отношениях между человеком и счастьем человеку приписывается активная роль деятеля. В то время, как было рассмотрено на примерах из фрейма 1, в русском языке в роли активного деятеля выступает «счастье», а человек, в свою очередь, занимает пассивную позицию в своих отношениях со счастьем.

Фрейм 3. Части тела**Слот 1. Лицо**

행복은 마치 공기처럼 늘 우리 곁에 있으면서도 그 얼굴을 교묘하게 감추고 있다는 것을 알 수 있다. (Можно понять, что счастье, всегда, как

воздух, находящееся с нами, искусно прячет от нас свое лицо) (유홍중 2001, 내 첫사랑 주희 누나).

Счастье показало ему свое лицо (П. Н. Краснов. Подвиг. 1932).

Слот 2. Руки

행복과 손잡고 있는 사람을 단 한 사람 알고 있다. (Я знаю всего одного человека, который держит счастье за руку) (이어령 2001, 나를 찾는 슬래잡기).

У счастья всегда руки в крови (А. Терехов. Коммуналка. 2005).

Слот 3. Глаза

...он впервые *смотрел в глаза своему счастью...* (В. Гроссман. Жизнь и судьба. 1960).

Слот 4. Спина

Счастье решительно повернулось спиной к поручику (В. В. Крестовский. Панургово стадо. 1869).

행복은 그녀에게서 등을 돌려버렸다 (Счастье отвернулось от нее) (박이수 2014, 별바람을 걷는 소녀 6).

Корейское и русское счастье обладает определенными соматическими признаками: у него есть руки, спина, лицо. Согласно примерам из Национального корпуса русского языка, у русского счастья есть глаза. Глазам в русской линвокультуре придается большое значение, неслучайно в русском языке есть выражение «глаза – зеркало души». Русский человек и его счастье могут смотреть друг другу в глаза. Подобных примеров не было обнаружено в корейском корпусе.

Фрейм 4. Физиологические состояния

Слот 1. Сон

나는 그 이상한 행복감에서 갑자기 깨어난 것도 아까웠지만... (Жаль было внезапно пробудиться от того странного счастья) (박완서 1985, 박완서 단편선).

...*сонное счастье* холодно-синих волн (А. Белый. *Северная симфония*. 1917).

Слот 2. Болезнь

나도 그들의 행복에 전염되고 싶어서... (Мне тоже захотелось заразиться их счастьем) (이주형 2011, 평생 갈 내 사람을 남겨라).

행복 바이러스를 ‘감염시키는’ 혁신학교 (Иновационная школа, заражающая вирусом счастья) (행복한 나는 혁신학교 학부모입니다 2014).

Счастьем, как и унынием, можно *заразить!* (Комсомольская правда. 2014. № 48).

...сознательно заразить всех людей *вирусом счастья*... (А. Турчин. *Структура глобальной катастрофы*. 2011).

В корейском и русском языке присутствуют метафоры счастья, связанные с присущими человеку состояниями: сон и болезнь. В корейском корпусе была обнаружена метафора состояния сна «пробуждаться от счастья», в русском языке счастье именовалось сонным. Кроме того, в обоих языках представлена морбиальная метафора счастья – счастье уподобляется болезни или вирусу, которой(-ым) можно заразиться. Данная метафора является универсальной и представлена в разных языках [Kövecses 2008, с. 135].

Фрейм 5. Психологическое состояние

Слот 1. Взволнованное счастье

그애의 설레이는 행복감... (박완서 1988, 한말씀만 하소서).

...мое *взволнованное счастье* (А. Белый. *Луг зеленый*. 1905).

Слот 2. Рассеянное счастье

명한 행복감에 도취되어 있는 중... (고려대학교 출판부 2002, 소설발견 송하춘 교수의 창작교실 4).

...*рассеянное счастье* блуждало у него на лице («Новый мир». 2001).

Слот 3. Пылкое счастье

열광적인 행복감이 아니었다 (나희덕 2002, 반통의 물).

Пылкое счастье – дар судьбы... (И. И. Елисеева. *Перестройка – семье, семья – перестройке*. 1990).

Слот 4. Довольное счастье

흐뭇한 행복감... (이승우 1994, *엄마 이렇게 낳아 주세요*)

Слот 5. Спокойное счастье

남들이 차분한 행복감 속에 젖어... (김병익 1971, *두 열림을 향하*)
...**спокойное счастье**... (Ф. М. Достоевский. *Бесы*. 1872).

В русском и корейском языке счастье может обладать определенным эмоциональным состоянием, присущим человеку (спокойное, пылкое, рассеянное, пылкое). Из всех метафор эмоционального состояния в русском корпусе не была обнаружена только корейская метафора «довольное счастье». Счастье само по себе подразумевает состояние довольства и удовлетворения, в русском языке тавтология является стилистической ошибкой, поэтому можно предположить, что русские авторы избегают подобного сочетания.

Фрейм 6. Характер

Слот 1. Беззаботное счастье

...живет наше **беззаботное счастье** (И. С. Никитин. *Письма*. 1853–1861)

Слот 2. Лукавое счастье.

Счастье лукаво. Я за ним не гонюсь (Ю. В. Жадовская. *Отсталая*. 1861)

Слот 3. Легкомысленное счастье

...это, конечно, наше счастье, хотя **легкомысленное** и пошленькое **счастье** (Н. И. Пирогов. *Вопросы жизни. Дневник старого врача*. 1879–1881)

Слот 4. Ленивое счастье

게으른 행복은 아무것도 기대하는 바 없이 행위 그 자체를 즐길 때 찾아온다 (Ленивое счастье приходит, когда ничего не ждешь и наслаждаешься самими действиями) (정희재, 2014, 다시 소중한 것들이 말을 건다)

...ленивое и сладкое счастье... (А. И. Куприн. *Одиночество*. 1898).

Слот 5. Глупое счастье

Глупое, милое счастье (П. В. Орешин. *Мое знакомство с Сергеем Есениным*. 1926).

Слот 6. Эгоистичное счастье

...так часто *счастье эгоистично*... (М. Анчаров. *Самшитовый лес*. 1979).

Слот 7. Простодушное счастье

순박한 행복 (이학주, 2012, 고전문학의 서사세계)

...простодушное счастье... (Б. Кенжеев. *Из Книги счастья*. 2008).

Слот 8. Тщеславное счастье

...моему *тщеславному счастью* не было предела (А. Городницкий. *И жить еще надежде*. 2001).

Слот 9. Доброе счастье

Счастливы тем настоящим, *добрым счастьем* («Известия», 2001.07.01).

Слот 10. Робкое счастье

Оля смущена, вся в *робком счастье* (Т. Набатникова. *День рождения кошки*. 2001).

Слот 11

Насмешливое ты мое счастье («Знамя». 2008).

В русском языке присутствует большое количество метафор, приписывающих счастью черты человеческого характера (робкое, доброе, простодушное, насмешливое, лукавое и пр.). Подобный тип метафор практически не был представлен в корейском корпусе (за исключением метафор «простодушное» и «ленивое» счастье). В русском языке счастье уподобляется человеку со своим особым характером, что еще раз подчеркивает его роль в качестве активного независимого деятеля, который обладает определенным характером и совершает различные действия по отношению к человеку. Таким образом, на основе проведенного сопоставительного анализа антропоморфной метафорической модели счастья в русском и корейском языках можно сделать следующие выводы. Антропоморфная модель широко представлена как в русском, так и корейском языках. Однако персонифицированное счастье по-разному понимается русскими и корейцами: русское счастье – самостоятельный и независимый деятель, в то время как самому человеку отводится достаточно пассивная роль во взаимоотношениях с счастьем, с другой стороны, в отношениях между корейским счастьем и человеком, напротив, роль активного деятеля, как правило, берет на себя человек, он сам совершает какие-либо действия по отношению к счастью. Подобная разница обусловлена различным пониманием счастья в русской и корейской культурах: в корейской культуре счастье можно обрести благодаря определенным действиям и усилиям, в русской – счастье приходит свыше, само по себе и в меньшей степени зависит от действий человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. ; под ред. и с предисл. А. В. Баранова. М. : Едиториал УРСС, 2004. 241 с.
- Kövecses Z.* The Conceptual Structure of Happiness // *Collegium*. Vol. 3: Happiness: Cognition, Experience, Language. 2008. С. 131–143.
- Lakoff G.* The Contemporary theory of metaphor // *Metaphor and Thought*, ed. by Andrew Ortony. Cambridge : Cambridge University Press. 1993. P. 202–251.
- 국립국어원 세종말뭉치. URL : www.ithub.korean.go.kr/user/corpus/corpusSearchManager.do (дата обращения 15.08.2018).
- 권연진 인지언어학에서 은유의 보편성과 상대성. 서울: 한국문화사. 2017.
- 이수정, 이정화 Conceptual Metaphors for Happiness in Korean and English: A cognitive-Cultural Study // *Korean Journal of Applied Linguistics*. 18 (2). 2002. P. 1–25.

- 송부선 영어와 한국어에서의 ‘화’와 ‘행복’ 은유 // 한국어 의미학. 20. 2006. С. 121–137.
- Ашикова Г. Д. Вербализация концепта «счастье» в корейском казахском и русском языках // Корееведение казахстана. 2016. № 4. С. 1–6.
- Воркачев С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар : Кубанский государственный технологический университет, 2002. 142 с.
- Воркачев С. Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели). Волгоград : Перемена, 2003. 163 с.
- Кубрякова Е. С., Демьянкова В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М. : Изд-во МГУ, 1996. 245 с.
- Лысенко М. А. Концепт счастье и его метафорическое преломление: магистерская диссертация : магистерская диссертация. Екатеринбург, 2016. 179 с.
- Национальный корпус русского языка URL : www.ruscorpora.ru (дата обращения: 10.08.2018).
- Цитинова Л. Х. Образная составляющая концепта «счастье» в русской, английской и кабардинской языковых картинах мира // Вестник Адыгейского государственного университета. Вып. 3 (31). 2008. С. 53–58.

УДК 811.34

Т. В. Писанова

доктор филологических наук, профессор;
профессор каф. испанского языка и перевода переводческого факультета
и кафедры теории регионоведения ИМО и СПН МГЛУ;
e-mail: ptp1@bk.ru

СОЦИАЛЬНАЯ И АРХАИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ КАК СТРУКТУРООБРАЗУЮЩЕЕ СЛАГАЕМОЕ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Статья посвящена исследованию исторических истоков и лингвокультурных оснований мифологических аллюзий и архетипических коннотаций, инкорпорированных в художественные и публицистические произведения писателей стран Латинской Америки. Целью исследования является систематизация особенностей включения мифологических комплексов в ткань текста, призванного реконструировать многогранную латиноамериканскую идентичность. Объект исследования составляют социальные и архаические мифологемы, участвующие в репрезентации культурно-цивилизационной идентичности в литературных текстах.

Ключевые слова: культурная идентичность; социальная и архаическая мифология; мифологемы; художественный образ; реконструкция; художественные произведения.

T. V. Pisanova

Professor, Doctor of Philology (Dr. habil.),
Professor at the Department of Spanish language of Translation faculty
and Department of regional theory, Faculty of international relations
and socio-political science, MSLU; e-mail: ptp1@bk.ru

SOCIAL AND ARCHAIC MYTHOLOGY AS A STRUCTURAL COMPONENT OF CULTURAL IDENTITY IN THE TEXTS OF LATIN AMERICAN WRITERS

The article looks into the historical origins and linguistic and cultural foundations of mythological allusions and archetypical connotations incorporated into artistic and journalistic works of writers from Latin America countries. The aim of the study is to systematize the features of mythological complexes in the texts, designed to reconstruct a multifaceted Latin American cultural identity. The object of the research is the social and archaic myths involved in the representation of the cultural identity in artistic and journalistic texts.

Key words: cultural identity; social and archaic mythology; myths; artistic image; reconstruction; literary texts.

Культурно-цивилизационная идентичность Латинской Америки – важнейшая черта общественного сознания десятков народов, населяющих американский континент. Пресловутые истоки этой идентичности скрыты не только в историческом прошлом, но и в противоречивом настоящем. Исторические знания представляют собой одну из важнейших форм самосознания общества. При этом само слово «история» имеет два значения: историческое знание и исторический процесс. «И если первое озабочено поиском начал, то во втором общество ищет причины» [Харитонович 2011, с. 467]. Подобно утверждению Р. Бартлетта, которое состояло в том, что история Франции начинается с французского языка, а язык – это главный отличительный признак народного духа, можно утверждать, что история Латинской Америки начинается с испанского языка, завезенного испанскими колонистами на американский континент. Принципы, лежащие в основе поиска истоков самосознания, обычно сводятся к территориальному и этническому компонентам, а также истории страны в целом, включая историю создания национального государства.

Миф – фундаментальный механизм функционирования человеческой культуры. Идея, связанная с тем, что миф присутствует в каждом из наших повседневных поступков, лежит в основе фундаментального труда «Мифологии» К. Леви-Стросса [Леви-Стросс 2006; Леви-Стросс 2007]. Курт Хюбнер, автор «Истины мифа», подчеркивал, что «многообразные формы мифического мышления продолжают жить в современном духовном мире, для большинства, однако, оставаясь на уровне бессознательного [Хюбнер 1996, с. 6].

В XX в. общераспространенным стало представление об универсальном характере мифологии и механизмах продуцирования мифологии деятельностью человеческого мышления и психического мира в целом. Определение З. Фрейдом бессознательного как источника мифа, положено в основу психоаналитического направления теории мифа, нашедшего развитие в трудах Дж. Кэмпбелла [Кэмпбелл 2002; Кэмпбелл 2004; Кэмпбелл 2016; Кэмпбелл 2018; Campbell 1981; Campbell 1986], Э. Фромма [Фромм 1997; Фромм 1989; Фромм 1999] и других ученых. Рассмотрение мифа вне социокультурной детерминации осуществлялось в рамках символической школы, лингвистическое направление которой представлено трудами А. Н. Афанасьева, М. М. Маковского, В. А. Масловой, а философское – трудами

А. Ф. Лосева. Исследование мифомышления в виде целостной способности создания символической системы реализовано Э. Кассирером, С. Лангер, М. Фоссом. Бинарная логика архаического мышления исследовалась Вяч. Вс. Ивановым и В. Н. Топоровым, а также развивалась в работах А. Жолковского, В. Мароши, О. Ревзиной. Вместе с тем исследования, реализованные в вышеназванных направлениях, не уделяют должного внимания литературному мифотворчеству.

Статья посвящена исследованию истоков мифологических аллюзий и архетипических коннотаций, инкорпорированных в художественные и публицистические произведения писателей стран Латинской Америки для художественной репрезентации культурно-цивилизационного самосознания латиноамериканцев средствами испанского языка.

Так, литературное творчество выдающегося колумбийского писателя Г. Гарсиа Маркеса характеризуется огромным количеством открытых и скрытых цитат, реминисценций, мифологических аллюзий, «встроенных» в текст романа «Сто лет одиночества» [Marquez 2012]. Эти языковые феномены вынуждают читателя вычитывать универсальные или привычные смыслы, ориентированные на структурообразующие архаические и социальные мифы. Развитие смыслов оказывается очень трудно проследить, так как писатель использует символы с оборванными смысловыми связями. Художественные образы разнообразных смыслов наслаиваются один на другой, создавая многочисленные вариации сюжета. Автор играет с универсальными символами, образами и понятиями, порождая фантомные смыслообразы. «Механизм травестийного парафраза в сочетании с приемом снижающей высокой мифологизм «профанации» трансформирует самые высокие классические мифологемы» [Гирин 2011, с. 667–668].

Целью нашего исследования является систематизация особенностей включения мифологических комплексов, или «мифологических контентов», в «ткань» текста, призванного реконструировать многогранную и противоречивую латиноамериканскую культурную идентичность. Объект исследования составляют социальные и архаические мифологемы, участвующие в репрезентации культурной идентичности латиноамериканцев в художественных и публицистических текстах. Предметом исследования является художественный образ латиноамериканской культурной идентичности, репрезентируемый

на основе вербально выраженных архаических и социальных мифов. Под репрезентацией латиноамериканской культурной идентичности следует понимать многогранный художественный образ исторически обусловленной самобытности, опосредованный искажением или обогащением информации в процессе литературного мифотворчества.

В традициях рациональной программы исследования следует вскрыть сущность социальной и архаической мифологии как основы репрезентации и осмысления культурной идентичности средствами испанского языка в художественных и публицистических произведениях писателей Латинской Америки. В целях решения данной задачи необходимо определить истоки социальной и архаической мифологии и проанализировать ее современный облик как структурообразующего слагаемого культурной идентичности в литературном тексте. Задача объяснения того, как было прежде и стало тем, что есть теперь, является далекой от сферы желаемого целью как исчерпывающего в своем реальном воплощении проекта. Лингвистические основания социальной теории мифа находятся на стадии формирования. Вместе с тем обнаружить новое среди многообразия мифологических тенденций, ориентированных на структурирование культурно-цивилизационной идентичности латиноамериканцев языковыми средствами, означает подтвердить самостоятельность и нетривиальность исследовательской позиции.

Как подчеркивают современные философы, культурологи и лингвисты, задача сохранения культурно-цивилизационной идентичности стала особенно актуальной в контексте глобализации, обострившей проблему культурного многообразия и сосуществования разноплановых культурных традиций в условиях нового мирового порядка. Важность данной проблемы для стран Латинской Америки обусловлена тем, что западная культура еще со времен конкисты выступала дискриминационной по отношению к автохтонной. Сохранение и защита латиноамериканцами собственной культурной самобытности нередко реализуется в формах противопоставления себя Западу и отторжения европейских и североамериканских моделей развития и миропонимания. Главными этнодифференцирующими сущностями и реалиями признаются язык, религия и мифология. При этом стремление к утверждению своей культурно-цивилизационной самобытности проявляется через призму устоявшихся архаических и социальных

мифологем, верований, представлений и традиций. Как утверждал Э. Кассирер, в латиноамериканской культуре с помощью мифа структурируется жизнь народа, определяется его история.

В современной латиноамериканской культуре в целом, и литературе в частности, продолжают играть большую роль культурно-мировоззренческие и психологические стереотипы доколумбовых цивилизаций, прослеживается стойкость древних онтологических концепций, однако вместе с тем присутствуют универсальные европейские культурные константы. Творчество таких выдающихся представителей культуры стран Латинской Америки, как чилийский поэт Пабло Неруда, кубинский писатель Николас Гильен, колумбийский писатель Габриэль Гарсиа Маркес, бразильский писатель Жоржи Амаду и других, является живым свидетельством того, что латиноамериканская литература развивается, сохраняя традиции и порождая ценности мирового значения. Растущий интерес мировой общественности к латиноамериканской литературе и мифологическому наследию народов американского континента показывает, что понимание текстового знакового характера мифов открывает доступ к бесценной информации для лингвистов, культурологов, историков, философов и предлагает новый взгляд на функционирование мифологий в современном осмыслении культурной идентичности. В связи с тем, что литература является проводником латиноамериканской философской мысли, их синтез способствовал выделению двух важнейших тенденций – европоцентристской, прозападной, и латиноамериканистской, «индепендистской». Последняя отстаивает самостоятельный путь развития, рассматривающий идею множественности культурно-исторических типов цивилизаций (Х.Э. Родо, М. Гонсалес Прада, Л. Сеа, Ф. Миро-Кесада и др.). Это направление акцентирует внимание на аутентичности и этнической идентичности, идее возрождения «автохтонного способа быть и мыслить».

Как утверждают современные исследователи, единство глобального мира держится на глобальном потреблении и глобальных мифах. Систематическое целенаправленное мифотворчество определяет облик эпохи. Феномен мифа как предмет теоретического осмысления и соответствующая исследовательская область продолжают оставаться дискуссионными. До сих пор не имеет однозначного определения понятие мифа. Многогранность данного явления породила несколько

десятков определений понятия «миф» и множество развернутых интерпретаций мифотворчества. В XX в. насчитывается более десяти подходов к изучению мифологии: психоаналитический (В. Вундт, З. Фрейд, К.Г. Юнг), ритуально-мифологический (Дж. Фрейзер, Б. Малиновский), символический (Э. Кассирер), этнографический (К. Леви-Брюль), структуралистский (К. Леви-Стросс, М. Тернер), постструктуралистский (Р. Барт, М. Фуко) и др. Существует более четырех сотен теорий мифа. В зависимости от контекста под мифом понимаются разные феномены: от проявления глубинных структур бессознательного до иллюзий и заблуждений, бытующих в повседневной жизни, современной культуре и литературе. Важно подчеркнуть, что в отечественной науке исследования мифа представлены в научных трудах лингвистов-семиотиков (В. В. Иванов, Е. М. Мелетинский, В. Я. Пропп, В. П. Топоров).

Естественность мифотворчества для человеческой культуры, как утверждают некоторые ученые (С. В. Тихонова и др.), не тождественна его стихийности. Все созданные на сегодняшний день формы производства мифа интенсивно используются или могут использоваться в управлении человеческим миром. Перед литературоведением, лингвистикой, лингвокультурологией, социальной философией стоит насущная задача формирования методологического инструментария, способного выявить механизмы стратегии управляемого мифотворчества. Декларированная в виде мощных проектов Модерна рационализация общественной жизни обернулась не менее мощными мифологическими потоками, направленными на поддержание господствовавших идеологий. Мифотворческие приемы, характерные для политического пространства, заимствуются художественной литературой.

Зарождение интереса к мифам латиноамериканского континента восходит к эпохе конкисты. В процессе знакомства с иной реальностью колонизаторы и миссионеры способствовали собиранию и сохранению индейских мифов, преданий, произведений древней литературы. Возникшее в XIX в. движение костюмбризма и его инициаторы литераторы-креолы внесли значительный вклад в собирание легенд со слов индейцев-информаторов, которые впоследствии обрабатывались и публиковались (Palma R.; Payano M.; Carrasquella T.).

В зарубежной латиноамериканистике выделяются монографии и статьи, посвященные исследованию автохтонных индейских мифов.

Кроме того, детально изучен процесс христианизации коренных народов Америки и проблема ладиноамериканского мифологического сознания (Dorfman A. 1970; Frankovich G. 1980; Paz O. 1979). Труды российских ученых-этнографов, историков, литературоведов, искусствоведов посвящены мифообразованию в Новом Свете (Ю. В. Березкин, Г. Г. Ершова, Р. В. Кинжалов, Е. А. Козлова, С. Н. Якушенков и др.). Следует отметить значительное культурологическое исследование А. Ф. Кофмана [Кофман 1997], а также научный труд Я. Г. Шемякина [Кэмпбелл 2018]. В этих научных работах анализируются вопросы межкультурных контактов на американском континенте.

Проблематика культурной идентичности, получившая глубокое осмысление в Европе, изначально опирается на идеи европейских исследователей (Ю. Хабермас и др.), выделяющие разные измерения идентичности, включая концепт «самости», по К. Попперу, и ставящие акцент на понимании времени (В. Хесле), а также подчеркивающие общественные регламентации как условия процесса самоидентификации (Р. Баумайстер). Широкое обсуждение в мировой научной мысли проблематики культурной идентичности сконцентрировалось на вопросах национального характера, групповой (коллективной) идентичности и свелось к следующим теоретико-методологическим положениям:

- индивид всю свою жизнь формируется в группировках с определенной географической и исторической спецификой: семья, община, нация (Э. Эриксон);
- групповая культурная идентичность осознается на рациональном и интуитивном уровнях в единстве группы людей по культурному основанию (А. Я. Флиер);
- культурными основаниями выступают: общее историческое прошлое, историческая память, пространственно-временные характеристики, мифология, религия, ритуалы, географическое местоположение, предрассудки, отношение к чужим ценностям (Э. Эриксон, З. Фрейд);
- компоненты культурной идентичности (ее культурные основания) находят выражение в дискурсивном сознании (Э. Гидденс);
- компоненты культурной идентичности рождаются вследствие взаимопроникновения нескольких культур, а идентичность

проявляет себя внутри культурной группы как чувство принадлежности, сопричастности и наследования (М. Гарате).

Результаты исследования теоретиков идентичности полностью применимы к обоснованию латиноамериканской культурно-цивилизационной идентичности. Культурные рефлексии о самобытности берут свое начало в период борьбы за независимость колониального общества от метрополии, зарождаются в креольской среде и условно подразделяются на внешние и внутренние. Первые делают акцент на внешних воздействиях как решающем факторе развития латиноамериканской культуры, вторые исходят из определяющей роли внутриконтинентальных факторов. При этом особо выделяются следующие направления:

- «панамериканизм», согласно которому Латинская Америка является родиной множества самобытных молодых государств-наций, противостоящих западной гегемонии (С. Боливар, С. Родригес);
- «европоцентризм», полагавший, что «варварская» Америка должна стать отражением «цивилизованной» Европы (Д. Ф. Сармьенто, А. Бельо);
- «индеанизм», присуждавший почетное место в латиноамериканском будущем автохтонному (индейскому) населению (Х. К. Мариатеги, Х. М. Аргедас);
- «космополитизм», обосновывавший, что Иberoамерика – место рождения «космической расы» и новой общечеловеческой культуры (Х. Васконселос, Х. Э. Родо, Х. Марти);
- «философия освобождения», для которой будущее латиноамериканской культуры заключается в ее самобытности и ассимиляции «европейского» с учетом внутренних особенностей этнокультурной метисации (Л. Сеа, Э. Дуссель, А. Ронг, А. Ардао, Ф. Миро Кесада).

Вышеперечисленные писатели, публицисты, исследователи, принадлежащие к разным национальным культурам, несмотря на локальные особенности стран, сошлись в понимании Латинской Америки как самобытной цивилизационно-культурной целостности. При этом компоненты, особенности которых predeterminedили специфику латиноамериканской культурной общности, опосредовали ее целостную самоидентификацию. Среди этих компонентов присутствуют:

иберийский (европейский, испано-португальский) в виде господствующего, наиболее целостного; автохтонный (индейский), целостность которого была нарушена; африканский (негроидный), как долгое время «безмолвствующий» участник взаимодействия культур.

Признание ведущей роли иберийского компонента в формировании единой латиноамериканской цивилизационно-культурной общности вынуждает подчеркнуть следующие черты: особый характер испанской культуры (синтезный), открытость и терпимость испанского сознания к «другому», порожденные полуостровным географическим положением и историей страны; доминирование в испанском менталитете мессианской идеи об особой роли Испании, опосредованной сложными процессами историко-культурного развития; наличие индивидуализма, порожденного переходным характером эпохи великих географических открытий. Кроме того, к другим этнокультурным компонентам относятся вынужденные участники взаимодействия: коренное индейское население и ввозимые в колонии африканские невольники. Господство иберокатолической традиции не помешало характерным чертам этих компонентов повлиять на специфику латиноамериканской культуры. Индейские и африканские этнокультурные группы внесли свой вклад в культурную идентичность латиноамериканских народов в виде следующих характеристик:

- мифологическое мировоззрение и символичность мышления;
- цикличность времени, поклонение прошлому;
- фаталистическое восприятие истории, ожидание катастрофы;
- магические религиозно-зрелищные ритуалы;
- господство устной традиции, склонность к пересказу;
- интровертность, обособленность.

Необходимо подчеркнуть, что политика и практика испанской колонизации состояла в установке на взаимодействие с покоренными народами и их особенными культурами. Автохтонные народы насильственно включались в сферу иберокатолической культуры и при этом они верили в то, что испанское завоевание предопределено их богами. Африканские невольники в условиях рабства не смогли сохранить целостность своих традиций. Этническая метисация стала первым этапом культурной метисации, что в конечном счете привело к более чем 20 вариантам смешения рас и этносов. Сложные процессы транскультурации, метисации и идентификации способствовали созданию

пространства креативности и многогранной творческой деятельности. Пластическое выражение всех культурных элементов в их единстве сконцентрировалось в художественном образе мира.

Концепция латиноамериканского этнокультурного синтеза особенно ярко выразилась в барокко. Латиноамериканское барокко «выросло» из фрагментов культур, участвующих в процессе метисации. «Ультрабарокко» – мексиканский вариант – стал апогеем латиноамериканского барокко. Барочность проникла во все сферы латиноамериканского сознания и превратилась во всеохватывающее явление латиноамериканской культуры. Еще одним показательным примером синтетического феномена латиноамериканской культуры является праздник – способ разрешения противоречий между мирским и сакральным, между индивидом и обществом, между традицией и новацией (М. Бахтин). Праздник превратился в креативное поле межкультурного диалога в Новом Свете. Европейцы в роли первооткрывателей участвовали в индейских праздниках тогда, когда еще не было установлено вербальной коммуникации. Одновременно автохтонное население вовлекалось в религиозные праздники колонизаторов с целью приобщения к их собственной системе ценностей. Латиноамериканский праздник синтезировал иберокатолическую традицию с африканской и автохтонной, сохранив и включив музыкально-зрелищные элементы последних. Карнавал – наиболее яркий пример праздника в Латинской Америке. Карнавальность, вместе с барочностью, признается важнейшей характеристикой латиноамериканского сознания и культуры.

Латиноамериканская литература представляет собой рефлексии исторического пути культуры и подчеркивает историческую ретроспективу литературного процесса в Латинской Америке, включая социокультурный контекст формирования «нового романа» как важнейшего латиноамериканского культурного явления. В литературе культурная идентичность репрезентируется сквозь призму основных этапов латиноамериканской истории: открытие и освоение континента, описанное в хрониках, признанных первыми латиноамериканскими литературными памятниками; колониальный период с характерным для него господством религиозно-католической традиции, влиянием фольклорно-европейского наследия и индейской мифологии; национально-освободительная борьба и обретение независимости, сопровождавшиеся самобытными произведениями

костумбризма, почвенничества и испано-американского модернизма; 40–50-е гг. XX в. – начало взлета латиноамериканской литературы, способствовавшего рождению концепта «чудесная реальность» (А. Карпентьер), формированию «магического реализма» (Г. Гарсиа Маркес, М. А. Астуриас, Ж. Амаду и др.) и оформлению «нового латиноамериканского романа» (Х. Кортасар, М. Варгас Льюса, К. Фуэнтес и др.).

Репрезентация культурной идентичности в текстах латиноамериканских авторов осуществляется на основе следующих специфических особенностей литературы:

- соединение в едином контексте мифологического, религиозно-католического и рационалистического мировоззренческих пластов;
- конструирование специфического пространственно-временного континуума;
- отражение процессов самоидентификации;
- использование знаков, символов и архетипов собственной культуры;
- формирование отношения к «другому», утверждение латиноамериканской самобытности;
- заимствование из других сфер культуры принципов отображения культурной картины мира: барочность, карнавальность, мозаичность в построении повествования и реализации сюжетных линий [Протокивилова 2013].

Литература в виде модели латиноамериканской культуры превратилась в пространство для реконструкции и репрезентации идентичности этой культуры, компоненты которой в их символической форме нашли отражение в повествовании. Присутствующий в латиноамериканской литературе так называемый мифогенный фактор представляет собой определенное смысловое пространство, конкретизирующее мифологические направления как в социуме, так и в коммуникационном пространстве литературного творчества.

Под влиянием научных работ Р. Барта, созданных в семиотическом ключе, миф приобрел статус эффективной методологической категории для исследования повседневности, рекламы, управления, а также литературы с «мифогенным контентом». Необходимо подчеркнуть, что в данном методологическом направлении следует

концентрировать внимание не только на самих мифологических феноменах, но и субъектах, их создающих. В сфере литературы мифологическое воздействие реализуется посредством художественной коммуникации. Подчеркивание социально-онтологического статуса социальной мифологии в социальном порядке современного общества невозможно без понимания механизмов мифотворческих процессов, эволюционирующих вместе с развивающимися обществами и находящими отражение в художественной литературе. Решение данной задачи возможно при использовании комплексного системного подхода, основанного на синтезе теорий, принципов, приемов вышеупомянутых направлений, способного обеспечить приращение лингвокультурологического и социально-философского знания, а также эффективность практического конструирования и управления мифотворческими процессами.

Результаты исследования структурообразующего характера социальной и архаической мифологии в коммуникационном пространстве литературы Латинской Америки свидетельствуют о том, что рассмотренная проблема чрезвычайно актуальна. В настоящее время наблюдается отсутствие единого подхода к специфике социальной мифологии применительно к художественному тексту. Радикальные трансформации общественного бытия, происходящие в XX–XXI вв., коснулись структур как общественного, так и художественного сознания. Механизмы целеполагания общественного бытия мифологизировались и стали менее прозрачными. На индивидуальном уровне жизненные стратегии испытывают жесткое воздействие со стороны глобальной культуры потребления. Социальное пространство мифологизировано в результате целенаправленных миротворческих практик, поддерживающих манипуляцию человеческим поведением согласно логике развития глобального мира.

В произведениях Г. Гарсиа Маркеса катастрофические финалы, преодолевающие жизненную фактичность, всегда означают торжество иной, над- и внежизненной реальности [Гирич 2011, с. 670]. Разомкнутая освобожденность замкнутого мира в виде финала означает и гибель, и торжество, и начало, и конец. Все происходит симультанно, на всех уровнях. Бесконечность правды жизни противопоставлена единой истине авторитарности. Гарсиа Маркес возвеличивает, воспекает совмещение человека и преданной ему природы. Происходит

слияние мифологем дома и лабиринта в переходном состоянии, в состоянии мерцания жизни и смерти. Здесь находит кульминацию один из ведущих смыслов латиноамериканской литературы, предполагающий отказ от европейской рациональности и утверждающий метафизическую «инаковость».

Мир Гарсиа Маркеса и других латиноамериканских писателей не имеет однозначности. Для их произведений характерна «оборотность» художественного мира, не сводимого к европейскому сознанию абсолютизации ценностей. Все их художественные образы взаимопереходимы и взаимопроницаемы. Многие произведения представляют собой модель, которая поверх сюжетных, событийных, архетипических рядов воспроизводит движение от ущербности к целостному бытию, самообретению вне времени и вне пространства. В латиноамериканских произведениях заложено понимание и признание такого мироустройства, которое альтернативно онтологическому порядку западноевропейской культуры. В таком мире порядок и беспорядок, сказка и реальность существуют на равных условиях. В молодой культуре Латинской Америки, находящейся в процессе становления, мир всё еще предстает таким, в котором «многие вещи не имели названия».

Множественность возможных реальностей составляет суть понимания культурно-цивилизационной идентичности латиноамериканцев в текстах известных писателей. Доминирование не антропоморфного принципа, а изоморфного осмысления мира и сознания, которые имеют прихотливо-ветвистую структуру, свидетельствует о взгляде на мир как на неосвоенное пространство. Стиль мышления, письма, синтаксис имеют вид лабиринта, в то время как итог, выход не имеет ценности, смысл заключается в ветвлении древовидных структур текста. Принципиально иное осмысление пребывания человека в мире как самобытной естественности предполагает отсутствие принципиальной конечности, присутствие добра и зла, жизни и смерти реальности и ирреальности. Концепция времени и образ мира диверсифицированы, множественны и имеют форму лабиринта. Образ распада всегда включает в себе обновление, безграничную жизненность. Экстраординарное обычно изображается как образнотипическое, при этом писатели, публицисты убеждают в этом читателей даже в текстах внехудожественного ряда: в публицистических статьях, беседах, «круглых столах». При этом экстраординарное, как

правило, лишено дополнительных коннотаций и переходит в разряд обыденности.

Архаические мифы низводятся до уровня расхожих топосов массового сознания, подчеркивая образ культуры с неустоявшейся системой координат. Социальные мифы создаются из множества разнопорядковых культурных фрагментов, при этом прием травестийного парафраза, как это особенно характерно для Г. Гарсиа Маркеса, служит созданию нового художественного качества, акцентирующего иной онтологический строй и иной миропорядок. Дискретное вбирание мифосознания в литературные произведения латиноамериканских писателей можно считать типичным для художественного сознания. Принцип мифотропной агглютинации широко распространяется на пространство всей латиноамериканской литературы и культуры в целом, являясь их значимой характерологической чертой.

Литературное творчество оказывается под влиянием нечетких ориентиров социального развития, фрагментации повседневности, нерешенных проблем повседневной жизни. Старые модели объяснения «ремифологизации» как социальной, так и художественной реальности, основанные на эволюционно-стадиальном подходе к мифологии, сведения ее к специфическим для первобытного общества образованиям, не работают в современном мире, где мифотворчество является основой многих профессий, включая творчество писателя. В этой связи возрастает значение нового методологического инструментария для объяснения социальной мифологии, который бы прояснял сущность и характерные черты нынешних мифов, инкорпорированных в «ткань» текста. В этом аспекте существенное место должно принадлежать анализу закономерностей становления и функционирования целенаправленно создаваемых «мифологических контентов» в художественном дискурсе, что позволит представить художественное мифопространство в виде комплекса процессов сознательного авторского мифотворчества. Вышеназванные процессы требуют нового осмысления в терминах художественной и социальной коммуникации в их единстве для минимизации негативных последствий, продуцируемых манипулятивным мифотворчеством.

Иными словами, требуется осмысление возможностей альтернативы существующей современности, в целях создания иной логики социального функционирования, где антагонизм противоречия

между индивидуальным и общественным не концентрировался бы на уровне мифологии.

Привлечение коммуникационного подхода как адекватного методологического инструмента к достижению цели исследования позволило проанализировать коммуникационную природу мифа как основу моделирования культурной идентичности в художественных и публицистических текстах. Роль социальной и архаической мифологии в непрерывных процессах воспроизводства художественной реальности осуществляется в форме коммуникационных взаимодействий в рамках единого культурного пространства и единой идентичности народов Латинской Америки. Коммуникационный подход позволяет установить взаимовлияние и взаимосвязь мифотворческих процессов в рамках единого мифопространства.

«Встроенность» мифотворческих процессов, управляющих повседневной жизнью народов Латинской Америки, в литературное художественное пространство предполагает появление новых форм мифотворческих практик, реализуемых как в символическом, так и в реальном социальном пространстве. Методологический потенциал коммуникационного подхода к социальной мифологии современного общества способствует выявлению современных трансформаций мифотворческих процессов. Перспективу в исследовании лингвистических и философских проблем социальной мифологии современного общества могут составить такие направления, как исследование уровней мифологических сообщений и анализ специфических для мифотворчества рисков.

Мифологизация создает угрозу новой наивной веры в самом первобытно-наивном виде, но без всякой первобытной вынужденной структурированности сообщества на этой символической основе. «Возникает угроза создания некой «эстетической мифологии» – чего-то вроде эклектической смеси не ставящихся под вопрос суеверий» [Никонова 2011, с. 644]. Существует понимание того, что именно литературный рынок способен стать сдерживающей силой, так как он в первую очередь подвергается критике. Художественная литература под влиянием рыночной культуры вбирает в себя и переваривает протестные и радикальные ценности, лишая их шокирующего воздействия. При этом она предстает как товар на рынке, стремясь соответствовать потребности в развлечении любыми средствами. Мистификация и демистификация в своем уравнивающем виде разоблачают

широко распространенные идеологии. Культурная идентичность предстает мифом о реальности, который создается и одновременно разрушается мифологическим контентом, призванным удовлетворять единую тягу к удовольствию созерцать и поглощать разнообразные формы фиктивного и реального. При этом фиктивное оказывается более реальным, чем реальное.

В заключение отметим, что важна проблема социального контроля за мифотворчеством, так как, с одной стороны, ограничение и изымание мифологического пласта обедняет человеческое бытие, а с другой – возрастание манипулятивной мифологии ведет к подавлению автономии индивида и свободы. Принятие факта естественности мифологии для социального бытия и литературного творчества должно быть связано с ответственностью во внедрении новых мифотворческих литературных практик, основанных на гармоничном взаимодействии индивида и мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гирич Ю. Н.* Функции мифа в культуре Латинской Америки // Миф и художественное сознание XX века / отв. ред. Н. А. Хренов ; Гос. ин-т искусствозн. М. : «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2011. 687 с.
- Гуревич А. Я.* Европейское Средневековье и современность // Европейский альманах. М., 1990. С. 137–148.
- Кофман А. Ф.* Латиноамериканский художественный образ мира. М. : Наследие ИМЛИ им. А. М. Горького, 1997. 320 с.
- Кэмпбелл Дж.* Мифы, в которых нам жить. М. : София, Гелиос, 2002. 256 с.
- Кэмпбелл Дж.* Мифический образ. М. : АСТ, 2004. 688 с.
- Кэмпбелл Дж.* Мифы и личностные изменения. Путь к блаженству. М. : Питер, 2016. 256 с.
- Кэмпбелл Дж.* Мифы для жизни. М. : Питер, 2018. 304 с.
- Леви-Стросс К.* Мифологики: Сырое и приготовленное. М. : Флюид, 2006. 399 с.
- Леви-Стросс К.* Мифологики: Человек голый. М. : Флюид, 2007. 784 с.
- Никонова С. Б.* Язык мифа и миф о языке. Демифологизация модерна и «новое мифологическое мышление» // Миф и художественное сознание XX века / отв. ред. Н. А. Хренов ; Гос. ин-т искусствозн. М. : «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2011. С. 629–644.
- Пискунова А. В.* Транскультурация латиноамериканского мифа в эпоху великих географических открытий : дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2006. 143 с.

- Протокивилова Е. А.* Культурная идентичность в современной латиноамериканской литературе : дис. ... канд. филос. наук. Ростов-н/Д, 2013. 139 с.
- Топоров В. Н.* История и мифы // Мифы народов мира : энциклопедия. М., 1980.
- Фромм Э.* Человек для себя. Иметь или быть? : пер с англ. Минск : Издатель В. П. Ильин, 1997. 416 с.
- Фромм Э.* Бегство от свободы : пер. с англ. М. : Прогресс, 1989. 272 с.
- Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности : пер с англ. Минск : Изд-во попури, 1999. 624 с.
- Харитонович Д. Е.* Миф как слагаемое национальной истории, или проблемы национальной идентичности в зеркале национальной историографии: поиск истоков // Миф и художественное сознание XX века / отв. ред. Н. А. Хренов ; Гос. ин-т искусствозн. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. С. 463–471.
- Хюбнер К.* Истина мифа. М. : Республика, 1996. 448 с.
- Шемякин Я. Г.* Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории / Рос. акад. наук. Ин-т Лат. Америки. М. : Наука, 2001. 390 с.
- Marquez G. G.* Cien anos de soledad. Edicion Catedra, 2012. 560 p.
- Campbell J.* The Mythic Image. Princeton University Press, 1981. 552 p.
- Campbell J.* The Inner Reaches of Outer Space: Metaphor as Myth and as Religion. New World Library, 1986. 160 p.

УДК 81-119

Е. М. Позднякова

доктор филологических наук, профессор;
профессор каф. английского языка № 3
факультета международной журналистики МГИМО (У) МИД РФ;
e-mail: helenpozdneyakova@yandex.ru

АНАЛИЗ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МЕТАФОР ДОМЕНА-ИСТОЧНИКА «WEATHER» / «NATURE» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Данная статья представляет направление в исследовании концептуальных метафор, получившее название «metaphor scenario». Оно более характерно для европейской школы изучения концептуальных метафор и в основном связано с анализом политического дискурса. Теория концептуальной метафоры, созданная в 80-е гг. прошлого века Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, заложила основу анализа концептуальных метафор в политическом дискурсе. Однако последующие исследования показали, что идея «отцов» концептуальной метафоры об «укорененности» концептуальных метафор в национальном сознании имеет достаточно абстрактный характер. Корпусные исследования метафоры, синтез когнитивной лингвистики и дискурс-анализа, а также интерпретации метафор информантами показали, что домен-источник может порождать целый ряд концептуальных метафор. В данной статье концепция сценарного проецирования метафор (т. е. обусловленного контекстом, культурно-историческими параметрами) из домена-источника рассматривается относительно домена, представленного концептами WEATHER / NATURE. Материалом исследования послужил корпус речей президентов США с 1998 по 2018 гг. Анализ концептуальных метафор в речах президентов США показал, что домен-источник WEATHER / NATURE порождает различные метафорические проекции в домен цели.

Ключевые слова: политический дискурс; концептуальная метафора; домен-источник; домен цели; сценарное проецирование метафоры; концептуальная эволюция метафоры.

Е. М. Pozdneyakova

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor,
Professor at the English Language Chair № 3, Department of International
Journalism, Moscow State Institute of International Relations (University)
Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation;
e-mail: helenpozdneyakova@yandex.ru

CONCEPTUAL ANALYSIS OF SOURCE DOMAIN METAPHORS "WEATHER" / "NATURE" IN POLITICAL DISCOURSE

The article presents the approach to the study of conceptual metaphors, called «metaphor scenario». It is characteristic of the European school of conceptual

metaphor research and is mainly connected with Critical Discourse Analysis. Conceptual Metaphor Theory, created in the 80s of the previous century by G. Lakoff and M. Johnson, formed the basis for conceptual metaphor analysis in political discourse. However, later research demonstrated that the idea of “founding fathers” about conceptual metaphors being rooted in national consciousness is rather vague. Corpus studies, joint studies of cognitive linguistics and discourse analysis as well as subjects’ metaphor interpretations demonstrated that source domain may generate a number of conceptual metaphors. In this article “metaphor scenario” is understood as a process of source domain concept WEATHER / NATURE projecting onto a cluster of target domain concepts. The research is based on a corpus of USA presidents’ speeches, dated 1998–2018. Metaphor analysis in USA presidents’ speeches demonstrated that source domain WEATHER / NATURE generates various metaphor projections onto target domain.

Key words: political discourse; conceptual metaphor; source domain; target domain; metaphor scenario; conceptual evolution of metaphor.

В статье рассматривается и применяется для анализа один из новых подходов к анализу концептуальных метафор, предложенный Андреасом Мусолффом. Продолжая традиции исследования концептуальных метафор в политическом дискурсе, начатые Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [Лакофф, Джонсон 2008], А. Мусолфф выдвинул и в течение десятилетия дополнял и развивал идею «metaphor scenario» [Musolff 2006; Musolff 2016]. Основываясь на теории концептуальной метафоры Лакоффа и подходах, характерных для критического анализа дискурса, он определяет «metaphor scenario» как «a mininarrative into which the source domains are organized» [Musolff 2006, с. 23] – *своего рода мининарратив, упорядочивающий источники-домены* (перевод наш. – Е. П.). Позднее, в монографии 2016 г., концепция сценарного проецирования метафор представлена этим же исследователем достаточно подробно. Он подчеркивает следующие моменты, важные для понимания сценарного проецирования метафор:

«Especially in politics, metaphors are not only used to denote specific target concepts; they always have pragmatic “added value”, for example, to express an evaluation of the topic, to make an emotional and persuasive appeal, and/or to reassure the public that a perceived threat or problem fits into familiar experience patterns and can be dealt with by familiar problem-solving strategies» [Musolff 2016, с. 4] – *Особенно в политике, метафоры используются не только для обозначения определенных целевых концептов; у них всегда есть прагматическая «добавленная стоимость», для того, чтобы, например, выразить оценку в отношении определенной*

темы, осуществить эмоциональное или убеждающее обращение и / или убедить аудиторию, что воспринимаемая угроза или проблема вписывается в известные модели опыта и к ней можно применить знакомые стратегии принятия решений (перевод наш. – Е. П.).

В политическом дискурсе, отмечает автор, его участники стремятся получить властное преимущество за счет того, что они предлагают аудитории новые нюансы метафорических значений и с помощью этого стремятся изменить отношение публики к своей аргументации. Анализ, основанный на сценарном проецировании метафор, позволяет учитывать как коммуникативные характеристики метафорических выражений, так и двоякую роль метафор в когниции: метафоры – это и продукт мышления, и средство формирования мысли, эмоций и восприятия социальной среды [Musolff 2016, с. 137].

Задачей данного исследования является рассмотрение метафорических проекций из домена-источника в домен (домены) цели. Поэтому в этом случае будет применена методика, опирающаяся на идею «*metaphor scenario*». То есть наша задача – показать, что проекции в домены-цели будут развиваться по сценарию, заданному данным участком дискурса.

Рассмотрим некоторые примеры из корпуса речей президентов США. Примеры были отобраны с помощью инструмента Sketch Engine, позволяющего осуществлять поиск в специально созданном корпусе как по словам, соотношенным с концептами домена-источника, так и по идеографическому принципу.

Система Sketch Engine анализирует весь объем корпуса, специально созданного для целей исследования. В корпус вошло 40 речей президентов Б. Клинтона, Дж. Буша-младшего, Б. Обамы и Д. Трампа. Все слова, входящие в корпус, располагаются в порядке их частотности, следовательно, у исследователя есть возможность выбрать все вербальные репрезентанты концептов домена-источника WEATHER / NATURE. Оба концепта относятся к суперординатному уровню и формируют достаточно обширный домен-источник.

- (1) And I think we should say to all the people we're trying to represent here, that *preparing for a far-off storm that may reach our shores* is far wiser than *ignoring the thunder 'til the clouds are just overhead* [Clinton 1998].

Данный пример из речи Б. Клинтона включает три вербальных репрезентанта домена-источника: *storm, thunder, clouds overhead*. Как видим, это слова, репрезентирующие концепты домена WEATHER, в то же время движение облаков, столкновение воздушных фронтов, вызывающее грозу с громом и молнией, – это природные явления. Именно поэтому мы обозначили домен-источник двумя концептами, которые накладываются друг на друга в силу существования природных явлений (NATURE) и их проявления, о которых люди говорят как о погоде (WEATHER).

- (2) In a *whirlwind of* change and hope and *peril*, our faith is sure, our resolve is firm, and our union is strong [Bush 2003].

Пример из речи Дж. Буша включает выражение a *whirlwind of peril*. Если в цитате из речи Б. Клинтона в качестве источника использовались концепты THUNDERSTORM, то в данном примере домен-источник вербализован как *whirlwind*. Торнадо являются серьезной угрозой для определенных регионов США, поэтому и проекция данного концепта на домен-цель очень сильный в эмоциональном плане сценарий.

- (3) Yet, every so often the oath is taken *amidst gathering clouds and raging storms* [Obama 2009].
- (4) What the cynics fail to understand is that *the ground has shifted beneath them* – that the stale political arguments that have consumed us for so long no longer apply [Obama 2009].

Два примера из речи Б. Обамы. Пример (3) представляет уже описанный сценарий, но в соответствии с историческим контекстом произнесенной речи, домен-источник проецируется на домен-цель УГРОЗА. Однако мини-нарратив здесь иной – речь идет об экономическом кризисе 2008 г.

В примере (4) сценарий развивается в источнике-домене с опорой на концепт EARTHQUAKE. Здесь концепт принадлежит к концептуальной области природных явлений (NATURE). Мини-сценарий также связан с преодолением экономического кризиса 2008 г., однако речь идет о тех политических группах, которые не принимали постепенную идею выхода США из кризиса 2008 г. Соответственно, некоторый экономический рост, наметившийся в 2009 г., был воспринят скептически.

- (5) That night, our new Administration had already taken swift action. *A new tide of optimism was already sweeping across our land* [Trump 2018].

Пример (5) – из речи Д. Трампа, где концептуальная метафора также генерируется в домене-источнике NATURE. Однако сценарий имеет позитивную окраску, поскольку построен на антитезе. В принципе, концепт TIDE ACROSS OUR LAND не может концептуализировать позитивное развитие сценария. Однако вспомним «добавленную стоимость», о которой пишет А. Мусолфф (см. цитату выше). Концепт OPTIMISM меняет направление проекции из домена-источника в целевой домен, генерируя концептуальную метафору SWEEPING TIDE CLEANS NEGATIVE (BAD).

Э. В. Будаев и А. П. Чудинов комментируют подход А. Мусолффа следующим образом: «А. Мусолфф отмечает, что необходимо пересмотреть тот взгляд на концептуальную метафору, при котором структура сферы-источника жестко детерминирует постижение сущности сферы-мишени и предлагает дополнить теорию концептуальной метафоры понятием концептуальной эволюции (conceptual evolution) метафор. Тот факт, что в политическом дискурсе реализуются различные или совершенно противоположные по оценочному смыслу сценарии одной и той же метафорической модели, указывает на необходимость учитывать два взаимодополняющих фактора: эксперенциальную основу (традицию) и «концептуальную гибкость» [Будаев, Чудинов 2007, с. 14].

Как нам представляется, проведенный в статье анализ ряда примеров согласуется с принципами, заявленными А. Мусолффом. Мы наблюдали, как концептуальная метафора DESTRUCTIVE NATURAL PHENOMENA ARE THREAT TO MAN претерпевала «концептуальную эволюцию» в различных контекстах президентских речей.

Далее мы приводим таблицу, в которой показаны все аспекты проведенного анализа.

Как видно из таблицы (см. табл.), домен-источник **WEATHER / NATURE** структурирован концептами THUNDERSTORM, WHIRLWIND, STORM, EARTHQUAKE, SWEEPING TIDE. При проецировании в целевой домен происходит концептуальная эволюция концептуальной метафоры DESTRUCTIVE NATURAL PHENOMENA ARE THREAT TO MAN.

Таблица 1

President's name	Source domain concepts	Target domain	Verbal representations of source domain, initiating projection	General contexts, including metaphors	Conceptual metaphors
W. Clinton	THUNDERSTORM	MASS DESTRUCTION	Storm Thunder Clouds overhead	Warning about nuclear threat and mass destruction	MASS DESTRUCTION IS THUNDERSTORM
G. Bush	WHIRLWIND	INSTABILITY	Whirlwind, peril	Speaking about dangerous instability	INSTABILITY IS WHIRLWIND
B. Obama	(3) STORM (4) EARTHQUAKE	Economic crisis ECONOMIC GROWTH FOR NON-BELIEVERS	Gathering clouds, Raging storms Ground shifting	Speaking about the economic crisis Speaking about scepticism of non-believers	(3) ECONOMIC CRISIS IS STORM (4) ECONOMIC GROWTH FOR NON-BELIEVERS IS EARTHQUAKE
D. Trump	(5) SWEEPING TIDE	WASHING BAD THINGS AWAY	Sweeping tide	Speaking about the swift action that is washing bad things away	SWEEPING TIDE WASHES AWAY NEGATIVE (BAD)

В ходе концептуальной эволюции было важно показать не только вербализацию концептов, но и те контексты, которые способствуют концептуальной эволюции метафоры WEATHER / NATURE. В последней колонке представлены варианты концептуальной метафоры DESTRUCTIVE NATURAL PHENOMENA ARE THREAT TO MAN.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Будаев Э. В., Чудинов А. П.* Современная теория концептуальной метафоры: американский и европейский варианты // Вестник ВГУ. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 2. Ч. 1, С. 10–22.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. 2-е изд. М. : Издательство ЛКИ, 2008.
- Bush G. W.* State of the Union Address. 28 January 2003. URL : millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-28-2003-state-union-address (дата обращения 25.10.2018)
- Clinton W. J.* State of the Union Address. 27 January 1998. URL : millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-27-1998-state-union-address
- Musloff A.* Metaphor scenarios in public discourse // Metaphor and Symbol. 2006. № 2(1). P. 23–38.
- Musloff A.* Political metaphor analysis. Discourse and scenarios. London : Bloomsbery, 2016. 194 p.
- Obama B.* Inaugural address. 20 January 2009. URL : millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-20-2009-inaugural-address (дата обращения 25.10.2018).
- Trump D.* State of the Union Address. 30 January 2018. URL : millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-30-2018-state-union-address

УДК 81'34

Е. Ю. Романова

кандидат филологических наук,
доцент каф. фонетики английского языка ФАЯ ФГБОУ ВО МГЛУ;
e-mail: catrom@rambler.ru

АФРОАМЕРИКАНСКИЙ АНГЛИЙСКИЙ: БРИТАНСКОЕ НАСЛЕДИЕ ИЛИ КРЕОЛЬСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ?

Статья написана в русле американской диалектологии и направлена на изучение афроамериканского английского. Работа содержит два раздела, составляющих основную ее часть и посвященных различным аспектам изучения афроамериканского английского: происхождение и раннее развитие; фонетическая и фонологическая характеристика, включающая сегментный уровень и интонацию. В первом разделе автор представляет появившиеся в 50-е гг. XX в. четыре основные гипотезы происхождения и раннего развития афроамериканского английского: гипотеза англицистов, креолистов, нео-англицистов и субстрата. Второй раздел статьи представляет собой подробное описание фонетических особенностей афроамериканского английского, таких как специфика реализации гласных и согласных звуков, а также интонационная характеристика речи, включающая мелодическое разнообразие и ритмичность. С учетом результатов предыдущих экспериментальных исследований автор приходит к выводу о том, что афроамериканский английский относится к сложившейся лингвистической системе, широко используемой жителями различных регионов США всех возрастных групп.

Ключевые слова: эбоникс; креольские языки; языки-субстраты; южная окраска; слияние гласных; ослабление скольжения дифтонга [aɪ]; беззрность; редукция консонантных кластеров; замена межзубных [θ]–[ð]; ритмичность.

E. Y. Romanova

PhD, Associate Professor, Department of English Phonetics,
English Language Faculty, MSLU; e-mail: catrom@rambler.ru

AFRO-AMERICAN ENGLISH: BRITISH HERITAGE OR CREOLE FORMATION?

The paper is within the domain of American dialectology and focuses on the study of African American English (AAE). The body of the article consists of two parts devoted to different aspects of AAE study: the origin and early development of AAE; the phonetic and phonological outline of AAE, including the segmental level and intonation. In the first part the author presents four primary hypotheses concerning the origin and early development of AAE, which have emerged since 1950-s: the Anglicist Hypothesis, the Creolist Hypothesis, the Neo-Anglicist Hypothesis and the Substrate Hypothesis. The second part of the article gives a thorough investigation of

AAE phonetic peculiarities, describing specifics of vowel / consonant realization and noting a wide range of melodic patterns and rhythmicality of AAE speech. Taking into account experimental results of previous studies, the author comes to the conclusion that AAE refers to a linguistic system of communication governed by well defined rules and used by African Americans across different geographical regions of the USA and across a full range of age groups.

Key words: Ebonics; creoles; substrate languages; southernness; vowel merger; glide weakening of [ai]; non-rhoticity; consonant cluster reduction; interdental [θ]–[ð] replacement; rhythmicality.

Введение

Большинство авторов, занимающихся изучением английских диалектов, выражают мнение, что ни один этнический диалект в истории английского языка не получил такого широкого рассмотрения, как афроамериканский английский, за последние десятилетия сменивший не одно название. В разное время афроамериканский английский именовался *Negro Dialect*, *Nonstandard Negro English*, *American Negro Speech*, *Black Communications*, *Black Dialect*, *Black Street Speech*, *Black English*, *Black English Vernacular*, *Afro-American English*, *African American (Vernacular) English*, *African American Language*, *Spoken Soul*, что было связано, прежде всего, с расовой политикой, этнической идеологией и настроением американского общества по отношению к носителям данного диалекта, которые в разные периоды времени именовались как «Negro», «Black», «African American» [Crystal 1995, с. 96–97; Green 2004, с. 77; Wolfram 2009, с. 328].

Особое место среди названий афроамериканского диалекта занимает термин *Ebonics* (от *ebony* – черное дерево + *phonics* – «правила фонетики»). Его популяризация связана с заседанием Школьного совета в Окленде (штат Калифорния) в конце 90-х гг. XX в., получившим большой общественный резонанс, в ходе которого эбоникс (или афроамериканский диалект) был впервые признан равноправной разновидностью английского языка [Green 2004, с. 77].

На сегодняшний день афроамериканский английский представляет собой действующую лингвистическую систему, обладающую всеми необходимыми языковыми структурами и стилистической вариативностью от формального стиля публичной речи с драматическими паузами и мелодическим разнообразием до уличного сленга

и популярной музыки в стиле рэп и хип-хоп. Афроамериканцы составляют более 1/8 части всего населения США, а афроамериканский английский занимает особое место среди американских диалектов не только по причине большого количества его носителей, но и благодаря его значительному вкладу во многие аспекты американской поп-культуры. Так, помимо внешнего вида, молодые американцы уже несколько десятилетий копируют стиль, манеры, лексику и произносительные особенности темнокожих уличных кумиров: *Dude, jazz, groovy, cool, chill out* и *you go, girl*, – эти и другие слова не произошли из афроамериканского английского, но получили второе рождение благодаря новым сленговым значениям [Metcalf 2000, с. 156–159].

Основная часть

Гипотезы происхождения и раннего развития афроамериканского английского

Начиная с середины XX в., в отношении происхождения и раннего развития афроамериканского диалекта английского языка было разработано четыре основных гипотезы: гипотеза англицистов, креолистов, нео-англицистов и субстрата.

1. *Гипотеза англицистов* появилась в середине XX в. и была основана на многочисленных исследованиях региональных вариантов английского языка в рамках создания Лингвистического атласа США и Канады. В ходе исследований было выявлено, что в речи белокожих и темнокожих аудиторов пожилого возраста присутствовали одни и те же региональные черты. На этом основании американские диалектологи заключили, что история афроамериканского английского берет начало в ранних английских диалектах Британских островов. Согласно данному историческому сценарию, транспортированные в Америку темнокожие рабы, говорящие на африканских языках, в течение нескольких поколений практически полностью заменили родной язык тем или иным диалектом английского языка.

2. Гипотеза англицистов о происхождении афроамериканского английского превалировала до середины 60–70-х гг. XX в., когда ей на смену пришла *гипотеза креолистов*, согласно которой афроамериканский диалект развился из креольского языка, господствующего

в южном регионе США. По мнению сторонников гипотезы креолистов, креольский праязык имел общие черты с английскими креольскими диалектами Африки и Карибских островов; возможно, этим праязыком был язык гулла, поскольку на нем до сих пор говорят афроамериканцы, проживающие на побережье Южной Каролины и Джорджии. Длительный контакт креольского праязыка с другими американскими диалектами способствовал их сближению в процессе декреолизации, хотя отдельные характеристики креольского предка присутствуют и в современном афроамериканском английском.

3. *Гипотеза неоанглицистов* появилась в 80-е гг. XX в., когда были опубликованы новые данные в виде писем, написанных полуграмотными бывшими рабами в середине XIX в., ставившие под сомнение основные положения гипотезы креолистов. Эти и другие письменные доказательства свидетельствовали о том, что афроамериканский английский на раннем этапе развития не имел столь значительных расхождений с постколониальными американскими диалектами, как предполагали сторонники гипотезы креолистов. Так, гипотеза неоанглицистов, как и предшествующая ей гипотеза англицистов, основывается на том, что постколониальный афроамериканский английский тесно связан с ранними британскими диалектами, привезенными в Северную Америку. Однако, в отличие от предыдущей гипотезы, неоанглицисты говорят о сильном расхождении диалектов за последние два столетия и о том, что на сегодняшний день афроамериканский английский имеет мало общего с современными американскими жаргонными диалектами.

4. Сторонники *гипотезы субстрата* объясняют уникальность афроамериканского английского сильным влиянием на него длительного контакта африканцев и европейцев, что проявилось в своеобразной модификации языковых структур, в первую очередь, на уровне грамматики, словарного состава и фонетики (например, крайняя степень редукции финальных консонантных кластеров). Таким образом, гипотеза субстрата основывается на положении, что на раннем этапе развития афроамериканский диалект приобрел большое количество региональных диалектных характеристик, однако сильное влияние африканских языков-субстратов способствовало его обособленному положению среди других разновидностей американского английского [Wolfram 2009, с. 332–335; Lippi-Green 1997].

Фонетическая характеристика афроамериканского диалекта

1. Сегментный уровень

Гласные

Очевидно, что этнические барьеры и расовая сегрегация не могут не сказаться на особенностях произношения того или иного регионального или социального диалекта, о чем пишут американские лингвисты У. Лабов, У. Вольфрам, Р. Липпи-Грин и другие. Многочисленные исследователи также отмечают, что об афроамериканском типе произношения написано в пять раз больше, чем о любом другом диалекте [Шевченко 2016], и хотя афроамериканский разговорный вариант английского языка считается отдельным диалектом в силу особенностей, в первую очередь, грамматики и словарного состава, в качестве специфических черт реализации гласных звуков можно выделить следующие:

1. Как и в южном диалекте стандартного американского английского, в афроамериканском варианте отмечается слияние гласных [ɪ] – [e] перед носовыми согласными: *tin – ten, pin – pen, him – hem*.

2. Носители афроамериканского английского, живущие на юге страны, известны своим консервативным произношением, характерным для данного региона, поддержанием исчезающих традиционных вариантов произнесения, например сохранением разницы в звучании *which – witch*. В то же время именно в речи южан можно наблюдать современные модели слияния звуков типа [i:] – [ɪ]: *feel – fill*.

3. В речи темнокожих жителей некоторых регионов США отмечается наличие шва [ə] (как в слове *her*) в словах *there, where* [Labov 2012, с. 41].

4. Гласные [u:], [əv] и [av] в афроамериканском английском в гораздо меньшей степени продвинуты вперед, чем в речи носителей стандартного американского английского.

5. Звук [æ] характеризуется более высоким подъемом по сравнению со стандартным вариантом.

6. Отсутствует слияние гласных [ɒ] – [ɔ:] за счет продвижения вперед [ɒ] и более высокого подъема [ɔ:].

7. Гласный [ɑ:] часто проявляет тенденцию к огублению.

8. В афроамериканском английском может наблюдаться ослабление скольжения дифтонга [aɪ], что является причиной его частичной монофтонгизации. Однако на юге США данное явление отмечается гораздо реже, если речь идет о сочетании дифтонга [aɪ] с последующим глухим согласным, как в *price*; ослабление скольжения имеет место в сочетании дифтонга с последующим звонким согласным, как в *prize*, или на конце слова, как в *pry*.

9. В качестве южной характеристики речи стоит упомянуть также частую замену дифтонга [aɪ] звуком [aɦ] в местоимении *I* [Metcalf 2000, с. 160].

10. Еще одной произносительной особенностью афроамериканского английского являются различные способы сокращения оборота 'going to' в беглой речи. Как и белокожие американцы, афроамериканцы иногда используют вариант *gonna*, сохраняя при этом долгий [o] от *going* и опуская второй слог: *He gon' be here*. В сочетании с местоимением *I* часто теряется звук [g], при этом фраза приобретает звучание *I'm 'o' do it* или *I'm 'a' do it*. Аналогично во фразе *I don't know* происходит выпадение звука [d], и на афроамериканский манер фраза звучит как *I 'on' know*, в отличие от варианта *I dunno*, употребляемого белокожими американцами [Metcalf 2000, с. 162].

В качестве дополнительной информации по специфике произнесения гласных звуков в афроамериканском варианте английского языка ниже приведена таблица примеров и их звуковых соответствий.

Таблица 1

**Примеры реализации гласных
в афроамериканском английском**

<i>beat</i>	i	<i>boot</i>	u	<i>pin</i>	ɪə
<i>pit</i>	ɪə	<i>put</i>	ʊə	<i>pen</i>	ɛə
<i>hate</i>	eɪ	<i>boat</i>	oʊ	<i>part</i>	ɑ
<i>pet</i>	ɛə	<i>bought</i>	ɔ	<i>hurt</i>	ɜ
<i>pat</i>	æə	<i>pot</i>	ɑ	<i>cure, jury</i>	ʊə
<i>path</i>	æə	<i>soft</i>	ɔ	<i>four</i>	ɔə
<i>but</i>	ə	<i>palm</i>	ɑ	<i>baby</i>	ɪ
<i>bite</i>	aɪ	<i>out</i>	aw	<i>runner</i>	ə
		<i>choice</i>	ɔɪ	<i>sofa</i>	ə

Согласные

Говоря об особенностях произнесения согласных звуков в афроамериканском варианте английского языка, необходимо отметить следующие характеристики:

1. Афроамериканский тип произношения характеризуется как беззрный. Более того, звук [г] часто опускается в положении между гласными: *Flo'ida, Ca'olina, inte'ested*. [Labov 2012, с. 41; Metcalf 2000, с. 160].

2. В ударных слогах наблюдается оглушение звонких взрывных: *bid* [bit], *bag* [bæk] [Wolfram 1998, с. 171].

3. Для афроамериканского английского характерна редукция финальных консонантных кластеров, даже если последующее слово / суффикс начинается с гласного: *lift up – lif' up, busting – bussing*. Важно отметить, что редукция консонантных кластеров – довольно распространенное явление в английском языке, которое в большинстве случаев имеет место в словах, занимающих конечное положение во фразе или в сочетании с последующим словом, начинающимся с согласного: *bes' kind, lif' packages* [Wolfram 1998, с. 171–172]. Подобное упрощение кластеров в афроамериканском английском может быть доведено до единичного согласного в слове. Так, слово *lifts* становится *lis'*, *desk – des'*, а форма множественного числа звучит как *desses*. Примерами звуко сочетаний, подверженных редукции в афроамериканском диалекте, могут служить следующие: *pt (kept), ct (act), st (best), ft (left), ld (cold), nd (spend)*. Так, *spend* становится *spen, left – lef, mask – mass* [Green 2004, с. 85].

Однако существует ряд ограничений: редукции не подлежат согласные *p, t, k* в сочетании с предшествующими *m* или *n*, поэтому в словах *junk* и *lump* на конце произносятся оба согласных, *n/k* и *m/p* соответственно [Metcalf 2000, с. 161]. По-другому ведут себя вспомогательные глаголы типа *can't, won't, ain't*, заканчивающиеся на *n't*, по сравнению со знаменательными частями речи с *nt* на конце. В подобных случаях происходит выпадение финальной части *n't*, а предшествующий гласный приобретает назальную окраску: *don't* [dɒ̃] [Green 2004, с. 85].

Некоторые ограничения в плане редукции консонантных кластеров наблюдаются и в срединном положении в слове. Так, в корневом сочетании *nd* в середине слова с последующим суффиксом,

начинающимся с согласного (типа *-ness*), обычно произносится только первый согласный *n*: *kindness – kiness*. Если суффикс начинается с гласного (например, *-able*), то в финальном корневом слого чаще всего произносятся оба согласных: *acceptable*. Однако если за финальным корневым кластером следует любой другой суффикс, начинающийся с гласного (например, *-ing*), то кластер может редуцироваться: *spending – spening, building – builing* [Green 2004, с. 85].

4. Заслуживает внимания модификация английских звуков [θ] – [ð] в афроамериканском варианте, которые могут передаваться звуками [d], [t], [v] и [f] в зависимости от положения в слове. Так, звуки [d] и [t] заменяют /th/ в начале слова: *this – dis, thin – tin*; [v] и [f] – в конце: *both – bove, tooth – toof* [Metcalf 2000, с. 161–162; Wolfram 1998, с. 174]. Согласно другим источникам, звук [t] может заменять /th/ и в конечном положении: *with – wit*, а звук [f] – в срединном: *birthday – birfday*. Звук [v] может также занимать интервокальное положение в середине слова: *mother – muver, brother – bruver* [Green 2004, с. 86]. Важно и то, что глухие варианты [t] и [f] всегда замещают глухой [θ], в то время как звонкие корреляты [d] и [v] обычно употребляются вместо звонкого [ð] [Green 2004, с. 86; Metcalf 2000, с. 161–162]. Необходимо отметить, что традиционное произнесение сочетания /th/ сохраняется в словах *thistle, think* и *thirty*. В отличие от носителей ирландского английского и нью-йоркского диалекта, афроамериканцы не трансформируют данные слова в *tistle, tink* и *tirty* [Green 2004, с. 86].

5. По мнению некоторых исследователей, для афроамериканского английского может являться характерным выпадение конечного носового согласного, при этом предшествующий гласный приобретает назальную окраску: *tone [tɔ̃]* [Thomas 2010, с. 158].

Интонация

Исследователи афроамериканского диалекта отмечают четкость и ритмичность афроамериканской речи. По их мнению, в большинстве случаев аудиторы могут точно идентифицировать анализируемый речевой отрывок как «sounding Black» («звучащий по-афроамерикански»). При этом не всегда удается определить, по каким именно характеристикам делаются подобные заключения; некоторые аудиторы говорят о более разнообразной мелодике

афроамериканской речи, которая на слух воспринимается как имеющая негативную окраску [Baugh 1999, с. 135–147; Green 2004, с. 86–87; Rickford 1998, с. 154–200].

Заключение

Возвращаясь к вопросу о возникновении афроамериканского диалекта английского языка, важно отметить, что данная разновидность английского произношения имеет то же происхождение, что и сами афроамериканцы. Темнокожее население, привезенное в Северную Америку в качестве рабов много веков назад, общалось между собой при помощи западноафриканских языков, которые впоследствии играли роль языков-субстратов в процессе формирования афроамериканского диалекта. В ряде лексических, грамматических и фонетических дистинктивных признаков афроамериканского английского выделяются явные доказательства того, что рабы-африканцы, изучая английский язык, адаптировали его к системе родного языка. На фонетическом уровне об этом свидетельствуют процессы выпадения согласных на конце слога и модификации межзубных звуков [θ]–[ð] [Metcalf 2000, с. 165–166]. С другой стороны, практически любая афроамериканская характеристика речи имеет прямое соответствие в том или ином британском диалекте. Обе теории происхождения афроамериканского варианта имеют сторонников и в то же время подвергаются критике. На сегодняшний день основным выводом остается мысль о том, что обе страны – Англия и Африка – в свое время оказали сильное влияние на возникновение, становление, развитие и сохранение индивидуальности афроамериканского диалекта английского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Шевченко Т. И.* Социофонетика: Национальная и социальная идентичность в английском произношении. Изд. 2-е, доп. М. : ЛЕНАНД, 2016. С. 29–45.
- Baugh J.* Linguistic Perceptions in Black and White: Racial Identification Based on Speech // *Baugh J.* Out of the Mouths of Slaves: African American Language and Educational Malpractice. Austin : University of Texas Press, 1999. P. 135–147.
- Crystal D.* The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge : Cambridge University Press, 1995. P. 96–97.

- Green L.* African American English / Finegan, E.; Rickford, J. (eds.) Language in the USA: Themes for the Twenty-First Century. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. P. 76–91.
- Labov W.* Dialect Diversity in America: the Politics of Language Change. Charlottesville: University of Virginia Press, 2012. P. 38–67.
- Lippi-Green R.* English with an Accent: Language, Ideology, and Discrimination in the United States. London / New York : Routledge, 1997. 286 p.
- Metcalfe A.* How We Talk: American Regional English Today. Boston : Houghton Mifflin, 2000. P. 156–166.
- Rickford J. R.* The Creole Origin of African American Vernacular English: Evidence from Copula Absence // Salikoko S. M., Rickford J. R., Bailey G., Baugh J. (eds.) African American English: Structure, History and Use. New York : Routledge, 1998. P. 154–200.
- Thomas E. R., Wassink A. B.* Variation and Identity in African-American English // Llamas C., Watt D. (eds.) Language and Identities. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2010. P. 157–165.
- Wolfram W., Schilling-Estes N.* American English: Dialects and Variation. Oxford (UK): Blackwell Publishers, 1998. P. 169–175.
- Wolfram W.* African American English / Kachru Braj B., Kachru Yamuna & Nelson Cecil L. (eds.) The Handbook of World Englishes. Hoboken, New Jersey (US): Wiley-Blackwell, 2009. P. 328–340.

УДК 811.111

А. В. Романтовский

кандидат филологических наук,
преподаватель каф. русского языка как иностранного ФГБОУ ВО МГЛУ;
e-mail: romantalex@gmail.com

ПОНЯТИЕ ДИСКУРСА В РАСШИРЕНИИ ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ

Статья посвящена роли понятия «дискурс» в эволюции лингвистических моделей. Предпринята попытка обнаружения общих теоретических оснований для отнесения той или иной трактовки к классическому и постклассическому вариантам понимания. Наконец, проанализирована возможность синтеза четырех фундаментальных свойств языка в единой онтологии коммуникации, предлагаемой современными исследователями.

Ключевые слова: дискурс, классическое понимание, постклассическое понимание, семиозис, онтология коммуникации

A. V. Romantovskiy

PhD (Philology),
lecturer of the department of Russian as a foreign language, MSLU;
e-mail: romantalex@gmail.com

THE CONCEPT OF DISCOURSE IN EXPANDING OF THE INTERPRETATIVE POTENTIAL OF LINGUISTIC MODELS

The article is dedicated to the role of the concept of "discourse" in the evolution of linguistic scientific models. An attempt has been made to discover common theoretical grounds for classifying an approach to the concept as classical or postclassical. Finally, the possibility of synthesizing 4 fundamental properties of language in a single ontology of communication, proposed by modern researchers, is analyzed.

Key words: discourse; classical approach; postclassical approach; semiosis; ontology of communication.

Языковедческое моделирование процесса и результатов речевой деятельности всегда осуществлялось в соответствии с более или менее осознанным руководящим принципом. К концу XX в. язык как онтологически и гносеологически несамодостаточная, открытая, система предстал в совокупности всех когда-то абсолютизированных характеристик: «Современные представления о языке как объекте

языкознания покоятся на четырех “китах”, на четырех фундаментальных его свойствах – исторически обусловленном характере развития, психической природе, системно-структурных основах его устройства, социально обусловленном характере возникновения и употребления» [Караулов 2010, с. 15].

Как правильно соотнести вышеупомянутые свойства так, чтобы усовершенствовать объяснительные модели функционирования языка в социуме? Одним из терминов, синтезирующих, пожалуй, все названные характеристики «языка-в-действии» в рамках одного понятия, является термин «дискурс». Присущая термину междисциплинарность наряду с неоспоримой модой на него до сих пор «питают» множественность его трактовок. Отечественных лингвистов, в научном творчестве которых важную концептуальную нагрузку имеет термин «дискурс», немало (Н. Д. Арутюнова, В. З. Демьянков, М. Л. Макаров, А. А. Кибрик, В. И. Карасик, В. Б. Кашкин, Е. С. Кубрякова, Ю. Е. Прохоров и др.).

Научные обзоры, как правило, отличаются оригинальным взглядом на историческую перспективу развития данного понятия и его роль в развитии лингвистических моделей речевой деятельности. Иногда авторы совмещают эти две цели, а иногда одна из них явно превалирует.

Если обратиться к примерам недавних публикаций (коллективная монография «Дискурс и стиль»), первой цели по преимуществу служит статья Л. Р. Безуглой, которая включает дискурс в историческую канву развития «лингвопрагматики»: 1) коммуникативный поворот (70–80-е гг. XX в.) – акцент на несоответствии между знаковыми средствами и их употреблением, на косвенных речевых актах и разговорных импликатурах; 2) когнитивный поворот (1980–1990-е гг.) – выстраивание интерпретационных моделей от интенций говорящего к их реализации; 3) дискурсивный поворот (XXI в.) – методологический путь от речевого действия к речевому взаимодействию, от когнитивных структур – к социальному взаимодействию [Безуглая 2014, с. 82–86].

В той же коллективной монографии о дискурсе и стиле содержатся лингвофилософские обобщения Л. О. Чернейко, которые направлены именно на оптимизацию лингвистических моделей представления речевой деятельности в онтологическом и гносеологическом аспектах:

«Дискурс – вербализованный идеологический посредник между индивидуальной речью (идиолектом) и языком-кодом.

Соотнеся термины «язык» и «дискурс» по их общему семантическому основанию «обеспечение коммуникации», можно сделать вывод, что язык в его ипостаси речь – это материальная сторона коммуникации («тело»), тогда как дискурс – ее вербализованная интерсубъективная идеальная сторона (но, скорее, «душа», чем «ум», бессознательное, а не рациональное)» [Чернейко 2014, с. 69].

Как видим, научная рефлексия по заявленным проблемам продолжается.

Цель данной статьи – попытка обнаружения философско-гносеологических основ общности различных лингвистических подходов к термину «дискурс» с точки зрения общей для современной науки тенденции – корректировки моделирования изучаемых явлений с учетом понимания внутродисциплинарного редукционизма, а также с учетом необходимости соотносить теоретические модели со стремительными изменениями в социуме и в онтологии коммуникации, в частности. Под внутродисциплинарным редукционизмом мы понимаем наличие известной степени схематизации явлений действительности, становящихся объектом научного познания.

В каких контекстах в настоящее время исследователи упоминают термин «дискурс»? Наряду с привычно глобальными «художественным», «религиозным», «научным» дискурсами, среди заголовков научных трудов встречаются терминологические сочетания «дискурс элиты», «дискурс человека сомневающегося», «дискурс власти и дискурс В. С. Высоцкого», наконец, наиболее утонченным в плане имплицуемой понятийной дифференциации становится сочетание «языковой дискурс». Подобная «пестрота» заставляет вспомнить обобщение В. Г. Костомарова о том, что понимание дискурса многими учеными сводится к максимально широкой его трактовке как «континуума речевой деятельности» [Костомаров 2005, с. 41]. По-видимому, континуума, в котором *язык, речь, текст* перестали быть терминами, именуемыми вновь обнаруженные онтологические и гносеологические связи изучаемых явлений, а дискурс стал называть нечто еще не до конца объясненное и концептуализированное.

Учитывая вышеприведенный взгляд на четыре фундаментальных свойства языка, попытаемся разобраться в преимуществах понятия

«дискурс», позволяющих терминосистеме лингвистики в полной мере отображать открытость языковой системы в область социально-исторического, с одной стороны, и психокогнитивного – с другой.

Методологическая ценность термина «дискурс», на наш взгляд, состоит именно в его исходном междисциплинарном потенциале. Иными словами, в его способности концептуализировать пограничные явления, свойства, отношения, эффекты. Современный междисциплинарный потенциал понятия «дискурс» был подготовлен многовековой историей европейской мысли, в которой он обозначал именно синкретичность таких пограничных явлений.

В первую очередь обратимся к истокам и основным вариантам трактовки понятия «дискурс» в истории европейской мысли, используя издания «Всемирная Энциклопедия. Философия» [Всемирная энциклопедия... 2001, с. 316], и «Новая философская энциклопедия» [Новая философская энциклопедия 2010, с. 670]. Резюмируем информацию о философских истоках разбираемого понятия в ряде тезисов.

Классическое понимание дискурса и дискурсивности заключается в его представлении как субъективного восприятия и познания мира «по частям», через последовательность перетекающих друг в друга впечатлений в противоположность интуитивному охвату целого. Дискурс – это, прежде всего, рациональное познание-говорение, рассуждение в последовательности знаков.

В этой связи вспомним, как З. Хэррис вышел к тем пределам структурализма, за которыми начиналось линейное выстраивание знаков языка в речи. Хорошо известно, что во второй половине XX в. исследовательский интерес американских лингвистов, продолжавших традиции дескриптивизма, стал смещаться в сторону описания связанных фрагментов речи, для обозначения которых и был применен термин «дискурс» [Harris 1963]. Попытки в рамках структуралистского подхода, который искусственно сообщал системе языка максимально возможную закрытость и приоритет в процессе речепроизводства, описать все возможные окружения морфемы (как словоформы) потерпели неудачу. Вернее, обратили внимание на то, что дискретность знаков в системе языка переходит в континуальность речи, соотносясь не столько с отдельными формальными правилами соположения морфем, сколько с целостностью лингвокультуры как таковой и интенциональностью акта высказывания, производимого говорящим субъектом.

Постклассическое понимание дискурса и дискурсивности сводится к его трактовке как социальной практики, преимущественно вербализуемой, с идеологической подоплекой, формируемой внутрисистемными законами социума, понимаемыми как «властные» отношения. Субъект такой практики предстает как набор социальных признаков и оказывается в центре дискурсивного воздействия и его воспроизводства / модификации.

Среди западных языковедов термин «дискурс» в особом парадигмальном значении последовательно употреблял французский лингвист Э. Бенвенист, прибегая к нему для обозначения речевого произведения, «которое возникает каждый раз, когда мы говорим» [Бенвенист 1974, с. 312]. Причем ученый незамедлительно давал понять, что под речевым произведением понимает не текст как совокупность знаков, а весь комплекс речевого действия – «акт производства высказывания». Думается, такой взгляд позволяет лингвисту опознать в объекте изучения не только говорящего субъекта, «присваивающего язык», но и саму событийность семиозиса, которая не сокрыта где-то в глубинах древнего порождения знаков как остаточных форм постоянно перекрещивающихся высказываний, а лежит на поверхности актуального речепроизводства, увиденного в XX в. сквозь объяснительную метафору коммуникации и информации.

Рассмотрим группу трактовок термина «дискурс», объединенную вниманием к последовательному развертыванию речи-мысли. Такая точка зрения подводит непосредственно к соотношению признаков континуальности / дискретности в речевом взаимодействии.

Интенсивное проникновение термина «дискурс» в отечественную лингвистическую практику в конце 1970-х гг. отмечала Т. М. Николаева. Ею были проанализированы научные тексты, в которых встречался данный термин, что позволило сделать обобщения в части наиболее употребительных его значений. К таковым исследователь отнесла следующие: 1) связный текст; 2) устно-разговорная форма текста; 3) диалог; 4) ряд высказываний, связанных между собой по смыслу; 5) речевое произведение (письменное или устное) как данность [Николаева 1978, с. 467].

Примечательно, что термин «дискурс» впервые стал встречаться в отечественных лингвистических работах, посвященных проблемам текстовых единиц и грамматике уровня выше предложения. Таким

образом, попытки распространения системно-языковых закономерностей на континуальность речевой цепи выражены в текстоцентризме, при котором виртуальная целостность текста соотносится с непрерывностью производимого смысла.

В. А. Звегинцев в середине 1970-х гг., рассматривая предложение в его отношении к языку и речи, употребляет термин «дискурс» для обозначения «уровня выше предложения» или «связной речи». Дискурс, по определению ученого, – это «два или несколько предложений, находящихся друг с другом в смысловой связи» [Звегинцев 1976, с. 170]. Лингвоцентризм как парадигма научного моделирования начинает претендовать на «уровень выше предложения». Уровень, где собственно языковая дискретность перестает обнаруживаться, где исследовательское мышление «единицами языка» пытается обрести надежную моделирующую опору в понятийно размытой и предполагающей новый ракурс рассмотрения «смысловой связи».

В известном труде И. Р. Гальперина «Текст как объект лингвистического исследования», где ведется поиск этой новой промежуточной единицы, которой так и не было подобрано общепринятое обозначение, дается дефиниция термина *сверхфразовое единство*. Приводя несколько синонимов данного терминологического сочетания, ученый упоминает и дискурс [Гальперин 2007, с. 67]. Здесь потенциал термина призван очертить этот новый концептуально-моделирующий поиск, поиск единицы языка за пределами предложения, где действует текстуальная смысловая связность.

Особым свидетельством так называемого коммуникативного поворота могут послужить рассуждения лингвиста, в которых четко прослеживаются:

- тенденция теоретического отхода от единиц, объединяемых языковой системностью;
- попытка разрешить проблему моделирования взаимоперехода дискретности / континуальности в придании единицам структурным статуса коммуникативных;
- объяснение цельности текста через связность дискурса в их концептуальном сближении:

«Дискурс – тоже текст, но такой, который состоит из коммуникативных единиц языка – предложений и их объединений в более крупные единства, находящиеся в непрерывной внутренней смысловой

связи, что позволяет воспринимать его как цельное образование» [Борботько 1981, с. 8].

Одной из важнейших оппозиций, моделирующих специфику дискурса, является оппозиция процесса / результата или оппозиция речевой деятельности / ее фиксированного продукта.

Вспомним, что В. Г. Костомаров допускает следующее понимание дискурса: «Картину функционирования языка можно представить себе и по-другому, оставляя за текстом лишь прямое обозначение результата, какого-либо фиксированного, отработанного отрезка дискурса, т. е. континуума речевой деятельности» [Борботько 1981, с. 41].

По мнению Ю. Е. Прохорова, текст и дискурс оказываются соответственно «интровертивной» и «экстравертивной» «фигурами коммуникации» [Прохоров 2006], при этом данность дискурса обнаружить сложнее, чем данность текста.

Подводя промежуточные итоги, напомним, что термин «дискурс» попал в поле зрения отечественной лингвистики в период обращения к лингвистике речи и текста, и как иноязычное слово, не отягощенное локальными методологическими коннотациями, оказался весьма удобен для обозначения новых понятийных оттенков, для именования вновь уточняемых лингвистических единиц, для участия в обновлении научного моделирования процесса и результатов речевой деятельности. При этом часто каждое оригинальное исследование предлагало свое понимание новой концептуальной границы в рамках объекта изучения.

Для сравнения возьмем работы В. А. Бухбиндера и А. Н. Мороховского. Оба исследователя определяют дискурс как связный текст, однако далее их исследовательские пути расходятся. В. А. Бухбиндер полагает, что дискурсом можно назвать как устное речевое произведение, так и фиксированный в письменных или печатных знаках текст [Бухбиндер 1983]. А. Н. Мороховский, напротив, использует термин «дискурс» для дифференциации данных форм бытования речевых произведений. Он заключает, что «дискурс целесообразно определить как последовательность взаимосвязанных высказываний, принадлежащих разным коммуникантам (диалог)» [Мороховский 1989, с. 4].

Таким образом, идея дискурса как носителя признака связности в вербально-знаковой последовательности была экстраполирована на согласованность реплик в диалогической речи. Следовательно,

вопрос синтеза дискурса из дискретных единиц был перенесен из внутрисистемного пространства языка в пространство коммуникации с его разбиением на участников общения.

Очевидно, что трактовки термина «дискурс», основанные на ключевом признаке связности, коррелируют с классическим философским пониманием (дискурс как последовательность мыслей в вербальной форме).

Если обратиться к зарубежной лингвистической истории понятия «дискурс», то окажется, что его отнесение преимущественно к устной форме бытования речевых произведений имеет под собой основания. Дискурсивный анализ Бирмингемской школы предложил научную модель, которая стремилась объединить знаковую континуальность речи, событийность речепроизводства в его социальных координатах и закономерности присвоения инициативы говорения тому или иному участнику речевого взаимодействия.

В «Кембриджской языковой энциклопедии» Дэвид Кристал анализирует становление понятия «дискурс» в языкознании и связывает его прежде всего с направлением дискурсивного анализа (в Бирмингемском варианте). В рамках данной междисциплинарной научной концепции дискурс изначально понимался как последовательно развертывающийся отрезок актуально звучащей речи. Источниками материала для рассмотрения подобных речевых отрезков служили записи диалогов, интервью, лекций и пр. [The Cambridge ..., с. 116].

Обращение к событийности семиозиса – единичному событию «присвоения языка говорящим» – не могло не способствовать повышению внимания к социально-историческим и психокогнитивным аспектам речепроизводства. Самое общее понимание термина «дискурс», коррелирующее с постклассической философской традицией, связано с его употреблением для обозначения лингвокогнитивных механизмов речепроизводства, производства текстов в той или иной сфере общения.

Французская школа и ее важнейший представитель М. Фуко вывели на первый план социальную эпистемологию и событийность дискурса, переведя фокус внимания с проблемы «слов и вещей» на проблемы формирования «порядка объектов» и отношения к нему говорящего субъекта [Фуко 1996]. Система координат, в которой стало рассматриваться единичное «присвоение языка говорящим»,

усложнилась. В нее был включен политико-идеологический и мифологический (наивное повседневное знание) контекст.

Именно событийность дискурса, освещенная преимущественно с позиций информационно-политического доминирования, стала исследовательским кредо Т. ван Дейка, отмечавшего, что «дискурс, в широком смысле слова, является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта» [Дейк ван 2000, с. 121–122].

Несколько иначе подходят к событийности дискурса собственно когнитивисты. Континуальность, процессуальность речи находится в центре теоретического моделирования специфики дискурса, предложенного Е. С. Кубряковой и О. В. Александровой. Исследователи подчеркивают не статический аспект хранения информации, не наличие абстрактной когнитивной «базы данных», а говорят о том, что сам дискурс представляет собой когнитивный процесс, запускающий и контролирующий производство речи. Авторы объявляют дискурс синхронно осуществляемым процессом порождения текста или же его восприятия [Кубрякова 1997, с. 19].

В. З. Демьянков, также придерживающийся когнитивистской точки зрения на дискурс, отмечает следующее: «Понимая речь, мы не ждем ее завершения, наше понимание происходит параллельно тому, как текст появляется в нашем сознании. Вот это-то появление и развертывание текста и можно назвать *дискурсом*. На каждом этапе восприятия мы обычно имеем дело одновременно с несколькими равновероятными гипотезами о результирующем смысле речи» [Демьянков 2012, с. 44].

Данные трактовки выдвигают на первый план процессуальный аспект развертывания дискурса, выделяя в нем те или иные ключевые признаки (проблемы порождения и восприятия, многомерность развертывания).

Обобщение единичных событий речепроизводства, их связь с процессом развития культуры, ментальности как обобщенной модели множества субъектов мышления-говорения находим у Ю. С. Степанова, который толковал понятие дискурса, придерживаясь мнения, что это особый способ употребления того или иного национального языка для манифестации определенной ментальности, выражения определенной идеологии [Степанов 1995, с. 38].

Необходимость, усматриваемая лингвистом в постоянном возвращении к модели языковой системности как внутридисциплинарной данности, ясно отражается в точке зрения М. Ю. Олешкова, который предлагает следующее определение: «Дискурс (в широком понимании этого термина) как речевой инструмент освоения реальности – это закрепившийся в языке способ трансформации фактов и представлений об окружающем мире сквозь “призму языка”, упорядочивающий действительность в разнообразных практиках» [Олешков 2009, с. 6].

В центре внимания такой трактовки оказывается язык как готовый инструмент создания социальных практик. При этом такую языковую системность, которая характеризуется «способами трансформации фактов и представлений об окружающем мире», сложно отождествить с той системой, которую автор упоминает в качестве «призмы». Дискурс, таким образом, приобретает черты сходства с языковой картиной мира, что опять возвращает нас к лингвоцентричной системности в трактовке данного понятия.

Заметим, как один из западных исследователей политической роли дискурса, Джон Драйзек, напротив, подчеркивает производность знаковых манифестаций и оставляет языковую систему на периферии дискурсивного процесса: «Дискурс – это разделяемый многими людьми способ восприятия мира, который позволяет тем, кто обращается к нему, так или иначе интерпретировать единицы информации и выстраивать их в связные тексты или профили» [Dryzek 1997, с. 8] (под профилем, на наш взгляд, можно понимать и целостную полисемиотическую интернет-презентацию личности, например в рамках социальной сети и пр.).

Возвращаясь к анализу общности трактовок дискурса в рамках постклассического понимания, заметим, что в отечественных трудах конца 80-х – начала 90-х гг. прошлого века модель текста как макроединицы, в рамках которой реализуются все возможности системы, стала приобретать новые измерения, преобразуясь в модель многомерного коммуникативного события, получившего название дискурса.

Вспомним точку зрения И. П. Сусова, который рассматривал дискурс как комплексное образование, состоящее из ряда уровней: формально-семиотического, когнитивно-интерпретируемого и социально-интерактивного [Сусов 1988, с. 7–13].

По мнению П. В. Зернецкого, пространство дискурса четырехмерно: «Речедеятельностное пространство конкретного дискурса языковой личности рассматривается как соответственно развернутая по данным координатам интеграция элементарных речевоздействующих сил: аргументирующей (семантика), мотивирующей (сигматика), прагматической (прагматика) и аккумулирующей (накопляющей) – синтактика» [Зернецкий 1990, с. 62].

В. И. Карасик подчеркивает необходимость обращения к дискурсу при рассмотрении текста в коммуникативно-событийном аспекте и отмечает, что при этом «требуется переход к коммуникативной модели представления текста. Такой переход осуществляется в следующих направлениях: 1) осваиваются результаты исследований, так или иначе связанных с целым текстом, в прагма-, психо- и социолингвистике, риторике, литературоведении, когнитологии; 2) концептуально и терминологически противопоставляются текст, погруженный в ситуацию реального общения, т. е. дискурс, и текст вне такой ситуации; 3) на первый план выходят вопросы, связанные с порождением и пониманием текста, с диалогической природой общения; 4) исследуются не идеальные, правильно построенные тексты, а текстовые стратегии в их разнообразных реализациях» [Карасик 2002, с. 188–189].

Вышеупомянутые теоретические и методологические поиски завершились несомненными достижениями в области усовершенствования лингвистических моделей представления процесса и результата речевой деятельности. Стало очевидно, что при помощи термина «дискурс» удобно концептуализировать новый взгляд на онтологию и гносеологию речевой деятельности, выйдя за пределы не лингвистики как таковой, а редуционизма, центрированного на языковой системе.

Сделаем необходимое пояснение. Исходная важность понимания языка преимущественно как функции удачно обозначил в свое время Э. Косериу: «Язык функционирует не потому, что он система, а, наоборот, он является системой, чтобы выполнять свою функцию» [Косериу 1963, с. 156].

Безусловный, методологически резонансный редуционизм свойствен представлению о языковой системе в прижившейся и нечасто рефлекслируемой сосюрианской трактовке. Э. Косериу описывает ее как «последовательное отождествление (язык = языковое состояние = синхронная проекция)» [Косериу 1963, с. 153]. Важным

методологическим следствием принятия такого отождествления оказывается редуccionистское представление не столько о языке как о «синхронной и неподвижной системе» (или, как было сказано выше, о готовом, данном, инструменте социальных практик), сколько о тотальной первичности такой «языковой системы» в выстраивании коммуникации, при том, что она является лишь одним из условий. Одним из условий коммуникации в многообразных по функциональной нагрузке социальных практиках.

Интересно в этой связи, что В. И. Тюпа, рассматривавший жанры художественной речи сквозь призму типологии ментальности, помещает дискурс в центр своей схемы коммуникативной онтологии, по сути наводящей мост между онтологией естественных и гуманитарных наук: «Коммуникация – это взаимодействие внутренних реальностей (личностей) посредством сознания – речи – языка в социальных ситуациях внешней реальности».

Внешняя реальность	Вещи
Социальность	Функции
Язык	Знаки (тексты)
Коммуникация	Смыслы (дискурсы)
Речь	Значимости (версии)
Ментальность	Интенции
Внутренняя реальность	Личности

Дискурс не принадлежит субъекту высказывания ровно постольку, поскольку у дискурса есть субъект, составляющий лишь одну из сторон коммуникативного события. Аналогичным образом у дискурса есть адресат и референтное содержание» [Тюпа 2010, с. 55–67].

Данная схема наглядно демонстрирует не только необходимые для оптимизации научных моделей точки интеграции знания, но и очевидные их границы, которые с переменным успехом преодолеваются в различных междисциплинарных исследованиях. Показательно, что дискурсы как гносеологические объекты, находящиеся в центре, определяют коммуникацию не только языковых личностей, но и, как следует из схемы, «внешней» и «внутренней» реальностей.

В настоящее время, когда несомненна интенсификация информационных потоков, изучение речевой деятельности, включенной в полисемиотические коммуникационные процессы, неизбежно перефокусируется на континуальность порождения и интерпретации. Всё отчетливее становится понимание того, что сегодня событийность семиозиса выстраивается, главным образом, не как набор текстов – макроединиц, соотносимых с языком-системой, а как совокупность дискурсивных практик, соотносимых с языком-функцией.

Научная рефлексия, стремящаяся концептуализировать этот процесс, действительно несколько «мифологизирует» (по Л. О. Чернейко) дискурс – это уже не эффект гипостазирования, который отмечал Ю. Н. Караулов, а свидетельство парадигмального сдвига в науке о языке, в которой всё отчетливее проявляется необходимость уточнения методологических оснований.

Резюмируем. Как было показано, все выделенные трактовки понятия «дискурс» в той или иной степени сводятся к развитию классической и постклассической философско-гносеологической установки.

Первая сосредоточивается на признаке связности (в рамках монологического или диалогического текста), переходе знаковой дискретности языка в речевую континуальность порождения и восприятия дискурса.

Вторая обращается к дискурсу с позиций семиотической событийности, отталкиваясь не от системы языка в ее речевой реализации, а привлекая, порознь или совокупно, перспективы субъекта высказывания, с одной стороны, и социокультурной, порождающей такое высказывание среды, – с другой.

При этом первая тяготеет, скорее, к лингвоцентризму, а вторая – к антропоцентризму в его социоцентрической трактовке (социокультурное сообщество как система коммуникации оказывается первичной по отношению к говорящему субъекту, языковой личности).

В таком разделении нет эпистемологического разрыва, напротив, оно показывает преемственность научной рефлексии, становление понятий, подлинное научное творчество, чуждое догматизации.

Межпарадигмальные вариации термина «дискурс» позволяют констатировать множественность существующих подходов и необходимость четкого выбора исследователем собственной парадигмальной позиции.

Очевидно, что основания лингвоцентричной и антропоцентричной парадигм нельзя считать взаимоисключающими, однако необходимо понимать, что именно при взгляде с позиций социоцентризма (в широком понимании, не обращаясь отдельно к социальному конструктивизму и т. д.) происходит не одноуровневое в методологическом смысле «переключение» с одного фундаментального свойства языка на другое («социальное», хронологически последнее в ряду Ю. Н. Караулова), но нахождение верного масштаба системы координат, в которой необходимо моделировать языковые явления, чтобы, по мере возможности, оптимизировать моделирующий редукционизм, свойственный любой научной интерпретации объекта изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Безуглая Л. Р.* Три этапа развития лингвопрагматики: от речевого акта к дискурсу // Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты : колл. монография / под ред. Г. Я. Солганика, Н. И. Клушиной, Н. В. Смирновой. М. : Флинта : Наука, 2014. С. 81–93.
- Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М. : Прогресс, 1974. 448 с.
- Борботько В. Г.* Элементы теории дискурса : учеб. пособие / В. Г. Борботько. Грозный : Изд-во Чечено-Ингуш. гос. ун-та, 1981. 113 с.
- Бухбиндер В. А.* О предмете текстуальной лингвистики // Проблемы текстуальной лингвистики. Киев : Высшая школа, 1983. С. 6–19.
- Всемирная энциклопедия: Философия / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. М. : АСТ, Минск : Харвест, Современный литератор, 2001. 1312 с.
- Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 5-е, стереотип. М. : Ком Книга, 2007. 144 с.
- Звегинцев В. А.* Предложение и его отношение к языку и речи. М. : Изд-во МГУ, 1976. 308 с.
- Зернецкий П. В.* Четырехмерное пространство речевой деятельности // Язык, дискурс, личность. Тверь : Твер. гос. ун-т, 1990. С. 60–68.
- Дейк ван Т. А.* Язык. Познание. Коммуникация. Б. : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
- Демьянков В. З.* Традиционное и креативное в адресации дискурса // Логический анализ языка. Адресация дискурса / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М. : Индрик, 2012. С. 41–49.
- Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
- Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. Изд-е 7-е. М. : Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.

- Косериу Э.* Синхрония, диахрония и история // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 3. М. : Изд-во иностранной литературы, 1963. С. 143–343.
- Костомаров В. Г.* Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М. : Гардарики, 2005. 287 с.
- Кубрякова Е. С., Александрова О. В.* Виды пространства, текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время: материалы научной конференции. М. : Диалог – МГУ, 1997. С. 19–20.
- Мороховский А. Н.* К проблеме текста и его категорий // Текст и его категориальные признаки. Киев : Изд-во Киев. пед. ин-та ин. языков, 1989. С. 3–8.
- Николаева Т. М.* Краткий словарь терминов лингвистики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М., 1978. С. 467–472.
- Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН, науч.-ред. совет: предс. В. С. Степин, зам. предс.: А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин. М. : Мысль, 2010, Т. I. 2010. 744 с.
- Олешков М. Ю.* Введение // Дискурс, концепт, жанр: коллективная монография / отв. ред. М. Ю. Олешков. Н.-Тагил : НТГСПА, 2009. 428 с.
- Прохоров Ю. Е.* Концепт, текст, дискурс в структуре и содержании коммуникации : дис. ... д-ра филол. наук. М.–Екатеринбург, 2006. 312 с.
- Степанов Ю. С.* Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 35–73.
- Сусов И. П.* Деятельность, сознание, дискурс и языковая система // Языковое общение: процессы и единицы : межвуз. сб. науч. тр. ; Калинин. гос. ун-т. Калинин, 1988. С. 7–13.
- Тона В. И.* Дискурсные формации: Очерки по компаративной риторике. М. : Языки славянской культуры, 2010. 320 с.
- Фуко М.* Археология знания. Киев : Ника-Центр, 1996. 416 с.
- Чернейко Л. О.* Дискурс: языковая реальность или лингвистическая мифология? // Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты : колл. монография / под ред. Г. Я. Солганика, Н. И. Клушиной, Н. В. Смирновой. М. : Флинта : Наука, 2014. С. 52–71.
- Dryzek J.* The Politics of the Earth: Environmental Discourses. Oxford : Oxford University Press, 1997. 220 p.
- Harris Zellig S.* Discourse Analysis Reprints. The Hague : Mouton, 1963. 73 p.
- The Cambridge Encyclopedia of Language / D. Crystal. Cambridge : Cambridge University Press, 1987. Pp. vii + 472.

УДК 811.111

Т. С. Сорокина

доктор филологических наук, профессор,
профессор каф. грамматики и истории английского языка
факультета английского языка МГЛУ;
e-mail: sotan1462116gmail.com

КОНЦЕПТ «СОСТОЯНИЕ» КАК ГЕШТАЛТ И КОГНИТИВНАЯ СХЕМА ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В статье предлагается трактовка концепта «состояние» в английском языке как гештальта и как когнитивной схемы языковой интерпретации. Состояние понимается как онтологический и лингвистический, частично вербализованный, лексически, морфологически и синтаксически репрезентированный концепт; как единица знания, гештальтно передающая способы языкового представления знаний о языке, о ситуации и о мире. Прототипическим репрезентантом концепта «состояние» является пропозиция, реализующаяся в высказывании, дискурсе и фоновых знаниях. В работе доказывается, что концепт «состояние» представляет собой гештальт. При этом значение прототипической конструкции является не простой суммой, а результатом сложного взаимодействия множества свойств ее отдельных компонентов, репрезентированных лексически, морфологически и синтаксически. Следовательно, концепт «состояние» реализуется вербально и невербально, т. е. на концептуальном уровне сопрягаются языковые и неязыковые знания. Исходя из признания интерпретирующей функции языка, концепт «состояние» представлен в виде частной когнитивной модели с основной когнитивной схемой пропозиции: «инактивный носитель состояния» + «статальные характеристики». При этом такие виды состояния, как физическое, психическое состояние объекта, его вовлеченность в движение и деятельность, получая вторичную интерпретацию через общие концепты «пространство» и «время», приобретают вид статальных характеристик: стабильность, акцедентальность, потенциальная изменчивость, длительность и локализованность в пространстве. Взаимное пересечение видов состояния и статальных характеристик создает такие концептуальные компоненты, формирующие содержание концепта, как физическая стабильность, физическая акцедентальность, физическая потенциальная изменчивость, физическая длительность, физическая локализованность в пространстве и т. п. Эти концептуальные компоненты и являются реализацией когнитивной схемы концепта «состояние».

Ключевые слова: концепт; гештальт; когнитивная схема; носитель состояния; статальные характеристики; стабильность; акцедентальность; потенциальная изменчивость; длительность; локализованность в пространстве.

T. S. Sorokina

Doctor of Philology (Dr. habil.),
Professor of Grammar and History of English,
English Language Department, MSU; e-mail: sotan1462116gmail.com

**CONCEPT “STATE” AS GESTALT AND A COGNITIVE SCHEMA
OF LINGUISTIC INTERPRETATION**

The article posits the author's treatment of the concept “state” in English as gestalt and a cognitive schema of linguistic interpretation. State is regarded as ontological and linguistic, partially verbalized, lexically, morphologically and syntactically represented concept; as a unit of knowledge gestalt-packaging language representation of linguistic knowledge, contextual information and worldview. The article argues that the concept “state” is by itself a gestalt. More specifically, the semantics of a prototypical construction is not a mere sum, but a result of complex interaction of its lexical, morphological and syntactic components. Hence, the concept “state” renders both verbal and non-verbal information: on the conceptual level linguistic and extralinguistic types of knowledge are linked. Applying the “interpretative language function” theory we view the concept “state” as a specific cognitive model with the basic proposition schema “inactive state object” + “state characteristics”. Here the state types “physical, psychological state of an object, its involvement into movement or activity”, as a result of secondary interpretation by means of the general concepts of “space” and “time”, appear as state features: stability, accidentalness, potential changeability, continuity and space location. The mutual intersection and linking of state types and state features create conceptual components forming the content of the concept. It is the realization of the above cognitive schema that yield these conceptual components.

Key words: concept; gestalt; cognitive schema; object of state; state features; stability; accidentalness; potential changeability; continuity; space location.

Введение

Состояние как онтологическая и семантическая категория имеет длительную историю изучения в философии и лингвистике. В философии состояние – это категория, отражающая способ существования субстанции, фиксирующая момент устойчивости в изменении, развитии, движении материальных объектов в некоторый данный момент времени при определенных условиях и характеризующаяся преходящей природой и потенциальной изменчивостью [Матханова 2002; Филиппова 2011]. Состояние как семантическая категория исследовалось на уровне словоформы (слова категории состояния), высказывания и целого текста (семантические предикаты состояния),

а также рассматривалось как синтаксический концепт и как особый языковой формат знания, под которым понимается определенная форма или способ представления знаний в языке [Болдырев 2008, с. 51; Павлова 2016].

В данной работе состояние понимается как онтологический и лингвистический, частично вербализованный, лексически, морфологически и синтаксически репрезентированный концепт; как единица знания, гештальтно передающая способы языкового представления знаний о мире [Сорокина 2013]. В концепт «состояние» входят максимально абстрагированные смыслы – разные виды состояния. Сочетания этих абстрактных смыслов и составляют концептуальные характеристики концепта «состояние», формирующие его содержание.

Как онтологический концепт состояние имеет два субконцепта: нерезультативное состояние и результативное (актуальное и потенциальное) состояние. Результативное состояние детально исследовалось в виде так называемых результативных конструкций представителями конструктивной грамматики – Construction Grammar (C_xG), теория которой была предложена Ч. Филлмором [Filmore 1989]. При этом под конструкцией понимается «языковое выражение, у которого есть аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей. Их элементами могут быть морфемы, слова, предложения» [Goldberg 1995, с. 4].

Отсюда основные постулаты конструктивной грамматики:

- 1) элементы одного уровня постоянно взаимодействуют с элементами другого уровня;
- 2) анализ на различных уровнях происходит не последовательно, а одновременно;
- 3) значение конструкции, хотя и определяет наполнение ее компонентов, является не простой суммой, а результатом сложного взаимодействия множества свойств отдельных компонентов.

...Construction grammar integrates different kinds of linguistic information – semantic, pragmatic and syntactic information among others – in such a way that allows to determine the extent to which the different kinds of information are related and influence each other [Boas 2003, с. 85].

О свойствах конструкции Г. Боас, ведущий представитель конструктивной грамматики, пишет:

The form of a construction can be associated with different kinds of grammatically relevant information that can be semantic, pragmatic, syntactic, morphological, phonological or lexical in nature [Boas 2003, с. 87].

Вышеизложенные идеи, на наш взгляд, вплотную подводят исследователей этого направления к пониманию конструкций как гештальта, прототипически репрезентирующего концепт «состояние».

Кроме того, интерпретирующая функция языка [Болдырев 2016] позволяет рассматривать концепт «состояние» как частную когнитивную схему, определяющую языковые механизмы формирования смысла, составляющего содержание концепта.

Целью статьи является рассмотрение концепта «состояние» как гештальта и как когнитивной схемы языковой интерпретации.

Методология

Методологией, исходной для предлагаемой дискуссии, является конструктивная грамматика (Construction Grammar), гештальт-анализ и когнитивное моделирование концептуальной семантики.

Обсуждение. Результаты

А. Концепт «состояние» – гештальт

Напомним наше определение состояния как лингвистического концепта: это единица знания, гештальтно передающая способы языкового представления знания о мире, т. е. о способе существовании субстанции в конкретный момент времени и в определенных условиях.

Однако язык не представляет непосредственно знания о мире «как он есть», а о мире, уже спроецированном в наше сознание [Кубрякова 2004б]. Следовательно, состояние – это гештальт, получивший концептуальную обработку, т. е. концепт. Почему «знания о мире» передаются гештальтно (целостно)? Потому что гештальты – это интегрированные и единые концептуальные структуры с широким значением, не образующимся путем простого сложения информации об их составляющих. Концепт «состояние» как лингвистический концепт можно рассматривать как способ соотнесения значений с поверхностными формами. Иными словами, концепт «состояние» имеет разные языковые репрезентанты, сочетающие морфологические, лексические и синтаксические способы образования и передачи концептуальной семантики.

Репрезентация концепта «состояние» выражается на уровне языка пропозициональными (главным образом, предикатно-аргументными) структурами в формате предложения, текста и с учетом экстралингвистической (энциклопедической) информации, что на уровне речевой коммуникации реализуется как высказывание, дискурс и фоновые знания, а на когнитивном уровне как знания о языке, о ситуации и о мире.

Ядерная смысловая структура простого предложения (пропозиция), как правило, включает субъект, предикат и объект. В глагольной семантике обычно имеется имплицитное указание на количество актантных позиций при глаголе. Но в реальности не все актанты глагола актуализируются в процессе образования предложения. Возможны, например, безактантные структуры типа *The vase broke*, где исполнитель действия и объект не кодируются. При этом семантика репрезентантов концепта «состояние» определяется на семантическом (языковом) уровне дедуктивно или путем инференции, когда ситуация «достраивается» на основании знания о мире.

Сравним следующие примеры:

(1) The dog barked itself hoarse.

The dog barked the postman off the property.

(2) Joyce hung on and broke himself decisively in the ninth game [Boas 2003].

В первом случае (1) лингвистические знания полисемии глагола *bark* определяют семантику репрезентантов концепта «состояние», в примере (2) семантика состояния выводится инферентно из пропозиции, основанной на спортивном контексте (знания о мире).

Хотя репрезентация концепта «состояние» реализуется в разных форматах, рискуем предположить, что прототипическими свойствами обладает именно предикатно-аргументная структура в формате предложения. И здесь обнаруживается прямое соответствие конструкциям-гештальтам, которые являются объектом рассмотрения конструктивной грамматики (Construction Grammar).

Попробуем доказать, что:

- 1) прототипический репрезентант концепта «состояние» гештальтно выражает семантику состояния, т. е. что изменение на одном из уровней неминуемо отражается на всей структуре;

2) «состояние» – это частично вербализованный онтологический и лингвистический концепт.

Рассмотрим следующие случаи:

1. Результативность / нерезультативность состояния определяется лексическим значением и морфологией глагола:

- a. My feet ache.
- b. The lake froze.

В (а) глагол *ache* лексически указывает на процессуальный признак в настоящий момент времени, в (в) глагол *freeze* лексически «результативен». Отнесение результата к прошлому выражается морфологически.

2. Актуальное или потенциальное результативное состояние различаются морфологией глагола. Например:

- a. She sank into silence (актуальное, достигнутое перфектное состояние).
- b. She is sinking into silence (потенциальное, возможное, еще не достигнутое, наступающее состояние).

3. Лексическое значение глагола предопределяет синтаксический статус результативной фразы: AP, NP или PP. Например:

- a. He dyed the skin black (AP).
- b. Her hair was dyed a brutal red (NP).
- c. The salmon was cut into pieces (PP).

4. Изменение транзитивности глагола приводит к метафоризации семантики конструкции. Например:

- a. She sneezed.
- b. She sneezed the napkin off the table (при изменении класса глагола – из непереходного в переходный – у него появляется новый актант, а матричное значение заменяется метафорическим: to sneeze = to blow = to move).

5. Результативность семантики состояния создается или лексикой глагола, или результативной фразой (AP, NP или PP). Например:

- a. The lake froze («результативный» глагол).
- b. Martha feeds chickens flat (результативная фраза AP).

6. Семантика результитивного состояния создается лексическим значением глагола в сочетании с контекстной информацией. Например:

Having spent all night working at the restaurant, Matt had gotten really tired. After he had wiped some ketchup and mayonnaise off a table, he forgot to clean his sponge before wiping the next table. Thus, he *wiped it dirty* [Boas 2003, с. 100].

В данном случае контекстная информация определяет приемлемость результивной структуры, хотя глагол *wipe* своим словарным значением, т. е. конвенционально, пресуппонирует «to rub a surface with a cloth in order to remove dirt, liquid etc.» [Longman Dictionary of Contemporary English, с. 1642].

7. Семантика состояния формируется под влиянием фоновых знаний (знаний о мире). Например:

- a. He froze to death (*состояние ооченения от холода как природных условий*).
- b. He froze himself so that he could return years later (*состояние ооченения в результате медицинской криогенной процедуры, предполагающей последующее возвращение к жизни*).

Когнитивное осмысление этого явления находим у Е. С. Кубряковой и Н. В. Юдиной. В работе последней развивается мысль о том, что в ряде конструкций в сознании носителей языка присутствует латентный смысл, обусловленный определенными знаниями о мире и особенностями восприятия этого мира (хотя композиционно семантика таких единиц во многом выводится из значений составляющих компонентов) [Кубрякова 2004а; Юдина 2009].

Из вышесказанного следует, что восприятие репрезентанта концепта «состояние» происходит одновременно на всех трех уровнях – лексическом, морфологическом и синтаксическом. При этом именно глагол навязывает признаку «состояние» свойства нестабильности, временности, склонности к изменению. Однако при ведущей роли глагола важны все компоненты структуры, а также дискурсивные и фоновые знания. Следовательно, концепт «состояние» как гештальт реализуется вербально и невербально. Иными словами, на концептуальном уровне сопрягаются языковые и неязыковые знания.

**В. Концепт «состояние» –
когнитивная схема языковой интерпретации**

Один из главных методологических принципов когнитивного подхода состоит в то, что человек не отражает мир в языке, а конструирует его с помощью языка в своем сознании в виде когнитивных схем или моделей. При этом он каждый раз заново формулирует смыслы и выбирает средства их репрезентации. Активная роль человека в формировании языковых значений и смыслов свидетельствует об интерпретирующем характере человеческого сознания и как следствие, языкового сознания и языковой картины мира. Это, в свою очередь, дает основание говорить об интерпретирующей функции языка¹ [Болдырев 2007, с. 204]. При этом устанавливаются три частные функции языковой интерпретации: селективная, классифицирующая и оценочная.

С учетом специфики конструирования мира в сознании человека и интерпретирующей функции языка выделяются два основных типа когнитивных схем языковой интерпретации мира и знаний о мире: общие и частные [Болдырев 2016]. Общие схемы – это относительно универсальные концепты, категории и пропозиции, которые определяют общие когнитивные и языковые механизмы формирования смысла. Частные схемы или когнитивные модели имеют дело с конкретными концептами и категориями, с уже вербализованными знаниями о мире. Общие схемы могут быть представлены в сознании человека в виде определенных концептуально-тематических областей. Частные схемы могут выступать как преобразование общих схем под действием частной функции языковой интерпретации – оценочной, имеющей дело с вторичной языковой интерпретацией т. е. интерпретацией одних концептов через другие концепты.

Как и иные концепты, концепт «состояние» может быть представлен в виде частной когнитивной модели (схемы) языковой интерпретации.

Так, можно принять, что основной когнитивной схемой пропозиции, репрезентирующей в разных форматах концепт «состояние», является «носитель состояния + статальная характеристика» [Павлова

¹Интерпретирующий характер конструирования мира в языке может проявляться в разных аспектах, в частности в выборе прототипов языковой репрезентации знаний и конкретных языковых средств для оформления высказывания.

2016]. При этом знания о существовании объекта, физическое, психическое состояние объекта, его вовлеченность в эмоциональную, перцептивную, ментальную, волевую деятельность [Фурс 2004], получая вторичную интерпретацию через общие концепты «пространство» и «время», приобретают вид следующих статальных характеристик:

- 1) статичность (стабильность);
- 2) акцентальность;
- 3) потенциальная изменчивость;
- 4) длительность (нелокализованность во времени);
- 5) локализованность в пространстве.

Механизм интерпретации концептуально-тематических областей (видов состояния) через «пространство» и «время» может иметь вид:

Основная когнитивная схема концепта «состояние»

Инактивный носитель состояния + статальная характеристика
(одушевленный / неодушевленный)

Взаимное пересечение и сопряжение видов состояния и статальных характеристик и создает концептуальные компоненты (признаки), формирующие содержание концепта «состояние» и являющиеся реализацией его основной когнитивной структуры:

- 1) физическая стабильность (статичность):
The curtains are always drawn;
- 2) физическая акцентальность:
She ran her feet sore;
- 3) физическая потенциальная изменчивость:
Her hair is growing gray;
- 4) физическая нелокализованность во времени:
He was awake a long time in the dark;
- 5) физическая локализованность в пространстве:
Lizzy was sent downstairs;
- 6) психическая стабильность:
He is never ashamed of his mistakes;
- 7) психическая акцентальность:
She was angry with her little son;
- 8) психическая потенциальная изменчивость:
He is getting sad;
- 9) психическая нелокализованность во времени:
She has been in rage with me for half an hour;
- 10) психическая локализованность в пространстве:
She felt fearful in a dark closet;
- 11) стабильная вовлеченность в деятельность:
Only a foolish dog barks at a flying bird;
- 12) акцентальная вовлеченность в движение / деятельность:
Help get the boat afloat;
- 13) потенциальная вовлеченность в движение / деятельность:
He is getting the boat afloat;
- 14) вовлеченность в движение / деятельность, нелокализованная во времени: *The boat had been adrift for hours before Tom fastened it;*
- 15) вовлеченность в движение / деятельность, локализованная в пространстве: *They laughed the man out of the room.*

Соотношение центральных компонентов когнитивной схемы – «инактивного носителя состояния» и «статальных характеристик» может реализоваться с учетом концептуальных признаков как структура

отношений между членами ситуационного (событийного) фрейма (Event-frame) двумя путями: логически и метафорически.

Инфереция путем логических отношений между компонентами конструкции лежит на поверхности при конвенциональном употреблении главного члена пропозиции – глагола, например: *He sneezed his nose red*. Однако в «неканонических» случаях [Voas 2003, с. 113] возможность употребления той или иной конструкции как репрезентанта концепта «состояние» представляется проблематичной в силу метафорического характера глагольного члена пропозиции. Например:

They laughed the poor guy out of the room.
Frank sneezed the tissue off the table.
Lilly coaxed George under the table.

Подобные случаи употребления результативной конструкции рассматриваются нами одновременно как грамматическая метафора (High-Level metaphor), фиксирующая изменение транзитивности глагола, и как концептуальная метафора.

Согласно теории концептуальной метафоры она рассматривается как принцип аналогии, действующий в семантике [Лингвистика конструкций 2010, с. 295], при котором «переносу» подвергается не изолированное имя, а целостная концептуальная структура (схема, фрейм, модель, сценарий), активизируемая некоторым словом в сознании носителя языка благодаря связи данного слова с данной конвенциональной структурой [Кобозева 2002]. В вышеуказанных случаях глаголы, превращаясь из непереходных в переходные и используя свой лексико-семантический потенциал, реализуют «побочную» силовую динамику. При этом ситуационный фрейм заменяется на каузирующий (Caused Motion – Frame) – X causes Y to move Z.

Выводы

Предложенная выше трактовка концепта «состояние» как гештальта и как когнитивной схемы языковой интерпретации, на наш взгляд, проливает свет на то, как языковые и неязыковые знания репрезентируются в языке, как человек воспринимает язык, как он формирует смыслы и выбирает средства их репрезентации, используя как собственный языковой опыт, так и собственную языковую картину мира. Это непосредственно связано с проблематикой взаимодействия

лексики и грамматики, семантики и синтаксиса, с вопросами структуры формирования языковых категорий в сознании человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Болдырев Н. Н.* О типологии знаний и их репрезентации в языке // Типы знаний и их репрезентация в языке: сборник научных трудов. Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2007. С. 12–28.
- Болдырев Н. Н.* Оценочные категории как формат знания // Когнитивные исследования языка. Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. Вып. III, С. 25–36.
- Болдырев Н. Н.* Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов : Тамбовский госуниверситет им. Г. Р. Державина, 2016. Вып. 4. С. 10–20.
- Кобозева И. М.* К формальной репрезентации метафор в рамках когнитивного подхода [Электронный ресурс]. URL : www.dialog-21.ru/archive_article.asp?param=7339&vol=6077
- Кубрякова Е. С.* О нетривиальной семантике в сочетаемости прилагательных с существительными // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура : Сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой. М. : Языки славянской культуры, 2004а. С. 148–154.
- Кубрякова Е. С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук ; Ин-т языкознания. М. : Языки славянской культуры, 2004б. 560 с.
- Лингвистика конструкций / отв. ред. Е. В. Рахилина. М. : Изд. центр «Азбуковник», 2010. 584 с.
- Матханова И. П.* Вариативность высказываний с семантикой непроцессуального состояния в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики: семантическая инвариантность / вариативность. СПб. : Наука, 2002. С. 101–119.
- Павлова А. В.* Состояние как формат знания (на материале современного английского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов : Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2016. № 3. С. 96–102.
- Сорокина Т. С.* Гештальт-анализ как исследовательская методика диахронической концептологии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. Вып. 26 (686). Когнитивно-коммуникативная парадигма в лингвистике и лингводидактике: грамматические исследования. С. 9–19 (Языкознание).
- Филиппова О.В.* Подходы к исследованию результативных конструкций в современной англистике // Вестник Московского государственного

- лингвистического университета. 2011. Вып. 27 (633). Когнитивно-функциональное направление в лингвистике и лингводидактике: грамматические исследования. С. 22–49 (Языкознание).
- Фурс Л. А.* Синтаксически репрезентируемые концепты [Электронный ресурс] : дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2004. 370 с. URL : www.lb/uf-ru/net/diss/cont/94635/html
- Юдина Н.В.* Еще раз о нетривиальной семантике в сочетаемости прилагательных с существительными (по следам работ Е. С. Кубряковой) // Горизонты современной лингвистики: традиции и новаторство: сб. в честь Е. С. Кубряковой. М. : Языки славянских культур, 2009. С. 515–529.
- Boas H. C.* A Constructional Approach to Resultatives. Stratford : CSLT Publications, 2003. 400 p.
- Goldberg A.* Constructions: A Constructional Grammar Approach to Argument Structure. Chicago : University of Chicago Press, 1995. 265 p.
- Fillmore C. Y.* Grammatical Construction Theory and the Familiar Dichotomies // R. Dietrich and C. F. Graumann (eds.). Language Processing in Social Context. Amsterdam : Elsevier, 1989. P. 17–38.
- Longman Dictionary of Contemporary English. Pearson Education Limited, 2001. 1668 p.

УКД 811.111

Т. С. Сорокина, Н. В. Чалбарах

Сорокина Т. С., доктор филологических наук, профессор,
профессор каф. грамматики и истории английского языка
факультета английского языка МГЛУ;
e-mail: sotan1462116gmail.com

Чалбарах Н. В., аспирант каф. грамматики
и истории английского языка
факультета английского языка МГЛУ;
e-mail: nataliya31031982@mail.ru

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ РЕПРЕЗЕНТАНТОВ КОНЦЕПТА «СОСТОЯНИЕ» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Данная статья посвящена способам выражения концепта «состояние» в разных форматах текста, содержащих предикатно-аргументные группы. Состояние понимается как онтологический и лингвистический, частично вербализованный концепт, гештальтно предающий способы языкового представления знаний о мире. Репрезентанты концепта «состояние» реализуют свою семантику на трех языковых уровнях – лексическом, морфологическом, синтаксическом. На уровне речи «состояние» передается в форматах высказывания, дискурса или как фоновые знания. В статье представлены два субконцепта состояния как онтологического концепта: нерезультативное и результативное состояние. Нерезультативное состояние не обладает признаком связи с результатом действия, а результативное является результатом предшествующего действия и связано с актуальностью его последствий. В основе описания репрезентантов данного концепта положены принципы конструктивной грамматики. В статье показано, что концепт «состояние» реализуется вербально и невербально, т.е. дается ключ к пониманию прототипичности и непрототипичности конструкций. В статье описаны прототипические структурно-семантические модели репрезентации концепта «состояние» в английском языке. Дана классификация семантических предикатов нерезультативного состояния. Представлены конструкции, выражающие потенциальное и актуальное результативное состояние. При образовании моделей потенциального результативного состояния важную роль играют морфологические формы глагола. В моделях актуального результативного состояния на первое место выходят грамматическая (синтаксическая) и лексическая составляющие. В статье доказывается, что частичная вербализованность этого концепта проявляется как в дискурсивной, так и в фоновой информации, не вербализованной в конкретной модели, а получаемой путем выводных знаний.

Ключевые слова: концепт; гештальт; субконцепт; нерезультативное состояние; результативное состояние; потенциальное результативное состояние; актуальное результативное состояние; неаккузативные глаголы.

T. S. Sorokina, N. V. Chalbarakh

Sorokina T. S., Doctor of Philology (Dr. habil.),
Professor of Grammar and History of English,
English Language Department, MSLU;
e-mail: sotan1462116gmail.com

Chalbarakh N. V., Postgraduate, Chair of Grammar
and History of English, English Language Department, MSLU;
e-mail: nataliya31031982@mail.ru

**STRUCTURAL AND SEMANTIC CONSTRUCTIONS
INSTANTIATING THE CONCEPT “STATE” IN ENGLISH**

This article discusses ways of expressing the concept “state” in different text formats containing predicate-argument groups. State is regarded as an ontological and linguistic, partially verbalized concept. Representatives of the concept “state” realize their semantics at three language levels: lexical, morphological and syntactical. At speech level “state” is instantiated as an utterance, discourse or as extralinguistic knowledge. The article presents two subconcepts of “state” as an ontological concept: non-resultative (ineffective) and resultative state. A potential resultative state is not linked with the result of an action, and the actual resultative state is the result of a previous action and is related to the relevance of its consequences. The description of representatives of this concept is based on the principles of Construction Grammar. The article argues that the concept “state” is rendered by verbal and nonverbal means. The article describes prototypical structural and semantic models representing the concept “state” in English. Classification of semantic predicates of non-resultative state is included. Constructions instantiating potential and actual resultative state are presented. In potential resultative state models the predominant role is played by the morphological forms of the verb. In the actual resultative state models the grammatical (syntactic) and lexical components come to the forefront. The article proves that partial verbalization of this concept is manifested both by discursive and extralinguistic information which is not verbalized in a particular model, but obtained by inference.

Key words: concept; gestalt; subconcept; ineffective state; resultative state; potential resultative state; actual resultative state; unaccusative verbs.

Введение

В лингвистических исследованиях состояние рассматривалось по-разному: как часть речи – слова категории состояния (Ю. С. Степанов, Б. А. Ильиш, В. В. Виноградов, Э. Крейзинга, Дж. Керм, О. Есперсен, Г. Поутсма), как семантический предикат (Л. В. Щерба, З. Вендлер, У. Чейф, Т. В. Булыгина, Л. М. Васильев, О. Н. Селиверстова, Ч. Филлмор,

Дж. Лайонз), как лексико-грамматический концепт (Н. Н. Болдырев), как синтаксически репрезентируемый концепт (Л. А. Фурс).

Состояние является одним из общенаучных понятий, которым придается статус онтолого-гносиологических категорий. В философии состояние – категория, отражающая способ существования субстанции, фиксирующая момент устойчивости в изменении, развитии, движении материальных объектов в некоторый данный момент времени при определенных условиях и характеризующаяся переходящей природой, потенциальной изменчивостью и причинно-следственной связью с другими состояниями. В языкознании состояние – это семантическая категория, отражающая в языке специфическую форму бытия предмета, не влияющую на его сущностные свойства и характеризующуюся целостностью, устойчивостью, «стабильностью в течение некоторого периода времени и потенциальной изменяемостью». Таким образом, состояние понимается как фаза в существовании, характеризующаяся сохранением качественно-количественных и пространственно-временных свойств [Филиппова 2011].

Мы исходим из следующей трактовки состояния: состояние – это онтологический и лингвистический, частично вербализованный, лексически, морфологически и синтаксически репрезентированный концепт; единица знания, гештальтно передающая способы языкового представления знаний о мире [Сорокина 2012].

Как онтологический концепт состояние включает два субконцепта: нерезультативное состояние и результативное (актуальное и потенциальное) состояние. Отсюда целью данной статьи является описание структурно-семантических моделей, репрезентирующих субконцепты концепта «состояние»: нерезультативный и результативный. Нерезультативное (неперфектное) состояние не обладает признаком связи с результатом действия и актуальностью его последствий (*We are thirsty*). Результативное (перфектное) состояние, является результатом предшествующего действия и связано с актуальностью его последствий (*The door was open*). Результативное состояние может быть *потенциальным* (*It is getting dark*) и *актуальным* (*The lake froze*).

Методология

В основу описания репрезентантов концепта состояния положены принципы и установки конструктивной грамматики (Construction

Grammar), предложенной Ч. Филмором [Filmore1989] и использованные А. Гольдберг [Goldberg1995] и Г. Боасом [Boas 2003] при исследовании английских результативных конструкций.

Обсуждение. Результаты

*Структурно-семантические модели,
репрезентирующие субконцепты «нерезультативное состояние»
и «результативное состояние»*

Репрезентация концепта «состояние» на уровне языка выражается пропозициональными (как правило, предикатно-аргументными) структурами в форматах предложения, текста или с участием экстралингвистической информации, что на уровне речи реализуется как высказывание, дискурс или передается с учетом фоновых знаний.

Способы выражения состояния в формате предложения активно изучались представителями конструктивной грамматики (Constructions Grammar) как так называемые результативные конструкции [Goldberg1995; Boas 2003]. Их исследования дают ключ к пониманию прототипичности конструкций, т. е. случаев, наиболее частотно и полностью вербализовано представляющих разные аспекты состояния, и тех способов выражения состояния – непрототипических, которые требуют учета дискурсивной информации или фоновых знаний. Так, прототипичными мы будем считать структуры типа:

1. He had jogged himself out of breath.
2. Kim ran herself to exhaustion.
3. Joe ran himself out of the room.
4. He could drink nearly anyone under the table.
5. The audience laughed the poor guy off the stage.
6. Jackie walked herself to the store.

В следующих примерах только дискурс позволяет установить как определенный аспект состояния, так и приемлемость структуры в области реального узуса:

1. When Marc got out of Martin's old Cadillac, he cut himself on a piece of metal that stuck out of the door. Since he started bleeding really badly, he had to go to the hospital to get stitches. The next day, Martin got a hammer and went back to his car. He *hammered the metal safe*.

2. **A:** I hear that loony shepherd was shooting at people again the other day.
B: Yes, that's right, but this time things got out of hand: he shot Tom in the arm and Jeff is now lame.
A: He *shot Jeff lame*? That man should be put behind bars!

Данные примеры подтверждают, что без наличия контекста, смысл результативной конструкции сложно интерпретировать

3. Joyce hung on and *broke himself* decisively in the ninth game – though Wilko missed four points to defend his serve.

В этом примере (3) трудно определить значение глагола *break* без наличия знаний о мире. Данный глагол в спортивном контексте обозначает усилия, приложенные игроком для того, чтобы выиграть матч. Контексты, которые предполагают специальные знания о мире, являются проблематичными для понимания, например в высказываниях, подразумевающих специфические знания, связанные с медициной, спортом, юриспруденцией, техникой, т. е. фоновые знания.

Для описания разных моделей состояния мы будем использовать нотацию, применяемую в конструктивной грамматике: NP – именная фраза; AP – результативная фраза, выраженная прилагательным; PP – результативная фраза с предлогом; QR – результативная фраза, выраженная наречием или сочетанием с ним, XP – обобщенная нотация результативной фразы, имеющей разное лексико-грамматическое наполнение.

Исследование языкового материала позволило выделить 23 прототипические структурно-семантические модели репрезентации концепта «состояние» в английском языке.

В их число входят четыре модели *нерезультативного состояния*:

1. Модели с лексическими глаголами (без результативной фразы).

[NP V (lex)]

e.g. My feet *ache*.

К этим *нерезультативным* моделям, как правило, относятся глаголы, выражающие обязательную локализованность некоторых состояний в определенной части тела.

2. Модели, представляющие сочетание глагола-связки состояния с результативной фразой, выраженной прилагательным или адъективированным причастием.

[NP V (link) AP]

e.g. The beautiful *is empty*.

e.g. The soup *tastes delicious*.

Исследуя состояние как семантический предикат, В.И. Коротина [Коротина 2004], выделяет несколько типов семантических предикатов, которые участвуют в формировании данных моделей:

- 1) семантический тип предикатов «физиологического состояния живых существ». В состав данной группы входят:
 - предикаты «состояния усталости»
(be tired, exhausted, etc.);
 - предикаты «состояния бодрости и физической активности»
(be energetic, active, full of energy, etc.);
 - предикаты «состояния сна»
(be asleep, dormant, etc.);
 - предикаты «состояния бодрствования»
(be awake, out of bed, etc.);
 - предикаты «болезненного состояния»
(be ill, sick, unwell, etc.);
 - предикаты «исцеленного состояния»
(be all right, better, etc.);
 - предикаты «состояния голода и жажды»
(be hungry, thirsty, starved, feel hunger, etc.);
 - предикаты «состояния сытости»
(be full of food or drink, be filled, etc.);
 - предикаты «состояния опьянения»
(be drunk, intoxicated, etc.);
 - предикаты «состояния трезвости»
(be sober, abstinent, etc.);
 - предикаты «термических характеристик организма»
(be hot, be cold, freeze, be warm, etc.);
 - предикаты «состояния жизни / смерти»
(be dead, be at piece, be alive, etc.);
- 2) семантический тип предикатов «психического состояния человека»:
 - предикаты «настроения»
(be depressed, be cheerful, be eager, feel like, etc.);

- предикаты «волнения» / «беспокойства»
(be worried, be excited, worry, be anxious, be concerned etc.);
 - предикаты «недовольства» / «злости», «гнева»
(be angry, etc.);
 - предикаты «удовлетворенности / неудовлетворенности»
(be satisfied / dissatisfied, be pleasant, be disappointed, etc.);
 - предикаты «радости / печали»
(be merry, be sad, etc.);
 - предикаты «стыда», «сожаления»
(be ashamed, feel shame, etc.);
 - предикаты «удивления»
(be surprised, be shocked, be astonished, etc.);
 - предикаты «страха»
(be afraid, be fearful, etc.);
 - предикаты «состояния рассудка»
(be mad, be sane, be conscious etc.);
- 3) семантический тип предикатов «социального статуса человека»:
- предикаты семейного статуса (со значением «быть женой / мужем» и др.);
 - предикаты «зависимого / независимого состояния»
(be dependent(on), be free, be independent, etc.);
 - предикаты «имущественного состояния» (be rich, be poor);
- 4) семантический тип предикатов «физического состояния окружающей среды»:
- предикаты состояния природной среды, проявляющегося в ощущениях холода и тепла (be hot, be cold, etc.);
 - предикаты состояния воздуха, проявляющегося в обонятельных ощущениях (be malodorous, be smelly, be aromatic, smell stink, etc.);
 - предикаты светового состояния атмосферы
(be light, be dark, etc.);
 - предикаты выпадения осадков
(be rainy, be foggy, be misty, etc.);
 - предикаты состояния, обусловленного степенью насыщенности влагой (be dry, be wet, be damp etc.);
 - предикаты состояния, воспринимаемого как чистота или загрязненность (be clean, be pure, be dirty, be filthy, etc.)

3. Модели с лексическими глаголами (результативная фраза выражена именной группой).

[NP V (lex) NP]

e.g. He adores *this painting*.

К данным моделям можно отнести предикаты «состояния-отношения»:

- предикаты «эмоционального отношения»
(like, dislike, love, hate, etc.);
- предикаты «желания»
(want, wish, desire, covet, crave, need, miss, etc.);
- предикаты «пространственного положения»
(stand, sit, lie, stay, etc.);
- предикаты «обладания»
(have, own, possess, keep, exhibit (talent), etc.);
- предикаты «мнения / веры»
(believe, think, suppose, consider, etc.);
- предикаты со значением «вспоминать / забывать»
(remember, recall, retrieve, recollect, think back, reminisce, retrospect, etc.);
- предикаты «знания»
(know, experience, recognize, etc.);
- предикаты «понимания»
(understand, see, apprehend, etc.).

4. Модели, представляющие сочетание глагола-связки состояния с результативной фразой, выраженной предложным сочетанием

[NP V (link) PP]

e.g. She is angry *at a rude neighbor*.

e.g. Local residents are disappointed *with the decision*.

e.g. He is tired *of the same old sandwiches*.

Потенциальное результативное состояние в нашем исследовании представлено четырьмя моделями.

Переход в новое состояние возможен при помощи таких глаголов-связок, как *become, turn, go, grow, get, etc.* Также важна и морфологическая форма глагола. Так, употребление глаголов в форме Continuous

не передает значение достигнутого, актуального состояния, а передает потенциальное результативное состояние. Потенциальность предполагает переход, начало этого перехода, но не достижение его конечного результата.

1. Модель с результативной фразой, выраженной прилагательным.

[NP V (link) AP]

e.g. She is growing *fat*.

e.g. She is going *grey*.

В данных примерах потенциальное состояние выражается через употребление формы Continuous глаголов *go*, *get*, семантика которых предполагает переход в новое состояние, т. е. в данных примерах потенциальность выражается на лексико-грамматическом уровне за счет усиления роли грамматического компонента.

2. Модель с результативной фразой, выраженной именной группой.

[NP V(lex) NP]

e.g. She has been dancing *Pat* off the stage for half an hour now.

3. Модель с результативной фразой, выраженной предложным сочетанием.

[NP V(lex) PP]

e.g. She is sinking *into silence*.

4. Модель с результативной фразой, выраженной именной группой и прилагательным.

[NP V(lex) NP AP]

e.g. She is painting *the house red*.

Конструкции 2, 3, 4 могут служить примером выражения потенциального результативного состояния путем сочетания полнозначного глагола в форме Continuous с результативными фразами. Потенциальность состояния в данных примерах выражается на лексическом уровне (семантика данных глаголов предполагает изменение и достижение некоего результата), однако только грамматическая форма маркирует эти конструкции как потенциально результативные.

Актуальное результативное состояние выражено 14 моделями.

А. Простые глагольные конструкции

1. Модель с глаголом связкой и результитивной фразой, выраженной прилагательным.

[NP V (link) AP]

e.g. The door was *open*.

Данная модель выражает состояние, наступившее в результате некого события (*The door was in state of having become open*). Этот пример, по мнению Д. Эмбика, описывает простое состояние (a simple state), и к нему применим термин «stative» [Embick 2004].

2. Модель с результитивной фразой, выраженной предложным сочетанием.

[NP V(lex) PP]

e.g. He bled to *death*.

e.g. The engine groans *into life*.

e.g. The audience has sunk *into silence*.

Как следует из примеров, в качестве экспериенсера может метафорически выступать неодушевленный предмет. В данной структуре актуальность состояния выражается через целостное значение структуры, т. е. как на грамматическом, так и на лексическом уровнях, поскольку формы *Simple u Perfect* подчеркивают реальность достижения состояния. Кроме того, перфектная форма передает значение завершенности, законченности. Сочетание глаголов с предлогами, основное лексическое значение которых – движение, перемена местонахождения, способствует в данном контексте актуализации состояния, выраженного именной фразой.

3. Модель без результитивной фразы.

[NP V(result)]

e.g. The lake *froze*.

e.g. His entire body *ached*.

Здесь конструкция с Past Simple выражает результивное состояние при помощи глагола, передающего результат (*froze* – «результативный глагол») [Boas 2003].

4. Модель с результативной фразой, выраженной предложным сочетанием.

[NP V(result) PP]

e.g. The vase broke *to pieces*

При необходимости выделить результат, результативная фраза подчеркивает ту часть события, которая стоит особого упоминания с точки зрения говорящего. Результативная конструкция передает специфическую информацию. Кроме функции выделения результата события, результативные конструкции выполняют еще одну коммуникативную функцию, а именно – определяют, уточняют результативное состояние участника события.

5. Модель с глаголом в форме причастия II и результативной фразой, выраженной предложным сочетанием.

[NP V(be +Part II) PP]

Это конструкция, в которой сочетание *to be + Participle II*, с одной стороны, обозначает статичность, а с другой – состояние, тесно связанное с действием, так как оно наступает только в результате достижения предела действия, заложенного в глаголе предельного характера. В таких конструкциях возможна активно-пассивная трансформация, но видовременные формы разные. Активный коррелят такой конструкции имеет перфектную форму. Такие конструкции могут также сочетаться с указанием действующего лица, источника, причины действия, но реже, чем страдательный залог.

e.g. The school was united *by long adherence to the Cathedral*.

e.g. The picture is painted *by a beautiful girl*.

Однако указание на действующее лицо не может быть сделано во всех встречающихся случаях. Так, например, в данное предложение легко ввести действующее лицо:

e.g. Every table was engaged, but as they came in a couple got up and they took the empty place.

Every table was engaged (*by the customers*)...

А в следующем предложении подобные изменения теоретически возможны, однако понимание носителем языка полученного

в результате этой трансформации предложения практически невозможно. Сравним:

e.g. He had ambitions that were vaguely political, he described himself as a Whig, and he was put up for a club which was of Liberal but gentlemanly flavor.

*He had ambitions that were vaguely political, he described himself as a Whig, and he was put up (*by the authorities*) for a club [Болдырева 1970].

В подобных конструкциях встречается также указание на действующее лицо или на наличие какого-либо предмета с *with*.

e.g. His face was covered *with freckles*.

e.g. The Coffee House was stuffed *with regular buffers*.

Необходимо отметить, что таких примеров встречается немного, так как функцию действующего лица, причины или источника действия в английском языке выполняет дополнение, которое вводится предлогом *by*.

Также существуют другие случаи употребления предложного сочетания с *with* в значении указания на наличие какого-либо предмета (The Concise Oxford Dictionary of Current English дает следующее определение такому значению предложного сочетания с *with*: «By addition or supply or acquisition of possession as material»).

e.g. The walls were decorated *with sporting prints*.

e.g. The table is littered *with pamphlets*.

e.g. It was paved *with red and yellow tiles*.

6. Модель с причастием II и результативной фразой, выраженной наречием (или сочетанием с ним).

[NP V(be +Part II) QP]

В данном случае наречия (или сочетания с ними) являются индикатором времени, места, образа действия:

а) индикатором неопределенного времени: *just, now, then* в значении в «в то время», но не частотности (например: *often, sometimes*); они также не могут указывать на последовательную смену событий (например: *soon, a bit later, then* в значении «затем, потом, тогда») и означать точное определенное время (например: *at three o'clock, in 1982*), либо какой-то момент (например: *the moment she saw us*).

e.g. The demon which possessed him was exercised *now* [Болдырева 1970].

б) индикатором характеристики времени *already* или его антонимом *not yet*:

e.g. The dance that we had left was *not yet* ended.

e.g. The door wasn't *yet* closed.

e.g. Lord Darlington: You break my heart.

Lady Windermere: Mine is *already* broken.

в) индикатором времени, показывающим, что состояние достигнуто к определенному моменту (*by this time*):

e.g. My skirt was ironed *by this time*.

Функцию индикатора «к определенному моменту» может выполнять придаточное предложение или отдельно употребляющееся предложение:

e.g. *By the time they reached the town* the house was burnt down.

e.g. *By eleven it was all over.* The castle was occupied.

г) данные конструкции обычно сопровождаются указателями местоположения, отвечающими на вопрос «где?»:

e.g. The car was parked *outside*.

e.g. He's locked up *in the strongest sell in the place*.

д) конструкции этого типа могут также включать индикаторы образа действия: *well*, *badly*, другие наречия на *-ly*, часто сопровождаемые наречием степени *very* в препозиции.

e.g. His face was *badly* wrinkled.

e.g. It was *carelessly* done.

e.g. It is *very carefully* worked out.

e.g. The house was *well* built.

7. Модель с причастием II и результативной фразой, выраженной инфинитивом.

[NP V (be +Part II) INF(CAUSE)]

e.g. I was so amazed *to see my brother*.

В этой модели инфинитив часто сопровождается индикатором степени – *so*, *ever so*.

8. Модель с причастием II и результативной фразой, выраженной придаточным предложением причины или сравнения

[NP V (be +Part II) CLAUSE(CAUSE / comparison)]

e.g. The bed was made *as though someone were going to sleep it that night.*

e.g. The drawing room was done *as if they were going to have guests.*

e.g. I'm disappointed *that I can't report his doings.*

В последнем примере причастие второе образовано от глагола эмоционального воздействия. Данная форма часто рассматривается как адъективированное причастие.

Во всех описанных выше примерах значение *to be + Participle II* зависит от определенных элементов окружения, которые являются обязательными и необходимыми для грамматического значения этого сочетания, потому что именно они сообщают сочетанию *to be + Participle II* значение состояния, наступившего в результате совершения действия. Отсутствие данных элементов окружения приведет к двусмысленности сочетания *to be + Participle II* или к потере этим сочетанием значения статики и приобретение совсем другого значения – действия.

В. Конструкции с вторичной предикацией

1. Модель с переходными глаголами (Transitive resultatives), где AP выражает результативное состояние:

[NP V (trans) NP AP]

e.g. Polly carefully wiped the area *dry.*

e.g. She painted the house *red.*

О. В. Филиппова полагает, что этот тип результативной конструкции с вторичной предикацией представляет собой базовую структуру рассматриваемых конструкций [Филиппова 2011, с. 32]. Здесь в семантическую структуру глагола не включаются новые компоненты, лишь уточняется результат действия. В данном случае в результативную конструкцию не могут входить прилагательные, образованные от настоящего или прошедшего причастий [Carrier, Randal 1992]:

*She painted the house *reddened,*

*She painted the house *reddening*

В подобных конструкциях с переходными глаголами («resultative phrases that may occur in post-object position of transitive verbs») чаще всего употребляются такие переходные глаголы, как *wipe, stain, destroy, shake, break, shoot, stab, kiss, brush, kill*.

e.g. She had brushed her hair very *smooth*.

e.g. He killed it *stone-dead*.

e.g. That young man wanted her to kiss him *unconscious*.

С другими переходными глаголами, такими как *touch, play, see, devour, watch, believe* образование данных конструкций невозможно:

*Pam played her video game broken.

*Peter saw Richard nice.

*They believed the idea powerful.

2. Модель с переходными глаголами, где объект не является регулярным членом актантной структуры глагола-сказуемого (Transitive resultatives with a non-subcategorized NP), а результитивная фраза выражена предложным сочетанием PP.

[NP V(trans) NP PP]

(1) e.g. The earthquake destroyed buildings *to pieces*

(2) e.g. Ben drank Larry *under the table*.

(3) e.g. She ate him *out of house and home*.

Во втором и в третьем примерах из этой группы объекты не имеют семантической связи с глаголами *eat* и *drink* и значения, что «что-то выпито или съедено» («thing eaten or drunk»); а вместо этого они представляют состояние, наступившее вследствие чрезмерного воздействия субъекта.

Во втором примере постглагольный компонент *Larry* не является регулярным членом актантной структуры глагола-сказуемого *drink*. Значение данного предложения определяется результитивной фразой и может быть интерпретировано как:

As a result of drinking with Ben, Larry ended up under the table.

В этих конструкциях делается акцент именно на степень произведенного субъектом действия.

В данных результитивных конструкциях невозможно употребление глаголов восприятия (perception verbs) даже при наличии

определенного контекста. В качестве примера может быть представлен миф о Медузе (myth of Medusa), которая своим взглядом превращала людей в камень:

*Medusa saw the hero stone / into stone.

3. Модель с непереходными глаголами, где объект не является регулярным членом актантажной структуры глагола-сказуемого (Intransitive resultatives with a non-subcategorized NP), а результитивная фраза выражена прилагательным (AP).

[NP V(intrans) NP AP]

e.g. They drank the pub dry.

Очень часто в данных конструкциях используется *гипербола* с целью усиления выразительности и преувеличения сказанной мысли.

e.g. The joggers ran the pavement *thin*.

А. Голдберг [Goldberg 1995] отмечает, что это утверждение не может быть использовано для описания «естественного изменения толщины дорожного покрытия» («an actual change in the thickness of the pavement»), а употребляется в тех случаях, когда эти изменения произошли из-за того, что «люди бегали по нему».

Как отмечает О. В. Филиппова (ссылаясь на [Carrier, Randall 1992]), NP в данной конструкции часто, но не всегда, рассматривается как часть тела или предмет одежды субъекта действия. Здесь важно, что NP и XP не могут существовать друг без друга. Значение предложения складывается из двух типов предикаций, реализуемых во всех подобных результитивных конструкциях:

e.g. Kim ran the pavement *thin*.

*Kim ran the pavement.

*Kim ran *thin*.

The pavement became thin as a result of Kim's running.

4. Модель с непереходными глаголами и результитивной фразой, выраженной предложным сочетанием.

[NP V(intrans) NP PP]

e.g. She swept the broom *to pieces*.

Здесь результирующая конструкция передает специфическую информацию. Хотя в данном случае использование результирующей фразы мотивировано намерением говорящего подчеркнуть исход события, оно ограничено лексическими характеристиками отдельных глаголов, т. е. их коллокационными особенностями.

5. Конструкции с квазивозвратными глаголами (Fake Reflexive Resultatives)

[NP V(intrans) NP(reflexive) AP]

e.g. He ate himself *sick*.

e.g. The dogs would bark themselves *hoarse*.

e.g. John danced himself *breathless*.

Данные результирующие конструкции часто являются частью коллокаций¹ с определенными глаголами. Например, глагол *eat* чаще сочетается с *sick*.

Когда глагол *eat* появляется в результирующей конструкции, *the eating* необходимо интерпретировать как «продолжающееся в течение какого-то периода времени действие, приводящее к состоянию, связанному с перееданием»; это не может обозначать то, что именно «та еда, которую он съел, стала причиной его нездоровья».

В результирующих конструкциях вышеуказанной модели могут употребляться далеко не все прилагательные. Прилагательные «*asleep / awake*», «*open/shut*», «*flat / straight / smooth*», «*free*», «*full / empty*», «*dead / alive*» встречаются чаще всего.

А. Голдберг полагает, что большинство прилагательных, встречающихся в результирующих конструкциях, не имеют различных оттенков значения:

? *a little sober*

? *a little flat/smooth*

? *a little alive/dead*

? *a little free*

Г. Боас утверждает обратное: например, прилагательное *sober* в определенном контексте может иметь различные оттенки значения:

¹ Коллокация по мнению Г. Боаса это «сочетание слов, которые являются более предпочтительными, хотя и их семантическими эквивалентами [Boas 2003, с. 144].

After drinking all night, Chris woke up with a terrible headache and decided to go for a long run in order to run himself sober. However, after running for half a mile, Chris all of a sudden felt considerably better and decided that he could bear the remaining pain the rest of the day. He was so glad that he had run himself *a little sober* [Boas 2003].

О. В. Филиппова полагает, что данная конструкция включает переходный глагол, поэтому, чтобы образовать результивную конструкцию с вторичной предикацией, необходимо добавить как NP, так и XP (семантические компоненты не могут существовать друг без друга) [Филиппова 2011, с. 32]. Значение предложения определяется как глаголом-сказуемым, так и результивной фразой и может быть интерпретировано следующим образом:

e.g. John *danced* himself *breathless*.

As a result of dancing, John became breathless.

6. Модель с переходными глаголами и результивной фразой, выраженной квазиобъектом и прилагательным.

[NP V(intrans) NP(fake object) AP]

e.g. She danced her feet *raw*.

e.g. She sneezed her nose *red*.

Результивная конструкция может обозначать результивное состояние пациенса, отличающегося от прототипического. Постглагольный компонент NP это то, что обычно называют квазиобъектом, который играет роль в транзитивации переходных вариантов соответствующих глаголов. Г. Боас предлагает простой способ объяснения появления как квазиобъекта, так и результивной фразы. Эти участники события рассматриваются Г. Боасом как «фоновая» информация (off-stage information), или знания о мире. Они допускаются глаголом, таким образом позволяя говорящему выразить иную перспективу события, нежели общепринятую. Говорящий хочет взглянуть на событие с этой точки зрения, так как желает выразить нетрадиционный взгляд на вещи. Для этого он прибегает к смене перспективы (the event participant perspective shift).

7. Модель с неаккузативными глаголами и результивной фразой, выраженной прилагательным (AP):

[NP V (intrans) AP]

e.g. The lake froze rock *solid*.

Г. Боас пишет: «...verbs which do not require a fake object are unaccusative verbs» [Boas 2003, с. 7].

Однако в данных конструкциях возможно употребление не всех непереходных глаголов.

*She talked *hoarse*.

*At her wedding, she smiled *sore*.

*They coughed *sick*.

Выводы

Нами был установлен набор средств выражения (репрезентантов) концепта «состояние» в разных форматах текста, содержащих предикатно-аргументные группы (23 структурно-семантические модели).

Анализ показал, что образование моделей состояния возможно как при помощи лексических глаголов без результирующей фразы, так и при помощи глаголов с результирующей фразой, выраженной прилагательным, именной группой, наречием или предложным сочетанием. При образовании моделей потенциального результирующего состояния важно также учитывать морфологические формы глагола. В моделях актуального результирующего состояния актуальность состояния выражается как на грамматическом, так и лексическом уровнях. Во всех выделенных моделях синтаксическая структура определяется семантикой и классом глагола, задающего те или иные актантные позиции.

Таким образом, репрезентанты концепта «состояние» реализуют свою семантику на всех трех уровнях – лексически, морфологически и синтаксически, что соответствует нашему пониманию концепта «состояние» как гештальта. При этом частичная вербализованность этого концепта проявляется как в дискурсивной, так и в фоновой информации, не вербализованной в конкретной модели, но получаемой путем выводных знаний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Болдырева М. М. Сочетание to be с причастием II со значением результирующего состояния в современном английском языке : дис. ...канд. филол. наук. М., 1970. 177 с.
- Коротина В. И. Семантические типы предикатов состояния в английском языке : дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 192 с.

- Сорокина Т. С.* Диахроническая концептология: некоторые методики исследования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. Вып. 27 (660). Когнитивно-функциональное направление в лингвистике и лингводидактике: грамматические исследования. С. 9–21 (Языкознание).
- Филиппова О. В.* Подходы к исследованию результативных конструкций в современной англистике // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2011. Вып. 27 (633). Когнитивно-функциональное направление в лингвистике и лингводидактике: грамматические исследования. С. 22–49 (Языкознание).
- Boas H. C.* A constructional approach to resultatives. Stanford : CSLI Publications, 2003. 400 p.
- Carrier J., Randall J. H.* The argument structure and syntactic structure of resultatives // Linguistic Inquiry. 1992. № 23 (2). P. 173–234.
- Embick D.* On the structure of resultative participles in English // Linguistic Inquiry. 2004. № 35. P. 355–392.
- Fillmore Ch. J., Atkins B. T.* Towards a frame-based organization of the lexicon: the semantics of RISK and its neighbours // Frames, Fields and Contrasts: New Essays in Semantics and Lexical Organization / ed. Adrienne Lehrer and Eva Kittay. Hillsdale : Lawrence Erlbaum, 1992. P. 75–102.
- Goldberg A.* Constructions: A Constructional Grammar Approach to Argument Structure. Chicago : University of Chicago Press, 1995. 265 p.

УДК 811

О. Ю. Стародубова

кандидат филологических наук,
доцент каф. русского языка как иностранного ФГБОУ ВО МГЛУ;
e-mail: oystarodubova@mail.ru

ГЕНОМ ГОМЕРА КАК МЕХАНИЗМ ПРЕОДОЛЕНИЯ БАРЬЕРА В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена исследованию механизмов преодоления барьера в межкультурной коммуникации, а также ведущих факторов, способствующих формированию межкультурной компетенции инофона с учетом динамики современной гуманитарной картины мира и эволюции парадигмы научного знания от системцентризма к антропоцентризму. Также рассматривается проблема семантической адекватности интерпретации текста как механизма формирования устойчивой способности понимания социокультурных смыслов языковых единиц. На этом фоне особую актуальность приобретает понятие «профессиональная языковая личность», формирование которой обеспечивается целым рядом гуманитарных дисциплин.

Ключевые слова: антропоцентризм; геном Гомера; гуманитарная картина мира; языковая личность; инофон; текстоцентризм; межкультурная компетенция; интeриоризация; семантическая адекватность; апперцепционная база; транслятор ценностных ориентиров.

O. Yu. Starodubova

PhD in Philological sciences,
Assistant Professor of the department
of Russian as a foreign language, MSLU;
e-mail: oystarodubova@mail.ru

HOMER GENOME (SO-CALLED HOMER GENOME) AS A MECHANISM OF OVERCOMING AN OBSTACLE IN INTERCULTURAL COMMUNICATION

Ways of overcoming an obstacle in intercultural communication as well as the main factors, which not only provide steady development and stability of language education, but also contribute the process of forming intercultural competence of foreign speakers, are investigated in the article. These factors are studied in connection with a modern anthropocentric view of the world and a modern scientific paradigm which is now changing from regarding System as a primary scientific background to anthropocentrism. The author also raises the issue of semantic adequacy of interpretation of texts as a way of creating a sustainable ability to understand the sociocultural meanings of linguistic units. In this regard, of particular relevance is the concept of "a professional language personality", who is formed by a range of humanitarian disciplines.

Key words: anthropocentrism; Homer genome; the humanitarian view of the world; language personality; a foreign speaker; text-centrism; intercultural competence; interiorization; semantic adequacy; apperception base; remitter (sender) of values.

Вне текста нет ничего

Жак Деррида

Я понять тебя хочу, смысла я в тебе ищу

А. С. Пушкин

За последние десятилетия облик гуманитарных наук значительно изменился. Прежде всего отмечается многообразие предлагаемых подходов к решению проблем, относимых к разряду «вечных», а также обращение ученых к вопросам, которые априори не могут найти однозначного ответа. К числу таковых относится вопрос механизмов формирования аутентичной личностной, субъектной картины мира на основе гуманитарного знания (в том числе в лингвистическом аспекте межкультурной коммуникации), рассмотрение которого является **целью** данной статьи. В 1927 г. Г. Гессе писал: «Если бы у нас была наука, обладающая достаточным мужеством и достаточным чувством ответственности, чтобы заниматься человеком, а не просто механизмами жизненных процессов, если бы у нас было что-то похожее на антропологию...» [Гессе 1977, с. 168]. Теперь мечта Г. Гессе осуществилась – эта наука есть, но остаются вопросы, «черные дыры», «белые пятна», над которыми предстоит работа.

Антропоцентризм как доминанта современной научной парадигмы становится непременным компонентом любого знания, в том числе лингвистического.

Современная система образования ориентирована на понимание концепта под названием *человек*, он является центром притяжения внимания всех областей знаний, что вносит существенные коррективы в методологический аппарат науки, уточняет многогранный объект (язык) и перенаправляет вектор усилий в области целеполагания в обучении от системоцентризма (маргинальная парадигма научного знания) к антропоцентризму. Необходимость изучения человека в аспекте понимания связана с контекстом современности, а именно – с возможностью влияния на его ценностные ориентиры с позиции коррекции менталитета, межличностного и межкультурного общения,

целью которого, в контексте аккультурации, становится формирование межкультурной компетенции, развитие чуткости (чувствительности, толерантности, по определению М. Беннета). Это позволит инофону, постигающему чуждую культуру, постепенно преодолеть *культурный шок* (термин введен в научный оборот американским исследователем К. Обергом в 1960 г.) и успешно пройти ряд ступеней адаптации, достичь *культурной грамотности* (термин и теория американского культуролога Э. Хирша), предполагающей формирование апперцепционной базы (фоновых знаний), психологической и социальной идентичности, ценностных установок определенной культуры, а значит обрести способность воспринимать, понимать и продуцировать тексты на языке другого культурного кода [Hirsh 1988]. Такого рода знания позволят инофону взять любой текст и читать его с адекватным уровнем понимания не только эксплицитной, но и имплицитной информации, составляющей содержание тезауруса двуязычной личности. Для этого необходимо пройти ряд ступеней. Э. Хирш выделяет следующие уровни межкультурной компетенции:

- необходимый для выживания;
- достаточный для вхождения в чужую культуру;
- обеспечивающий полноценное существование в новой культуре – ее «присвоение»
- позволяющий в полной мере реализовать идентичность языковой личности [Hirsh 1988].

Таким образом, профессиональная деятельность лингвиста включает многоаспектное взаимодействие субъектов коммуникации, что требует от специалиста устойчивой способности понимания социокультурных смыслов языковых единиц. На этом фоне особую актуальность приобретает понятие «профессиональная языковая личность», формирование которой обеспечивает целый ряд гуманитарных дисциплин. В западной традиции нет деления на философию, лингвистику и литературоведение, – это комплекс научного знания, который покрывает сферу интереса человека к своей природе.

Картина мира в связи с антропоцентризмом подвергается метаморфозам и меняет свою номинацию с научно-технической на гуманитарную, включая не только национальный компонент, но и общечеловеческий (мировой). «Всё в человеке, всё для человека» – высказывание героя пьесы М. Горького «На дне», «Человек – мера

всех вещей», – утверждение древнегреческого софиста Протагора. Представители разных эпох и национальных менталитетов мыслят об одном и том же – антропоцентризме и... гуманизме. Постановка новой культуры в мировой контекст на первом этапе постижения отчасти способствует преодолению культурного шока – поиск точек соприкосновения, узнавание, идентификация.

Первооткрывателем в этой области был Гомер, который заявил, что каждый из нас является прежде всего носителем идеи гуманизма (она же смысл бытия), сняв тем самым национальные, возрастные, социальные и прочие границы, противоречия, препятствующие общению (и обучению). Настоящие писатели – от Гомера и до наших дней – были великими гуманистами: «Цели художества несоизмеримы (как говорят математики) с социальными. Цель художника не в том, чтобы неоспоримо разрешить вопрос, а в том, чтобы заставить любить жизнь в бесчисленных, никогда неистощимых всех ее проявлениях» [Толстой 1958, т. 61, с. 100]. Эпос Гомера пронизан и буквальный гуманизмом, почти христианским: умение прощать врагов, любить ближнего, жертвовать собой, страдание обнажают суть человека, возвращают нас к самим себе, учат ценить жизнь, способствуют развитию толерантности.

Тожественную типологическую ситуацию очищения через страдание находим в финале романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», фрагмент которого дает богатейший материал для работы лингвиста с точки зрения формирования комплексного знания о языке и культуре. И всё это увековечено в памяти потомков через текст. *Текстоцентризм* на современном этапе является основой лингвистического знания, базой формирования профессиональной языковой личности и ее компетенций.

Национальная идентичность, таким образом, перестает быть преградой постижения «инога круга», о котором говорил В. фон Гумбольдт [Гумбольдт 1980].

Формирование устойчивой способности адекватного восприятия смыслов языковых единиц обеспечивается пониманием характера эпохи, которое помогает инофону частично (особенно на первом этапе) преодолеть отчуждение нового культурного кода, снять барьер в межкультурной коммуникации, так как все мы – носители генома Гомера и только потом – национальной идентичности.

«Образование – это то, что остается у вас, когда вы забыли, чему вас учили», – это высказывание принадлежит Макс фон Лауэ, крупнейшему физика нашего времени, его идея заключается в том, что у образованного человека формируется *образ мыслей*, и он важнее фактов и формул. Иными словами, у образованного человека *иной уровень понимания, который является исходным феноменом мышления*.

Глобальная задача образования – активизировать мыслительные процессы, сформировать устойчивую мотивацию. «Мыслить человек начинает, когда у него появляется потребность что-то понять», т. е. чуждое знание перевести в свое [Рубинштейн 2015] – эта формула аксиоматична. Процесс интериоризации языка и культуры – сложно организованное, многоступенчатое усвоение нового, которое предполагает понимание не только лингвистического материала, но прежде всего его ментальной основы. Процесс интериоризации, понимания текстов исследователем (особенно инофоном) представляет собой множественное перекодирование, многократную операцию свертывания и развертывания суждений и зависит от многих компонентов: от знания языка, особенностей культуры, специфики исторических условий, национальных особенностей, социальной психологии той среды, в которой были созданы тексты. «Психический процесс в ходе восприятия текста предстает ... не как произвольная последовательность только лишь субъективных впечатлений, а как реализация определенных указаний, направляющих восприятие» [Яусс 1995, с. 60].

Согласно концепции Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1999], понимание задано до процесса общения. «Понимание языка» не отличается от «знания языка», «семантической компетенции», от того, что Ф. Шлейермахер называл «грамматической интерпретацией». Воспринимаемое языковое выражение первоначально выступает как неизвестное, которое наполняется содержанием (= значением) в процессе интерпретации.

«Вне текста нет ничего», – трудно не согласиться с утверждением Жака Деррида, французского философа и теоретика литературы эпохи деструктивизма, постмодерна, по глубокому утверждению которого, мир следует воспринимать как текст, который, в свою очередь становится единственно возможной моделью реальности, а язык, вне зависимости от сферы своего применения, функционирует по своим законам, и мир постигается человеком лишь в виде «литературного» дискурса.

При этом первостепенной задачей транслятора знаний (культурных кодов) является обозначение следующей установки восприятия текста как исходной точки *объективной атрибуции*: *глубинный смысл, концепция любого произведения всегда контекстуальна*, т. е. неразрывно связана с характером эпохи, на фоне которой формируется авторская модальность. Ведь по замечательному выражению А. С. Пушкина, «художника следует судить по законам, им самим над собой созданным. Если это будет показано в ходе анализа текста, то закономерным результатом станет осознание авторских интенций и способа их материализации, что и составляет сущность восприятия, усвоения.

Поэтому при анализе текстов разных эпох *необходимо сформировать представление о логике историко-культурного процесса, меняющей ценностный собирательный портрет автора определенного периода*, иначе мы будем обречены в лучшем случае на *когнитивный диссонанс* при восприятии, например, теоретических текстов постмодерна, скорее напоминающих художественное полотно, в худшем – на пустые претензии автору. Вспомним шквал критики, обрушившейся на А. Терца (Синявского) после выхода его книги «Прогулки с Пушкиным», в которой традиционная гениальность классика граничит с пустотой. Всему виной незнание законов постмодерна – игра с читателем, создание новой реальности, которая исключает буквалистское, столь привычное реалистическое восприятие текстов культуры. Так возникает *радикальный антитекстуализм*, по законам которого и следует судить художника. Одним из ярких представителей этого направления в современной отечественной литературе является Д. Пригов, знакомство с текстами которого (в сравнении с классикой русского концепта) позволит сделать выводы о динамике картины мира и языкового сознания.

Ракурс восприятия личности сквозь призму ее сознания, т. е. как феномена культуры и как порождение Гутенбергеровой цивилизации, позволяет постструктуралистам уподобить самосознание человека некоторой сумме текстов в той массе различного характера, которая, по их мнению, и составляет мир культуры. Весь он в итоге воспринимается как бесконечный, безграничный текст.

Таким образом, текстуальность у постмодернистов становится формой организации знания, графической перкуссией человеческого мышления. Жизнь доступна пониманию только в текстовом

формате – это позиция бытия-в-тексте. Поэтому, когда Деррида говорит о том, что «вне текста нет ничего», то речь идет, скорее, о том, что всё мыслимо в тексте, всё является частью текста (мира). Это та изначальная *текстуальность мышления*, через которую и в рамках которой рождалась сама культура. «Наши представления о тексте с точки зрения соотношения его с реальностью – это бесконечный выход за пределы его классического представления. Это проламывание в радикальную инаковость текста» [Философия и литература 1993, с. 151].

Интерпретация (основы герменевтики) текста предполагает и знакомство с безэквивалентной лексикой, формирующей концепт национального менталитета, а также погружение в контекст фоновых знаний (историко-культурного контекста), формирующих устойчивую связь уровней языка.

Подлинную историю культуры пишет не историк, а художник. «На стекла вечности уже легло мое дыхание, мое тепло», – так архивирует память об эпохе О. Манделштам. *Художественная литература* – важнейший инструмент формирования внутреннего мира человека. Чтение Достоевского, например, повлияло на мысли А. Эйнштейна больше, чем знакомство с иными научными трудами.

Грамматика также изучается не в изолированном формате, а в пространстве текста, в котором материализуется картина мира. В большинстве языков, например, категория времени грамматикализована, а пространство – нет. В разных языках по-разному оформлена потребность осмысления, фиксации пространственно-временной организации картины мира, но при этом означенные категории сохраняют семантический фактор. Грамматика семантична и стилистична в контексте художественного пространства. Законченное или длительное действие способно кардинально изменить авторское отношение к происходящему и саму картину действия. «Творец всегда изображается в творении и часто – против своей воли». И. Бродский, например, открыто в форме фантастики и в то же время в режиме реального действия сопрягает в пьесе «Мрамор» пространство и время разных эпох, используя имперфективы, автор показывает, что времена меняются, но мы не меняемся вместе с ними, вопреки мнению классика (*tempora mutantur et nos mutamur in illis*).

Лингвистические механизмы формирования авторских интенций, хронотоп (его стилистика) независимо от конкретного времени

создают целостную аксиологическую константу, служащую ориентиром в эпоху антропоцентризма, НТП. Как не утратить геном Гомера, всё еще встроенный в ДНК человека? Это глобальный вопрос современной науки при всех нанотехнологиях, если мы забудем о нем, человечество рискует утратить генетическую идентичность.

При этом текст становится носителем скрытого смысла, в постижении которого ведущую роль играет *пресуппозиция* – фоновые предтекстовые знания, дающие возможность семантически адекватной трактовки, сообразной духу автора и эпохи. В противном случае созданная автором реальность утратит глубинный и вообще какой-либо смысл. Например, если не знать некоторых обстоятельств жизни М. Ю. Лермонтова, то его экспромт можно воспринять как простую шутку. В действительности это предсмертное послание:

Ну вот теперь у вас для разговоров будет
 Дня на три тема.
 И верно в вас к себе участие возбудит
 Не Миллер – Эмма.

– Архитектура смысла восстанавливается из энциклопедической пресуппозиции: так кто же такие загадочные Эмма и Миллер? М(ихаил) Ма(ртынов) и Ми(хайл) Лер(монтов), а диалог автор ведет с Эмилией Александровной» [Брудный 1998, с. 178].

Как часто *ножницы смысла* (эзопов язык) делают текст закрытым для понимания объектом, если читатель не готов к восприятию. Именно в этом и заключается ***первостепенная задача транслятора*** ценностей (знаний) инофону – *обеспечить возможность аутентичного понимания, сопроводив исходную фактическую информацию соответствующим контекстом картины мира, сформировать потребность интер- и контекстуального восприятия любого текста.*

Семантическая адекватность является одной из центральных проблем, которые изучает теория понимания и общая семантика, но особое значение она имеет для практики преподавания и индивидуальной работы с текстами. С ней постоянно сталкиваются те, кто переводит и пытается понять смысл. Любой текст закладывает семантический (интерпретативный) коридор смысла и ... *ножницы смысла*, при наличии которых поверхностная структура текста иногда становится прямой противоположностью глубинной (концептуальной), в другом случае параллельное (независимое) сосуществование двух пространств

смысла. Например, в годы Второй мировой войны в Швейцарии был принят закон, запрещающий убивать животных без предварительного оглушения. На поверхности (фактический слой текста, выраженный буквально, словесно) – гуманное отношение к животным, но с учетом хронотопа благая цель превращается в геноцид: закон спровоцировал отток евреев, для которых подобным образом полученная пища считается некошерной.

Что хотел сказать автор, что у него вышло и каков предел полифонии смыслов, считываемых при восприятии текста? Истинно ли оно или автор имел в виду нечто иное? Результатом подобных экспериментов с прочтением текста и устойчивым константным приемом соотношения эксплицитности и имплицитности становится когнитивный диссонанс как исходная точка и неперемный атрибут мышления, понимания, а значит, постижения и обучения, в ходе которого постепенно происходит перекодирование концептуальных смыслов, исходного кода, картины мира, т.е. переход со знаковой системы одного языка на другой.

В гуманитарных научных дисциплинах (в том числе педагогически ориентированных) проблема семантической адекватности особенно значима: требования к художественному переводу постоянно совершенствуются, обсуждаются новые варианты понимания и порождения политических, публицистических, рекламных, исторических, художественных текстов. Методика буквалистов может быть применима далеко не всегда и по объективным в том числе причинам. Например, точный перевод стихотворения Г. Гейне «Сосновое древо стоит одиноко» из «Книги песен» (1827) представляется весьма затруднительным по причине грамматической несовместимости языков. Дело в том, что в немецком слово *sosna* мужского рода, а в русском – женского. Как же решить эту деликатную проблему? Общеизвестно, что переводчик – соавтор, творец нового, вторичного текста на основе актуализации одного из возможно заложенных аспектов смысла. В этом плане для аутентичного восприятия полезен интертекстуальный подход (в том числе сопоставление разных вариантов перевода).

Интертекстуальность – необходимое условие адекватного понимания также и при анализе *прецедентного текста*, который должен стать центром притяжения внимания не только тех, кто обучает инофонов, но

и носителей языка с точки зрения постижения целостного конструкта под названием *архитектура смысла* в процессе эволюции.

Подведем итоги. В современном мире текст становится смыкающим компонентом акта коммуникации, соединяя автора одного ментального пространства с читателем другого. Понимание культуры и ее стержня, способствующее формированию аутентичной профессиональной языковой личности, связано с *текстом*, который, являясь феноменом культуры, хранит ментальную информацию (грамматизированный концепт), и одновременно становится катализатором мыслительных процессов (образования). Текст как механизм формирования концепта архивирует ценностную систему и является в связи с этим носителем идеи гуманизма. Архитектура текста (особенно художественного) отражает модель устройства мира, одна из ключевых ролей в этом процессе отводится геному Гомера, который способствует нейтрализации барьера в межкультурной коммуникации.

Таким образом, понимание художественного пространства изучаемого языка ведет и к построению обучающимся грамматики, порождающей текст, и к постижению набора аксиом, существенно зависящих как от языка (в этом смысле вполне подтверждается идея Сепира-Уорфа), так и от социальных и историко-культурных условий, иначе говоря, смысл и язык срастаются с нормами оценки, системы ценностей и поведения. Язык регулирует простые формы человеческого поведения, поскольку понимание того, *что такое хорошо и что такое плохо* в разных культурах отличны, а потому постижение текстов изучаемого языка – это постижение культуры не эпатажных поведенческих реакций, так как в сознании реципиента подобной информации формируется понятийный аппарат, составляющий тезаурус 2, т. е., по Ю. Караулову, задействуются концептуальные, когнитивные и прагматические аспекты языковой личности, а не только и не столько вербально-семантический компонент.

Развитие потенциала *языковой личности* как первостепенная задача образования вообще и риторической герменевтики в том числе, отчасти заключается в освоении лингвоинтерпретационных методов, позволяющих не только адекватно воспринимать, но и *создавать текст*, а также не поддаваться внушению, освобождающему от критической оценки информации. В наше время особенно важно задача массового обучения наиболее эффективным речевым действиям,

поэтому существенна интеграция всех областей гуманитарного знания, в том числе герменевтики и риторики, так как последняя является безусловным центром речемыслительных действий. Все это свидетельствует о значимости риторической доминанты образования, что снижает возможность не критического, нерелексивного усвоения информации. Качественно понимая *чужой* текст, мы создаем *свой* – это и есть развитие потенциала языковой личности и устойчивость лингвистического образования

Теоретическая опора познавательного и речетворческого процессов, полученная в процессе работы с текстом, повышает уровень стабильности статуса и компетентности языковой личности в условиях особенно межкультурного общения. Воспитание межкультурной компетентности включает комплекс социальных навыков и способностей, при помощи которых индивидуум успешно осуществляет общение с представителями других культур как в бытовом, так и в профессиональном контексте. Компетентность личности способствует преодолению иллюзорности и коммуникативных барьеров.

Перефразируем известное: язык нам дан не только для того, чтобы скрывать свои мысли. «Мысль изреченная есть ложь», а потому «... всегда следует постигать не слова, а то, что они обозначают» (*Климент Александрийский*). «А в одном риторика и герменевтика глубоко родственны: и умение говорить, и умение понимать – это естественные человеческие способности...» [Гадамер 1991, с. 193].

Текстовая природа гуманитарного знания и преимущественное использование аналитических методов исследования позволяют говорить об общей методологии гуманитарных наук и о ее отношении к философским методологическим концепциям. Текст в этом плане играет роль ведущего инструмента формирования устойчивой лингвистической компетентности профессиональной языковой личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Бахтин М. М.* Из черновых тетрадей / публ. В. В. Кожина ; подготовка текстов В. И. Словецкого. М. : Литературная учеба, 1992. Кн. 5–6. С. 153.
- Брудный А. А.* Психологическая герменевтика. М. : Лабиринт, 1998. 336 с.
- Гадамер Г. Г.* Актуальность прекрасного. М. : Искусство, 1991. 368 с.
- Гессе Г.* Степной волк // Иностранная литература. М., 1977. № 4. С. 168.

- Гумбольдт В. фон.* О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1984. 400 с.
- Зусман В. Г.* Концепт в культурологическом аспекте // Межкультурная коммуникация. Н.-Новгород : Деком, 2001. 314 с.
- Кайда Л. Г.* Стилистика текста: от теории композиции – к декодированию. М. : Флинта, 2004. 208 с.
- Кузнецов В. Г.* Герменевтика и гуманитарное познание. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1991. С. 191.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб. : Питер, 2015. 720 с.
- Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. : в 90 т. Юбилейное изд. Т. 61. 1958. С. 100.
- Философия и литература: Беседа с Жаком Деррида // Жак Деррида в Москве: деконструкция путешествия. М. : Ad Marginem, 1993. С. 153.
- Яусс Х. Р.* История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. М., 1995. № 12. С. 34–84.

УДК 81:801.73

И. В. Хорькова

кандидат исторических наук,
доцент каф. классической филологии ФГБОУ ВО МГЛУ;
e-mail: stauross@yandex.ru

ЭПИХЕЙРЕМА ГАЛЕНА – ПОЛИСИЛЛОГИЗМ ИЛИ РАССУЖДЕНИЕ?

Статья посвящена вопросу употребления логического термина «эпихейрема» в недавно переведенном с древнегреческого языка философско-медицинском трактате известного римского врача и философа Галена «Об учениях Гиппократ и Платона». Сам факт перевода трактата на русский язык имеет большое значение и представляет интерес не только для медиков и историков медицины, но и для филологов-классиков и историков Античности. Однако поскольку перевод делался с учетом интересов всех перечисленных научных специальностей, то термин «эпихейрема» при переводе был заменен на более понятные и общедоступные – аргумент, умозаключение, рассуждение. Однако термин «эпихейрема» в логике имеет конкретное определение, а именно, – понимается как сокращенный силлогизм, где обе посылки являются энтимемами, или как полисиллогизм, состоящий из энтимем. Поэтому следует рассмотреть вопрос, в каком именно качестве употребляет этот термин автор трактата.

Применяя к тексту Галена формулу эпихейремы, мы убеждаемся, что во многих случаях это слово употребляется как логический термин. В некоторых случаях римский философ придает слову «эпихейрема» явно негативный оттенок. Гален устанавливает классификацию, подразделяя эпихейремы на научные, диалектические, риторические и софистические. Как врач-практик и известный ученый Гален считает возможным использование в полемике научных и отчасти риторических эпихейрем.

Ключевые слова: античная философия; античная логика; логическая терминология; Гален; античная риторика.

I. V. Khorkova

Ph.D. (History), Assoc. Prof., Classical Philology, MSLU;
e-mail: i@stauross.ru

GALEN'S ἘΠΙΧΕΙΡΗΜΑ – POLYSYLLOGISM OR REASONING?

Article is devoted to a question of the use of the logical term “ἐπιχείρημα” in the philosophical and medical treatise by the famous Roman doctor and philosopher Galen which is recently translated from Ancient Greek language “On the doctrines of Hippocrates and Plato”. The fact of the translation of the treatise into Russian is of

great importance and is of interest not only to physicians and historians of medicine, but for philologists and historians of antiquity as well. However as the translation became taking into account the interests of all listed scientific specialties, the term “ἐπιχείρημα” was replaced by more clear – argument, conclusion, reasoning. However the term “ἐπιχείρημα” in logic has absolutely concrete definition, namely, is understood as the reduced syllogism where both parcels are entimema or as the polysyllogism consisting from entimemas. Therefore it is represented reasonable to consider a question in what quality the author of the treatise uses this term.

Applying an ἐπιχείρημα formula to Galen’s text, we understand that in many cases this word is used as the logical term. In certain cases the Roman philosopher betrays to the word “ἐπιχείρημα” obviously negative shade. Galen establishes classification, subdividing ἐπιχείρημα on scientific, dialectic, rhetorical and sophistical. As the expert doctor and the famous scientist Galen finds possible use in polemic scientific and partly rhetorical arguments.

Key words: antique philosophy; antique logic; logical terminology; Galen; antique rhetoric.

В статье речь пойдет об употреблении логического термина «эпихейрема» в недавно переведенном с древнегреческого языка философско-медицинском трактате известного римского врача и философа Галена (129/131–200/217 н. э.) «Об учениях Гиппократата и Платона». Первые пять книг трактата вышли отдельным, третьим, томом в серии «Corpus Galenicum» в конце 2016 г. [Гален 2016]¹. Трактат носит отчасти медицинский, отчасти философский характер, хотя здесь есть место и литературе, и риторике. Сам факт перевода трактата на русский язык имеет большое значение и представляет интерес не только для медиков и историков медицины, но и для филологов-классиков и историков Античности. Однако поскольку перевод делался с учетом интересов всех перечисленных научных специальностей, то некоторые термины, в том числе «эпихейрема», при переводе были заменены на более понятные и общедоступные, в данном случае – аргумент, умозаключение, рассуждение. Тем не менее термин «эпихейрема» (от древнегреческого ἐπιχείρημα – попытка, начинание, предприятие, затея) в логике имеет конкретное определение, а именно – понимается как сокращенный силлогизм², где обе посылки являются энтимема-

¹ Автор статьи принимала участие в переводе.

² Силлогизм – это вид рассуждения, в котором две посылки, связывающие субъекты и предикаты, объединены общим термином, обеспечивающим замыкание понятий в заключении.

ми¹, или как полисиллогизм², состоящий из энтимем. Формула эпихейремы такова: А есть В, так как оно есть С. D есть А, так как оно есть F. Следовательно, D есть В (В = С, А = С, следовательно, А = В и F = А, D = F, следовательно, D = А).

В трактате Галена слово «эпихейрема» встречается довольно часто (мы имеем в виду древнегреческий оригинал). Конкретная наполненность этого термина в логике делает резонной попытку проследить, какой смысл вкладывает в понятие «эпихейрема» известный философ и эскулап II в. н. э., придворный врач императоров Марка Аврелия и Коммода. Понимает ли Гален под эпихейремой именно определенный выше логический термин, или же более общее понятие, обозначающее умозаключение, рассуждение вообще. Мы провели небольшое исследование, результаты которого и предлагаем вашему вниманию.

На страницах трактата разворачивается острая полемика автора с его главным оппонентом – Хрисиппом из Сол (281–208 до н. э.), считавшимся вторым основателем стоической школы. Аргументация Галена весьма разнообразна по характеру, включает как научные, так и риторические доводы.

Обратимся к началу второй книги, где Гален подвергает критическому разбору пассаж Хрисиппа об управляющей силе души (ἡγεμονικόν) [Гален 2016, 2.2.10–11]. Хрисипп пишет следующее:

Οὕτως δὲ καὶ τὸ ἐγὼ λέγομεν, κατὰ τοῦτο δεικνύντες ἑαυτοὺς ἐν ᾧ φαίνεσθαι διάνοιαν εἶναι, τῆς δειξέως φυσικῶς καὶ οἰκείως ἐνταῦθα φερομένης· καὶ ἄνευ δὲ τῆς κατὰ τὴν χεῖρα τοιαύτης δειξέως νεύοντες εἰς αὐτοὺς τὸ ἐγὼ λέγομεν, εὐθύς καὶ τῆς ἐγὼ φωνῆς τοιαύτης οὔσης καὶ κατὰ τὴν ἐξῆς ὑπογεγραμμένην δεῖξιν συνεκφερομένης.

Мы говорим «ἐγὼ» таким образом, что показываем на самих себя туда, где очевидно находится дух, указание сюда происходит подходящим и естественным образом; кроме этого указания рукой мы, кивая на себя, говорим «ἐγὼ», и это слово «ἐγὼ» является и изображается ниже описываемым указанием³.

¹ Энтимема – силлогизм, в котором одна из посылок опущена.

² Полисиллогизм – это несколько простых силлогизмов, где заключение предшествующего силлогизма становится посылкой следующего.

³ Здесь и далее перевод авт. – И. Х.

τὸ γὰρ ἐγὼ προφερόμεθα
κατὰ τὴν πρώτην συλλαβὴν
κατασπώντες τὸ κάτω χεῖλος εἰς
αὐτοὺς δεικτικῶς· ἀκολούθως δὲ
τῆ τοῦ γενείου κινήσει καὶ ἐπὶ τὸ
στήθος νεύσει καὶ τῆ τοιαύτῃ δείξει
ἢ ἐξῆς συλλαβῆ παράκειται οὐδὲν
ἀποστηματικὸν παρενημαίνουσα,
ὅπερ ἐπὶ τοῦ ἐκεῖνος συντέτευχεν.'

Мы произносим «ἐγὼ», зримо
оттягивая на первом слоге нижнюю
губу вниз на себя; следующий слог
соответствует движению подбородка,
наклону к груди и этому указанию
на себя, и никак не обозначает
дальности, как это происходит
в слове «ἐκεῖνος» (тот).

Далее следует опровержение и, наконец, вся вторая глава заканчивается заключением Галена о том, что «все эти эпихейремы не соответствуют исследуемому предмету» [Гален 2016, 2.2.23]. Здесь употребляется именно слово ἐπιχείρημα, т. е. можно предположить, что приведенный отрывок Хрисиппа Гален относит к названной категории силлогизмов.

Действительно, если мы добавим в фрагмент из Хрисиппа недостающие звенья, которые Гален либо проговаривает чуть раньше, либо опускает, мы получим следующий силлогизм: Я «ἐγὼ» – это, прежде всего, руководящая сила души. Поскольку, произнося «ἐγὼ», мы указываем рукой и подбородком на свое сердце, следовательно, считаем, что «ἐγὼ» находится в сердце. Значит, руководящая сила души находится в сердце. То есть приведенный фрагмент вполне укладывается в приведенную выше формулу эпихейремы.

Следующий интересный для исследования отрывок находится в середине второй книги. Здесь речь идет о расположении сердца и головного мозга в теле человека и связанных с этим умозаклучениях [Гален 2016, 2.4.12]. Гален пишет:

τὰ μὲν οὖν τῆς θέσεως ὧδε
ἔχει τῆ καρδίᾳ καὶ δύναιτ' ἂν τις
ἀπ' αὐτῆς ἐπιχειρήματα ποιεῖσθαι
τῆ μὲν ὡς πρὸς τὸ σύμπαν σῶμα,
διότι μέσον πῶς αὐτοῦ κείται
δικαίας ἕνεκα νομῆς ὧν ἐπιπέμπει
δυνάμεων αὐτῷ, τῆ δὲ ὡς πρὸς τὴν
τραχεῖαν ἀρτηρίαν, ὅτι τὴν φωνὴν
διὰ ταύτης ἐκπέμπει.

Итак, вследствие такого расположения сердца, некто может составить относительно него (сердца) такие эпихейремы: сердце располагается где-то в середине тела для правильного распределения посылаемых ему сил; сердце посылает звук при посредстве трахеи.

Первая из приведенных Галеном эпихейрем, по-видимому, должна звучать так: «Руководящая сила души посылается во все части тела. Удобнее всего посылать энергию из центра тела. В середине тела располагается сердце. Значит, руководящая сила души находится в сердце». Вторая должна выглядеть так: «Голос должен исходить из руководящей силы души. Руководящая сила находится в центре тела, то есть в сердце. Из сердца исходит артерия, встречающаяся с трахеей. Значит, звук посылается руководящей силой души из сердца через трахею». И здесь мы видим соответствие материала формуле эпихейремы.

Переходим к третьей книге. В ее начале встречаем цитату из Хрисиппа, предваряемую такими словами Галена: «Затем последовательно приводя эти эпихейремы, он пишет буквально следующее» [Гален 2016, 3.1.24–25], т. е. и эта цитата из Хрисиппа обозначена у Галена именно словом «эпихейрема». И далее:

κοινῇ δὲ μοι δοκοῦσιν οἱ πολλοὶ φέρεσθαι ἐπὶ τοῦτο ὡσανεὶ συναισθανόμενοι περὶ τὸν θώρακα αὐτοῖς τῶν κατὰ τὴν διάνοιαν παθῶν γιγνομένων καὶ μάλιστα καθ' ὃν ἡ καρδία τέτακται τόπον, οἷον μάλιστα ἐπὶ τῶν λυπῶν καὶ τῶν φόβων καὶ ἐπὶ τῆς ὀργῆς καὶ μάλιστα τοῦ θυμοῦ· <ὡσανεὶ γάρ> ἐκ τῆς καρδίας ἀναθυμωμένου καὶ ὠθουμένου ἐκτὸς ἐπὶ τινα καὶ ἐμφυσῶντος τὸ πρόσωπον καὶ τὰς χεῖρας γίνεσθαι ἡμῖν ἐμφάσεις.'

Как мне кажется, подавляющему большинству представляется, словно они все вместе чувствуют областью своей грудной клетки, как в сознании рождаются страсти, и более всего в том месте, где расположено сердце, это происходит больше всего во время страданий и страхов, в злобе, и более всего в гневе; словно [нечто] испаряется из сердца, выносится прочь и вдвухается в лицо и руки, так проявляются в нас признаки.

Коротко говоря, эта эпихейрема должна выглядеть следующим образом: «Люди чувствуют, что страсти рождаются в грудной клетке. В грудной клетке находится сердце. Особенно явно рождение в груди страдания, страха, злобы, гнева. Страдание, страх, злоба, гнев есть страсти (πάθος). Страстями руководит яростное начало (θυμοειδές). Следовательно, яростное начало находится в сердце». Вновь мы видим соответствие высказывания приведенной выше формуле эпихейремы.

Итак, приведенные фрагменты свидетельствуют о том, что смысл, который вкладывает Гален в термин эпихейрема, соответствует

общему понятию логики. Однако, в его сочинении встречаются и другие упоминания термина, окрашенные несколько иначе. Говоря о последователях Зенона и Хрисиппа, он пишет [Гален 2016, 2.3.9]:

ὄθεν ἀναμέμκται φύρδην ἐν τοῖς βιβλίοις αὐτῶν ἐφεξῆς ἅπαντα τὰ λήμματα καὶ πολλακίς ἡγεῖται μὲν, εἰ οὕτως ἔτυχε, ῥητορικὸν ἐπιχείρημα, τοῦτω δ' ἔπεται γυμναστικὸν τε καὶ διαλεκτικὸν, εἴθ' ἐξῆς ἐπιστημονικόν, εἴθ', οὕτως εἰ ἔτυχεν, σοφιστικὸν οὐκ εἰδῶτων ὡς τὰ μὲν ἐπιστημονικὰ λήμματα πρὸς τὴν οὐσίαν ἀναφέρεται τοῦ ζητουμένου καὶ τοῦτον ἔχει τὸν σκοπόν·

В их книгах беспорядочно перемешаны все посылки: если так случилось, то часто всему предшествует риторическая эпихейрема, затем следует тренировочная и диалектическая, затем научная, потом софистическая. Они не были осведомлены, что научные посылки обращаются к сущности исследуемого и это имеют целью.

Таким образом, Гален разделяет эпихейремы на риторические, диалектические, софистические и научные. Часто он заменяет слово «эпихейремы» на слово «λήμματα» (посылки). К диалектическим эпихейремам (по Галену) относятся те, которыми «пользуется диалектик для того, чтобы упражняться, опровергать софистов ... сомневаться и действовать» [Гален 2016, 2.3.10]. Другое их название – тренировочные и топические (καὶ γυμναστικὰ καὶ τοπικά). Убеждающие или риторические (πιθανὰ τε καὶ ῥητορικὰ) эпихейремы находятся еще дальше от истины. Они основаны на общеупотребительных умозаключениях и свидетельствах [Гален 2016, 2.3.11]. Однако наихудшие из них – софистические эпихейремы, поскольку более всего отошли от сущности исследуемого предмета, используя для доказательства двусмысленность [Гален 2016, 2.3.11].

Вот пример негодной, с точки зрения Галена, эпихейремы (отметим, что у нашего автора употреблено именно это слово) [Гален 2016, 3.5.8]:

μετὰ ταῦτα δ' ὁ Χρυσίππος τοιαῦσδ' ἐτέρας μέμνηται· αἱ δὲ γυναῖκες καὶ μᾶλλον τι τοῦτων ἐμφαίνουσιν. εἰ γὰρ μὴ καταβαίνει αὐταῖς τὰ λεγόμενα, πολλακίς τὸν δάκτυλον καταγόουσιν ἕως τοῦ κατὰ τὴν καρδίαν τόπου, οὐ φάσκειν καταβαίνειν ὧδε τὰ εἰρημένα·

После этого Хрисипп упоминает и нечто другое: «Женщины выражают и нечто больше этого. Если сказанное у них не укладывается, они часто проводят пальцем вплоть до того места, где сердце, говоря, что сказанное не укладывается здесь».

Это значит: «Когда женщины чего-то не понимают, они указывают пальцем в область сердца. Следовательно, сердце есть средоточие сознания». Гален опровергает этот довод легко и изящно: указывая на сердце, женщины не отрицают, что поняли сказанное. Они хотят этим подчеркнуть, что сказанное не вызвало в них эмоций. Значит в сердце находится не разумная, а яростная часть души [Гален 2016, 3.5.10–13]. Хотя здесь автор и пользуется методом оппонента, все же он считает правильным употреблять в научном труде только научные эпихейремы, основанные на практическом опыте и анатомии. Упомянутый довод Хрисиппа, по мнению Галена, не должно приводить ни риторю, ни тем более философу [Гален 2016, 3.5.18]. Вообще же для учёного допустимо использование только научных и убедительных эпихейрем [Гален 2016, 3.1.20].

Таким образом, мы находим у Галена фактически классификацию эпихейрем с точки зрения их отношения к научному методу исследования.

Наконец, встречаются у Галена и явно негативные характеристики эпихейремы [Гален 2016, 2.3.25]. Он пишет:

πρὸς μέντοι τοὺς Στωϊκοὺς ἀναγκαῖόν ἐστι μακρὸν ἀνύεσθαι λόγον, ἀνθρώπους ἐν μὲν τοῖς ἀχρήστοις τῆς λογικῆς θεωρίας ἰκανῶς γεγυμνασμένους, ἐν δὲ τοῖς χρησίμοις ἀγυμναστοτάτους τε ἅμα καὶ μοχθηραῖς ὁδοῖς ἐπιχειρημάτων ἐντεθραμμένους· ὥστε ἀναγκαῖον εἶναι μὴ μόνον διδάσκειν αὐτοὺς ὅσον χρηστὸν ἀλλὰ πολὺ πρότερον ἀποστήσαι τοῦ μοχθηροῦ.

Впрочем, есть необходимость произнести пространную речь против стоиков, людей достаточно подкованных в бесполезных логических теориях, полезным же необученных и одновременно воспитанных на негодных методах эпихейрем; поэтому необходимо не только, чтобы они научились полезному, но чтобы прежде отказались от вредного.

Касательно Хрисиппа и его последователей: «Их книги наполнены негодными эпихейремами» [Гален 2016, 4.1.1].

Итак, можно констатировать, что в основном употребление термина «эпихейрема» у Галена соответствует его определению в логике. Однако изредка это слово перестает носить нейтральный характер логического термина, но приобретает некоторый негативный оттенок. В целом, создается впечатление отрицательного отношения Галена к эпихейреме и вообще к силлогистическим умозаключениям, не

основанным на практическом опыте. По мнению Галена, такие методы легко могут завести ученого мужа в дебри софистики. Само понятие «софистика» уже носит у нашего автора негативный характер. Хотя сам он и рискует опровергать эпихейремы стоиков, пользуясь их же методом, тем не менее в его сочинении отчетливо прослеживается рационалистическая позиция врача, строящего доказательства на основе практической анатомии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гален. Сочинения. Т. 3 / пер. с др.-греч.: З. А. Барзах, И. В. Хорькова. М. : Практическая медицина, 2016. 560 с.*
- Балалькин Д. А., Щеглов А. П., Шок Н. П. Гален: врач и философ. М. : Весть, 2014. 416 с.*
- Копцева Н. П., Резникова К. В., Добряева И. С. Проблема методологии античного естествознания и анализ второй книги трактата Галена «Об учениях Гиппократ и Платона» // СХОЛН. Vol. 9. 1 (2015). С. 45–55.*
- Kalbfleisch C. In Galeni De Placitis Hippocratis et Platonis libros Observationes Criticae. Berolini, 1892. 50 S.*
- Pearcy L. T. Galen and Stoic Rhetoric // Greek, Roman and Byzantine Studies 24. 1983. P. 259–272.*
- Tracy T. J. Plato, Galen and the Center of Consciousness // Illinois Classical Studies, I. 1976. P. 43–52.*

СМЫСЛОВЫЕ ПРОСТРАНСТВА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

Настоящая статья представляет собой описание новой, комплексной методики анализа смысловых пространств, сочетающей когнитивное моделирование и достаточно формализованную методику компонентного анализа семантики языковых единиц. Цель статьи – показать, насколько плодотворным для когнитивной лингвистики может стать соединение методов традиционной семантики и когнитивно-дискурсивного подхода к анализу различных единиц языка. В статье подчеркивается, что термин «смысловое пространство» употребляется для обозначения сложного структурно-семантического образования, существующего как на ментальном, так и на языковом уровне. На ментальном уровне смысловое пространство базируется на фрейме, а на языковом представляет собой особым образом организованную систему семантических полей, опирающуюся на общую фреймовую структуру. Автор подчеркивает, что как в процессе построения фрейма, так и в ходе выявления семантических компонентов, семантических признаков, концептуальных признаков, их дальнейшего ранжирования и выделения ключевых признаков – семантических доминант, ведущая роль отводится словарной дефиниции, поскольку она обладает рядом бесспорных преимуществ. В статье предлагается «дорожная карта» по анализу смысловых пространств, в качестве примера автор избирает одно из крупнейших и структурно сложных ментальных образований – смысловое пространство «Power», выделяя пять основных этапов анализа: лексикографическое портретирование ключевой леммы – имени СП; ранжирование семантических признаков по степени релевантности; построение исходной фреймовой структуры; построение структуры СП и установление семантических доминант каждого из его семантических полей; соотнесение выделенных семантических доминант с исходной фреймовой структурой и выявление общего фрейма как единого концептуального основания СП. На всех этапах анализа подчеркивается исключительная значимость лексикографического описания для успешной реализации всех исследовательских шагов. В заключение автор отмечает новизну разработанной методики и ее перспективность для исследования смысловых пространств на материале любых языков.

Ключевые слова: лексикография; словарь; дефиниция; признак; фрейм; пространство; структура; доминанта.

E. O. Sheveleva

PhD (Philology), Assoc. prof., Department
of English Lexicology, Faculty of the English Language, MSLU;
e-mail: shevelev28@mail.ru

**MENTAL SPACES
THROUGH LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION**

The article describes a new, complex method of analyzing mental spaces, combining cognitive modeling and the formalized method of the componential analysis of the semantic content of language units. The aim of the article is to show that the combination of methods of traditional semantics and the cognitive-discursive approach to the analysis of various language units can prove very fruitful. The article underlines that the term 'mental space' is used to indicate a complex structural-semantic entity which exists at the mental, as well as the language level. At the mental level a mental space is cemented by a frame; the language level is represented by a system of semantic fields basing on a certain frame structure. The author stresses that within the process of building a frame, revealing semantic components, semantic features, conceptual features, their further ranging and stating the key features – semantic dominants, dictionary definitions play the leading part, as they have a number of advantages. The article offers a road map for the analysis of mental spaces. As an example, the author takes up one of the largest and most complex English mental spaces – Power, outlining five key steps of the analysis: the lexicographic portrait of the lexeme power; the ranging of semantic features according to their relevance; the building of the initial frame structure; the building of the structure of the mental space and the identification of the semantic dominants of each of the semantic fields; the comparison of the semantic dominants with the initial frame structure and the building of the general frame as a unified conceptual basis of the mental space. While carrying out the steps of the research, the author stresses the particular importance of the lexicographic description for the successful implementation of all the outlined steps. In conclusion, the article highlights the novelty of the method and its significance for the analyses of mental spaces in over languages.

Key words: lexicography; dictionary; definition; feature; frame; space; structure; dominant.

Введение

За последние два десятилетия тезис об отражении когнитивных процессов в языковой семантике стал отправной точкой для многих кандидатских и докторских диссертаций. В данных работах рассматривается широкий круг тем как в рамках традиционной семантики, так и когнитивно-дискурсивного подхода.

По мнению Е. Г. Беляевской, работы, выполненные на пересечении традиционных структуралистских подходов к анализу разноструктурных единиц языка и концептологии, являются на сегодняшний день достаточно актуальными, и, несмотря на кажущуюся «несоединимость» (несовместимость) исходных позиций, подобная постановка исследовательской задачи представляется весьма плодотворной. Е. Г. Беляевская подчеркивает, что на сегодняшний день концептология не основывается на каких-либо общепринятых методах исследования. Это затрудняет сопоставление получаемых результатов. С другой стороны, в структурализме существуют хорошо отработанные процедуры семантического анализа. Таким образом, соединение когнитивного моделирования и достаточно четко формализованных методик компонентного анализа семантики способствует разработке комплексного метода в когнитивной лингвистике, что, как отмечают многие лингвисты, является одной из самых актуальных задач на современном этапе ее развития.

Этапы изучения смысловых пространств

Разработка новой для когнитивной лингвистики методологии конструирования концептов, основанной на сочетании когнитивного моделирования и традиционных приемов и методов семантических исследований позволяет сравнивать сходные по семантике концептуальные сферы разных языков на едином методологическом основании.

Одной из таких полиструктурных многоуровневых систем организации знаний об определенном фрагменте действительности является система смысловых пространств.

Смысловое пространство (*далее* СП) – это сложное структурно-семантическое образование, существующее как на ментальном, так и на языковом уровне. «На концептуальном уровне СП представляет собой абстрактный конструкт, то есть структура данных, организованных определенным образом вокруг «стержневого» (в терминах Е. Г. Беляевской) концепта. Языковая объективация данного ментального образования не есть разрозненный набор языковых средств. Существующая концептуальная база служит своего рода «фильтром», сквозь который пропускаются все значения и который определяет лексическое наполнение изучаемого пространства на семантическом

уровне и его организацию в систему семантических полей, репрезентирующих соответствующее СП в языке, словно на экране» [Шевелева 2015, с. 49].

По нашему мнению, СП – это достаточно объемные сущности, представленные в языке обширным пластом разнородных языковых единиц, поэтому использование метода сплошной выборки элементов СП при формировании эмпирической базы его исследования может представлять значительные затруднения. Менее трудозатратным, но при этом не менее надежным является использование в качестве основного источника языковой составляющей СП идеографического словаря – тезауруса. Такой словарь показывает, как конкретный язык членит информацию о мире, отражает картину мира, запечатленную в семантике единиц данного языка. Словарь построен таким образом, что он является средством отражения и описания парадигматической структуры плана содержания языка, потому что именно в тезаурусе отражен факт наличия семантических связей между лексическими единицами путем объединения единиц в поля по общему смысловому признаку. Таким образом, тезаурус реализует важнейшую функцию – определяет место каждой леммы внутри системно организованного смыслового континуума. При исследовании СП словарь-тезаурус может выступать не только так источник материала, но и как отправная точка разработки метода исследования смысловых пространств.

Исходя из онтологической природы и специфики СП, ключевыми методами его описания являются фреймовый метод и метод компонентного анализа (важнейший метод лексической семантики).

Выявление концептуального основания (т. е. построение исходного фрейма) – непростая задача, поскольку с целью построения фрейма СП необходимо провести многоступенчатое изучение смыслового содержания каждого из многочисленных языковых элементов соответствующего СП.

Здесь важен тезис Ю. Н. Караулова о том, что сама организация фрейма, его составные части обнаруживают аналогию с теми элементами, из которых складывается любая дефиниция [Караулов 1981, с. 345]. Поэтому при исследовании СП ведущая роль отводится словарной дефиниции. Словарная дефиниция обладает рядом существенных преимуществ.

1. В лексикографическом толковании, как отмечает А. М. Кузнецов, «лежит интеграционно-дифференцирующее правило, в соответствии с которым словарная дефиниция включает в себя, с одной стороны, указание на принадлежность к более общей семантической области, с другой – перечисление индивидуальных семантических признаков слова» [Кузнецов 1986, с. 113].

2. Толковый словарь «служит средством фиксации статистически усредненных и социально апробированных, то есть в достаточной степени генерализованных семантических связей в лексике языка» [Караулов 1981, с. 235].

3. Словарная статья представляет собой своего рода структурную формулу лексемы, поскольку «компоненты в составе толкования определенным образом структурированы. Рекуррентность таких наборов (или пучков) компонентов в значениях большого числа слов обеспечивает систематизацию лексики» [Падучева 2004, с. 27].

Изучение компонентного состава единиц-репрезентантов СП представляется достаточно трудоемкой задачей, поскольку классический компонентный анализ накладывает на исследователя определенные ограничения, например исследователь должен пользоваться только одним словарем. Тем не менее такого рода ограничения вполне преодолимы, если провести компонентный анализ лексических единиц по ряду словарей. С одной стороны, такая методика крайне трудоемка и длительна. С другой стороны, она позволяет с максимальной точностью и высокой степенью достоверности установить номенклатуру всех семантических компонентов и выражаемых ими признаков, определить наиболее значимые семантические признаки, в наиболее общем виде передающие смысловое содержание исследуемой системы, т. е. «закрепленные семантикой языковых единиц сущностные, онтологические характеристики объекта – семантические доминанты (далее СД), которые на более высоком уровне абстракции складываются в схематизированное представление об изучаемой сущности – то есть во фреймовую структуру» [Шевелева 2015а, с. 8].

Проиллюстрируем применение принципов лексикографического описания для установления структурно-семантической и концептуальной организации смыслового пространства «Power», а также для выделения СД, определяющих своеобразие представлений о каком-либо феномене «Power» в англоязычной картине мира.

Этап 1. Составление лексикографического портрета имени СП. Данный этап предполагает изучение смыслового содержания ключевой лексемы, именующей избранный предмет исследования (в нашем случае лексемы *power*), по ряду лексикографических источников, например толковых словарей. Изучение компонентного состава этой единицы позволяет установить инвентарь семантических компонентов и выражаемых ими признаков, а также определить исходные разновидности концепта «Power», закрепленные семантикой ключевого слова.

Современные англоязычные лексикографические источники выделяют у лексемы *power* от восьми [MacMillan English Dictionary for Advanced Learners 2002] до восемнадцати (*ABBYY Lingvo x 6*) значений и оттенков значений. Например:

POWER

- 1) the ability or capacity to do something or act in a particular way;
- 2) the capacity or ability to direct or influence the behaviour of others or the course of events;
 - political or social authority or control, especially that exercised by a government
 - authority that is given or delegated to a person or body
 - the military strength of a state
 - a state or country, especially one viewed in terms of its international influence and military strength
 - a person or organization that is strong or influential within a particular context
 - a supernatural being, deity, or force
- 3) physical strength and force exerted by something or someone
 - capacity or performance of an engine or other device
 - denoting a sports player, team, or style of play that makes use of power rather than finesse
 - the magnifying capacity of a lens
- 4) energy that is produced by mechanical, electrical, or other means and used to operate a device generating power from waste
 - electrical energy supplied to an area, building, etc.
 - driven by electrical energy a power drill
- 5) the rate of doing work, measured in watts or less frequently horse power
- 6) the product obtained when a number is multiplied by itself a certain number of times
- 7) a large number or amount of something [*ABBYY Lingvo, Oxford Dictionary*].

Анализ показывает, что основные виды «Power», закрепленные семантикой ключевой лексемы, сводятся к *ability, control, energy, force, influence* и *strength*. Детальное рассмотрение смыслового содержания полисеманта *power* позволяет утверждать, что совокупная семантика этой единицы содержит такие признаки, как «способность» (*ability, capacity*), «субъект» (*people, engine, a state*), «активная деятельность» (*to do something or act in a particular way*), «объект» (*the behaviour of others or the course of events*), «источник» (*supplied to, given or delegated to*), «количество» (*a number, amount*), «интенсивность» (*large, magnifying*), «экстраординарность» (*supernatural, deity*), «сопутствующие обстоятельства» (*within a particular context*).

Очевидно, что не все признаки, выделенные в ходе изучения словарных дефиниций лексемы *power*, будут являться сущностными признаками. Это приводит нас ко второму этапу анализа.

Этап 2. Ранжирование семантических признаков по степени релевантности. Данный этап предполагает выявление наиболее и наименее значимых семантических признаков в смысловом содержании ключевой лексемы на основе частотности их реализации в лексикографическом описании и в контексте¹. Изучение функционирования лексемы *power* в контексте позволяет очертить круг наиболее часто реализующихся признаков: **субъект** (носитель «Power»), **способность**, **активная деятельность** субъекта и **объект**, а именно: лицо или предмет, на который направлено действие субъекта, обладающего «Power».

Этап 3. Построение исходной фреймовой структуры. Поскольку на языковом уровне семантические признаки служат аналогами концептуальных признаков на ментальном уровне, данный этап предполагает экстраполяцию выделенных семантических признаков в концептуальные признаки и дальнейшее логическое объединение последних в концептуальную структуру, отражающую в самом общем виде представления о феномене «Power».

Субъект + Способность → Действие на → Объект

Рис. 1. Исходный фрейм «Power»

¹ В качестве источников контекстов здесь используются примеры, приводимые в словарных статьях к каждой из изучаемых лексем, а также данные Британского национального корпуса.

Этап 4. Построение структуры СП и установление семантических доминант каждого из его семантических полей. Основные разновидности «Power», выделенные в ходе дефиниционного анализа ключевой лексемы, служат наименованиями семантических полей, образующих соответствующее макрополе. Проведение компонентного анализа каждой из лексем, отнесенных в тезаурусе к соответствующему фрагменту действительности, позволяет:

- 1) выделить в структуре семантического макрополя «Power» дополнительное семантическое поле «Power / Potency», в котором сконцентрированы лексические единицы, чье предметно-логическое ядро значения передается ключевой лексемой *power*;
- 2) распределить лексические единицы по семантическим полям;
- 3) установить типы семантических отношений между полями;
- 4) установить наиболее и наименее значимые семантические признаки в смысловом содержании каждого из семантических полей на основе встречаемости этих признаков в лексикографическом описании, а также на основе их реализации в контексте.

Рис. 2. Структурная организация семантического макрополя «Power»

В ходе проведенного анализа на четвертом этапе определен набор важнейших семантических признаков – семантических доминант, характерных для каждого из семантических полей:

- семантическое поле «Ability» – источник, субъект, способность, активная деятельность, интенсивность;
- семантическое поле «Energy» – источник, субъект, способность, активная деятельность, интенсивность, объект;
- семантическое поле «Strength» – источник, субъект, способность;
- семантическое поле «Force» – субъект, способность, активная деятельность, объект;
- семантическое поле «Influence» – источник, субъект, способность, активная деятельность, объект, результат;
- семантическое поле «Control» – активная деятельность, объект.

Этап 5. Соотнесение выделенных семантических доминант с исходной фреймовой структурой. Данный этап предполагает уточнение и детализацию выявленного ранее фрейма.

Рис. 3. Детализированный фрейм смыслового пространства «Power»

На рисунке 3 показано, что выделенные доминанты СП «Power» складываются в единое концептуальное основание – фрейм «Power», представляющее собой информацию о сущности «Power» как о приобретаемой из определенного источника способности субъекта совершать действия определенной степени интенсивности в отношении объекта, ведущие в результате к изменению последнего.

Заключение

Итак, проведенное исследование представляет собой детальное описание комплексной методики анализа крупных лексических объектов – смысловых пространств, за которыми стоят сложные структуры представления знаний – фреймы. По нашему мнению, разработанная методика может быть с успехом применена к изучению смысловых пространств в разных языковых социумах с целью установления значимых сходств и различий в их концептуальных и языковых картинах мира.

В заключение хотелось бы подчеркнуть фундаментальность, актуальность и перспективность методов лексикографического описания и традиционных методов лексической семантики для дальнейшего развития когнитивной лингвистики и разработки новых, гибридных методов анализа разноструктурных единиц языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Караулов Ю. Н.* Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М. : Наука, 1981. 366 с.
- Кузнецов А. М.* От компонентного анализа к компонентному синтезу. М. : Наука, 1986. 127 с.
- Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. М. : Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
- Шевелева Е. О.* «Семантические доминанты смыслового пространства «Power» («Сила») в современном английском языке» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 22 с.
- АВВУУ Lingvo x 6 : электронный словарь. Версия 6.
Oxford Dictionary 2014.
Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Bloomsbury Publishing Plc, 2002. 1692 p.

УДК 82 0

А. П. Бондарев

доктор филологических наук, профессор,
заведующий каф. отечественной и зарубежной литературы МГЛУ;
e-mail: literatura_mglu@mail.ru

КРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ТЕЗАУРУСА

Статья посвящена продуктивным в познавательном отношении взаимосвязям литературоведения и перевода. Декодирование свернутого в художественном образе символического смысла остается первостепенной задачей как литературоведения, так и художественного перевода. Поскольку квалифицированный литературный перевод призван учитывать все выявленные литературоведением функциональные корреляции, не выходя при этом по своему объему за пределы переводимого текста, такой перевод можно рассматривать как имманентную литературоведческую интерпретацию. На стартовом этапе «предпереводческого анализа» литературный переводчик выступает в роли «пристального читателя» (close reader), прогнозирующего виртуальные варианты своих тактико-стратегических решений. Накопленные литературоведческие знания позволяют переводчику вступить в диалогическое общение с исходным текстом оригинала, в ходе которого спонтанно обогащаются и рецептивное сознание переводчика, и само художественное произведение.

Ключевые слова: отправитель / получатель; вживание / объективация; кодирование / декодирование; синтагматика / парадигматика; тезаурус; переводческая компрессия.

A. P. Bondarev

Doctor of Philology (Dr.habil.), Professor,
Head of Department of Literature, MSLU;
e-mail: literatura_mglu@mail.ru

CREATIVE POTENTIAL OF TRANSLATOR'S THESAURUS

The article is devoted to the relations between literary studies and translation, which are productive in terms of cognition. Decoding of the symbolical sense folded in an artistic image remains the primary task of both literary criticism and literary translation. Since a qualified literary translation is intended to take into account all functional correlations revealed by literary criticism, without going beyond the limits

of the translated text, such a translation can be considered as an immanent literary interpretation. At the initial stage of «pre-translation analysis», the literary translator acts as a «close reader», predicting virtual versions of his tactical and strategic decisions. The accumulated literary knowledge allows the translator to engage in dialogue with the original source text, during which the translator's receptive consciousness and the work of art are spontaneously enriched.

Key words: sender / receiver; empathy / objectification; encoding / decoding; syntagmatics / paradigmatics; thesaurus; translation compression.

Креативный потенциал *автора-отправителя* отличается от не менее креативного потенциала *читателя-получателя*. Кодированное авторское сюжетообразование декодируется читательской рецепцией.

Декодирование свернутого в художественном образе иносказания – символического смысла – остается первостепенной задачей как литературоведения, так и художественного перевода. Согласно пронизательному наблюдению Ц. Тодорова, «анализ художественного произведения сродни дешифровке и переводу; поскольку произведение воплощает “нечто”, постольку задача исследователя (и переводчика. – А. Б.) – добраться до этого “нечто”, расшифровать поэтический код» [Тодоров 1975, с. 41].

Квалифицированный художественный перевод представляет собой специфическую литературоведческую *компрессию* (свертывание), не выходящую по своему объему за пределы переводимого текста и при этом учитывающую все выявленные литературоведением функциональные корреляции. Он может рассматриваться как имманентная литературоведческая интерпретация, принимающая к сведению наработки мифологической, биографической, культурно-исторической, сравнительно-исторической, психоаналитической, социологической, структуралистской и постструктуралистской школ.

Рецепция релевантных внутри- и внетекстовых корреляций актуализирует переводческий *тезаурус*, который «...представляет собой определенную *конструкцию знаний* у каждого человека, группы людей, социальных общностей и т. д. У этой конструкции два основных назначения. Первое – *ориентация* в окружающей среде. Второе – *саморазвитие, создание нового*» [Луков 2018, с. 4]. Тезаурус переводчика – освоенное им качество накопленных знаний – позволяет ему ориентироваться в породившей художественное произведение культурно-исторической среде и вступить с ней в креативные отношения.

С момента завершения труда воплощения – авторской работы над текстом – произведение интегрируется в литературную систему большого исторического времени, и начинается его самостоятельная «жизнь в веках», во время которой произведение непрерывно обогащается функциональными значениями – интра- и интертекстуальными корреляциями. Поэтому главный постулат философской герменевтики гласит: для истории идей важно не то, что сказалось в произведении, а тот смысл, который читатель способен из него извлечь.

Переводческая рецепция обогащает произведение такими нарабатываемыми культурой коннотациями, которые были скрыты от автора, локализованного условиями его рождения и творческой биографии в пространстве малого исторического времени. Технология «пристального чтения» превращает читателя-переводчика в «анналиста» [Гуревич 2014], который обнаруживает в тексте выражение «ментальных структур» породившего его времени.

Поскольку все произведения классической литературы интегрирует в литературную систему вечно актуальная «проблема человека» (М. Бубер), находящегося в перманентном конфликте между Сциллой нормативных требований культуры и Харибдой амбивалентных базовых потребностей, художественный образ накапливает в инварианте своего архетипа варианты его конкретно-исторических интерпретаций.

«Пристальное чтение» (close reading) предваряет «предпереводческий анализ». На этом стартовом этапе работы литературный переводчик выступает в роли вдумчивого аналитика, прогнозирующего виртуальные опции своих тактико-стратегических решений.

Смысловое обогащение произведения происходит в результате двойной процедуры – декодирования и вчитывания.

Декодирование «миметического» (Аристотель) произведения осуществляется посредством *вычитывания* смысла, интегрированного в него ментальностью создавшей его эпохи. Переводчик, вживающийся посредством пристального чтения в чуждый культурно-исторический контекст, обогащает модель своего сознания новыми сведениями.

Вчитывание экстраполирует переводческий тезаурус на вычитываемый посредством вживания смысл. Эти синхронно протекающие процессы формируют условия диалогической встречи двух многовековых эпистемологических традиций, занятых выяснением вопроса о способах обретения достоверного знания.

В процессе *вычитывания* читатель-переводчик выступает проводником сенсуалистской гносеологии, согласно которой воспринимающее сознание представляет собой «чистый лист бумаги», *tabula rasa* (по терминологии от Аристотеля до Локка), на которую обретаемый человеческой культурой опыт наносит слои своих палимпсестов.

В процессе *вчитывания* читатель-переводчик реализует теорию «врожденных идей» (от Платона до Канта) – трансцендентально апперцептивных моделей сознания, служащих априорными условиями познания явлений.

Эти рецептивные процессы – дедуктивный (от априорных моделей к практике) и индуктивный (от опыта к умозаключению) – непрерывно взаимообогащаются, сводя в продуктивном диалоге две познавательные функции: «трансцендентально-апперцептивную» (И. Кант) и «интенционально-ноэматическую» (Э. Гуссерль). Незавершимый диалогический процесс когнитивного общения переводчика с текстом и текста с переводчиком спонтанно обогащает и тезаурус переводчика, и само художественное произведение.

Порождая высказывание, автор отбирает на парадигматической оси селекции эстетически значимые для его художественного задания элементы действительности (мифологической либо исторической) и проецирует их на синтагматическую ось комбинации. Согласно Р. Якобсону, «селекция (выбор) производится на основе эквивалентности, подобия и различия, синонимии и антонимии; комбинация – построение предложения – основывается на смежности. Поэтическая функция проецирует принцип эквивалентности с оси селекции на ось комбинации» [Якобсон 1975, с. 204].

Со своей стороны читатель-переводчик, накладывая на синтагматическую ось фабулы парадигматическую иерархию коррелятивных пар, декодирует авторское сообщение, интегрируя его в систему внутри-и внетекстовых корреляций. В каждом герое, эпизоде и повороте сюжета синхронизируется вся парадигматическая ось градации, восходящей от абстрактного замысла к конкретному воплощению:

Парадигма коррелятивных пар	
Замысел	Воплощение
Апофатика героя	Алеаторика фабулы

Парадигма коррелятивных пар	
Тематизация проблемы	Проблематизация темы
Романтизм	Реализм
Автор	Рассказчик
Фабула	Сюжет
Традиция	Новаторство
Мифология	История
Эстетика	Этика

Дабы не потерять ариаднину нить в многовекторных пересечениях теоретизирующего абстрагирования с практической конкретизацией, обратимся к роману Мигеля де Сервантеса Сааведры «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский», выступающему от имени человечества, изгнанного из мифологического состояния мира и борющегося за облагораживание исторических условий своего существования. С этой точки зрения оценивал значение романа Сервантеса Ф. М. Достоевский: «Это пока последнее и величайшее слово человеческой мысли, это самая горькая ирония, которую только мог выразить человек, и если б кончилась земля, и спросили там, где-нибудь, людей: “Что вы, поняли ли вашу жизнь на земле и что об ней заключили?” – то человек мог бы молча подать Дон-Кихота: “Вот мое заключение о жизни, можете ли вы за него судить меня?”» [Достоевский 1994, с. 105–106].

«Дон Кихот» являет собой классический пример синхронизации всей коррелятивной парадигматики. Переводческая деятельность включает в себя как проекцию парадигмы коррелятивных пар на синтагматику фабулы, так и ее верификацию спонтанной логикой *самостоятельно сказывающегося* романа.

Замысел и воплощение

Переводчик вживается в динамику релевантного взаимодействия новаторского замысла и его воплощения, интегрирующего текст в литературную систему. В корректирующем замысле воплощении утверждается более «реалистическое» изображение фабульной ситуации.

Текст «Дон Кихота» воспринимается современным читателем как *непрерывная эволюция* романного дискурса от бурлескных и травестийных приемов объективации героя, отважившегося реанимировать героиню альтруистических подвигов, к постепенному признанию его несомненных нравственных достоинств. Согласно наблюдению Томаса Манна, в «Дон Кихоте» уважение автора к герою «непрерывно возрастает в течение всего повествования, и, быть может, процесс этого роста – самое захватывающее во всем романе, едва ли даже не самодовлеющий роман; притом он тождествен росту уважения автора к своему произведению, задуманному непритязательно, как некая грубоватая сатирическая шутка, без представления о том, какой символической вершины человечности герою суждено будет достичь» [Манн 1961, с. 197].

Апофатика героя и алеаторика фабулы

Апофатика (*лат. fatum* – предвещание, прорицание, судьба, рок; *аро* – греческий отрицательный префикс) описывает разворачивающиеся в душе героя динамичные процессы, побуждающие его совершать неожиданные для себя и окружающих поступки. Алеаторика (заимствованный из латыни музыкальный термин, дериватив от *alea* – игральная кость, случайность) – сфера объективной исторической реальности. Алеаторические события «набегают» на героя и модифицируют гносеологическую модель его сознания, вынуждая корректировать первоначальные проекты. Непредсказуемое взаимодействие апофатических поступков с алеаторическими событиями открывает перспективу спонтанного саморазвития сюжета.

Читателю-переводчику романа Сервантеса суждено разбираться в перспективах эволюции отношений между Дон Кихотом и Санчо Пансой. Интровертный идалго предлагает архаичную, заимствованную из парадигмы рыцарской мифологии, интерпретацию исторических событий. Экстравертный оруженосец проблематизирует ее, ссылаясь на достоверность показаний своих органов чувств. Поучительные пререкания Дон Кихота с Санчо Пансой иллюстрируют на сюжетном уровне расширяющую сознание собеседников полемику трансцендентальной философии с эмпирической. Столкновение героизирующего воображения рыцаря печального образа с травестирующим практицизмом оруженосца рождает проникнутую горькой иронией диалогическую поэтику романа Сервантеса.

Тематизация проблемы и проблематизация темы

Пристальное чтение дифференцирует эвристическое взаимодействие тематизирующих (*греч.* *thema*) усилий художественного задания и проблематизирующей реакции, исходящей от внутренней диалектики фабульных событий. В контексте «большого исторического времени» литературная эволюция раскрывается как деконструкция тематизирующих моделей авторского сознания. Тезаурус читателя-переводчика позволяет ему вычитывать из произведения ту проблемность, которая ретроспективно раскрывается как очередное опровержение некогда новаторского решения.

Спонтанное развертывание фабулы вступает в продуктивное противоречие с компульсивной тематизацией пародийного замысла. В контексте перехода от средневековой мифологической этиологии к ренессансной аналитической эпистемологии констелляция фабульных обстоятельств Дон Кихота уже с самого начала несла на себе печать многообещающей проблемности. Живущий в Дон Кихоте мифологический человек опровергался его социально-историческим статусом обедневшего идалго. Эта формообразующая конфликтология внутреннего и внешнего – данного и заданного – не учитывалась авторским замыслом на этапе «первого выезда» героя. Однако поэтапное осознание автором амбивалентности тематизируемого им замысла приводило к тому, что из-под пера Сервантеса начал спонтанно выходить «встроенный роман» – роман в романе, прочитывающийся как история более глубоко понимания автором изначальной проблемности тематизируемой им фабулы.

Романтизм и реализм

Термины «романтизм» и «реализм» полисемичны, поскольку обозначают и способы мировосприятия, и порождаемые ими литературные направления. Как литературное направление романтизм появился в первой трети XIX в. Расцвет классического реализма пришелся на середину века XIX.

Эти же термины обозначают два универсальных типа мировоззрения. Интровертный романтизм, замороженный идеей абсолюта (Шеллинг), дедуцирует ее в сюжете. Экстравертный реализм, замороженный объектом, индуцирует свернутый в нем смысл в фабуле.

Романтизм тематизирует априорное мировидение.

Реализм тематизирует апостериорную реальность.

Рыцарский романтизм Дон Кихота вступает в познавательный диалог с буржуазным реализмом. Итог этого диалога раскрывает потенциальную продуктивность для обеих диспутирующих сторон: романтическая модель сознания героя-рассказчика сталкивается с необходимостью учитывать требования реальности, тогда как буржуазной действительности, призывающей героя к большей адекватности, предлагается умерить свою оскорбительную для нравственного чувства филистерскую агрессивность.

Автор и рассказчик

Эпический «всеведущий» автор «Дон Кихота» трансформируется в рассказчика наподобие героев-нарраторов испанских пикаресок: от анонимной «Жизни Ласарильо с Тормеса» (1554) до «Хромого беса» (1641) Луиса Велеса де Гевары. В эпоху неумолимого «распада эпоса» выживание романа как жанра ставилось в зависимость от необходимости постигать «смысл и назначение истории» (К. Ясперс). Для решения этой задачи наивно «всеведущему» эпическому сказителю предстояло уступить место авантюрному герою, вовлеченному в событийную диалектику профанной истории. Ему предстояло в теле и духе пережить выпадающие на его долю испытания. За четыре века познавательных усилий бесконечно уязвимому *picaro*, жертве провоцирующих его наивность событий, суждено было возрасти до уровня компетентного рассказчика, а затем и всеведущего автора – создателя романских эпопей классического реализма.

Фабула и сюжет

Еще аристотелевское разграничение на *diegesis* и *mimesis* предполагало дифференциацию дискурса на фабульное изображение события и его сюжетную интерпретацию. Если паратаксис имплицитно в фабуле хронологическую каузальность, синтаксис эксплицитно в сюжете логическую, причинно-следственную темпоральность. Навыки различения автономных фабульных событий и их сюжетной интерпретации поднимают переводческую рефлексивность на уровень осознания релевантного (смыслоразличительного) взаимодействия импликации и экспликации. Причинно-следственные отношения между временной последовательностью событий имплицитно

в фабуле. В сюжете они эксплицируются вербальными средствами авторской объективации.

Неспешные нравоучительные беседы рыцаря с оруженосцем гротескно оживили средневековый жанр «пререкания» (контроверзы) души с телом. Сведя в пространстве границах одного романа рыцарский сюжет с плутовской фабулой, Сервантес преодолел культурарнистский разрыв между априорной рыцарской ментальностью и апостериорной плутовской экспериментальностью. Модель рыцарского сознания куртуазна, модель плутовского сознания бурлескна. Бесценным итогом для исторического будущего романа станет преодоление эстеziологического конфликта между сознанием и бытием – фабульным событием и его сюжетной интерпретацией. Обретение романом достоверного знания обеспечит сближение, а затем, в качестве искомого идеала, – отождествление фабулы с сюжетом, к которому стремился роман классического реализма середины XIX в.

Традиция и новаторство

Как традиция нуждается в оживляющем ее новаторстве, так и новаторство нуждается в легитимирующей его традиции: вписываясь в традицию, новаторство преодолевает свою «безосновность» (*Ungründung*) и становится достоянием культуры. Облагороженный традицией замысел наделяется *аподиктичностью* и вступает с литературной системой в смысловые отношения, аналогичные отношениям между «языком и речью» (Ф. де Соссюр). Интегрируясь в литературную систему, новаторское произведение осовременивает прошлое и архаизирует современность.

Читательское вживание (*Einführung*) локализует высказывание в породившем его культурно-историческом контексте. Осовременивание наделяет произведение такими дополнительными значениями, которые не предусматривались автором на этапе его создания. Способность переводчика к вживанию в эстетический объект с последующей его объективацией обеспечивает преемственность настоящего с прошлым. На эту двустороннюю процедуру вживания и объективации указывал М. Бахтин: «Существенным ... моментом эстетического созерцания является вживание в индивидуальный предмет видения, видение его изнутри в его собственном существе. За этим моментом вживания всегда следует момент объективации, т. е. положение понятой вживанием индивидуальности вне себя, отделение от себя,

возврат в себя (осовременивание. – А. Б.), и только это возвращенное в себя сознание, со своего места, эстетически оформляет изнутри схваченную вживанием индивидуальность как единую, целостную, качественно своеобразную» [Бахтин 1996, с. 59–60].

«Дон Кихот» выступает продуктивным итогом труда по преодолению разрыва между традицией и новаторством. Полемика «Дон Кихота» со средневековым рыцарским романом оживляет куртуазную традицию. Вживаясь в рыцарскую психологию, плутовской роман объективирует ее как «качественно своеобразную», обеспечивая релевантность филиации. Они познавательны необходимы друг другу: если рыцарская традиция указывает плутовской на ее приземленность, пикареска разъясняет куртуазному роману причину его угасания, кроющуюся в его инфантилизме.

Мифология и история

Мифологическое прошлое и историческое будущее встречаются в аналитико-синтетическом труде переводческой рецепции. Художественное произведение нуждается в переводчике не меньше, чем переводчик – в получателе. Промежуточное положение переводчика между мифологическим и историческим зонами мировой культуры позволяет ему выявлять исторический смысл в мифе и извлекать архетип из преходящего исторического события. Историческое сознание, адресуясь к этиологии архетипа, преодолевает свою бессосновность. Отношения между ними персонифицируются в «вечных образах» Дон Кихота и Фауста.

В романе Сервантеса обогащают друг друга два эпистемологических способа обретения достоверного знания – этиологический и гносеологический. Дон Кихоту – будущему герою романа Нового времени, познающему «зло истории», не уклониться от анализа внутренней диалектики события, а Санчо Пансе – от труда подтверждения наивной мудрости фольклорной ментальности гносеологическими символами мировой культуры.

Эстетика и этика

Эстетическая и этическая формы объективации восходят к этиологии архетипа и гносеологии поступка. Природная мифология – эстетична, социальная история – этична. Пытаясь проникнуть в логику

исторического события, архаичное мифологическое сознание выходит за границы своего консерватизма.

Способность переводчика отличать автономность фабульного события от его сюжетной интерпретации позволяет ему отделять субъективную авторскую преднамеренность от объективной событийной непреднамеренности. В статье «Ранний Уэллс» Хорхе Луис Борхес, счастливо сочетавший в себе теоретика и художника, критикует автора за этическую тенденциозность как причину недостаточно глубокого проникновения во внутреннюю диалектику изображаемого конфликта: «Если автор выказывает отвращение к какому-нибудь персонажу, нам кажется, что он не вполне его понимает, что он признает необязательность этого персонажа для себя. Тогда мы перестаем доверять его всепониманию, как перестали бы доверять всепониманию Бога, который поддерживал бы рай или ад» [Борхес 2007, с. 406].

Удаленность от нужд быта эстетизирует бескорыстный альтруизм Дон Кихота.

Погруженность Санчо Пансы в заботы о нуждах своей телесности этизирует его прагматизм.

Итоги

Динамика горизонтальных (синтагматических) и вертикальных (парадигматических) отношений между членами коррелятивной пары побуждает читателя-переводчика, выступающего от имени каждого нового культурного поколения, заново переосмысливать апперцептивные модели сознания автора и его эпохи. Потенциал подобных виртуальных переосмыслений безграничен. Тот факт, что автор – это в первую очередь читатель, вербализующий свою историко-литературную рецепцию, объясняет генезис постмодернистской деконструкции. Ведь самыми *пристальными читателями* (close readers) литературных произведений выступают романисты, поэты, драматурги. «Избыток видения», представляющий им в новом свете сюжетобразующие отношения между автором и объективируемым им событием, побуждает их вникать в историческую логику радикально сменяющих друг друга культурных парадигм.

Выявление обогащающих произведение внутри- и внетекстовых коннотаций позволяет читателю-переводчику устанавливать релевантные – смысловоразличительные отношения между прошлым и будущим.

Креативную ментальность автора-отправителя и столь же креативную ментальность переводчика-получателя связывают давние творческие узы: художественное произведение нуждается в переводчике для продления своей «жизни в веках» ничуть не меньше, чем переводчик – в адекватном восприятии его символического смысла для своего дальнейшего личностного, а следовательно – профессионального роста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахтин М. М.* К философии поступка // И. В. Пешков. М. М. Бахтин: от Философии поступка к Риторике поступка. М. : Лабиринт, 1996. С. 35–162.
- Борхес Х. Л.* Ранний Уэллс // Собр. соч. : в 4 т. Т. 2. СПб. : Амфора, 2007. С. 404–407.
- Гуревич А. Я.* Исторический синтез и Школа «Анналов». М. : Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2014. 434 с.
- Достоевский Ф. М.* Дневник писателя. 1876 год // Собр. соч. : в 15 т. СПб. : Наука, 1994. Т. 13. 5–407.
- Луков В. А., Кузнецова Т. Ф., Трыков В. П.* Европейская культура в тезаурусном освещении: теоретические основания энциклопедических очерков Владимира Андреевича Лукова // Вл. А. Луков Европейская культура в русском тезаурусе: Энциклопедические очерки : в 3 т. М. : Издательство Московского гуманитарного университета, 2018. Т. 1. С. 3–23.
- Мани Т.* Путешествие по морю с Дон Кихотом // Собр. соч. : в 10 т. Т. 10. М. : Художественная литература, 1961. С. 174–228.
- Тодоров Ц. С.* Поэтика // Структурализм: за и против : сборник статей. М. : Прогресс, 1975. С. 37–113.
- Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: за и против : сборник статей. М. : Прогресс, 1975. С. 193–230.

УДК 821 111.0

Е. Н. Черноземова

доктор филологических наук, профессор

каф. всемирной литературы института филологии ВГПОУ ВО МПГУ;

e-mail: chernozem888@yandex.ru

**АВТОРСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ
СОЗДАНИЯ НОВЕЛЛИСТИЧЕСКОЙ КРАТКОСТИ
В «КЕНТЕРБЕРИЙСКИЙ РАССКАЗАХ» ДЖ. ЧОСЕРА**

В статье с жанровой точки зрения анализируется текст «Рассказа Юриста» из «Кентерберийских рассказов» Чосера, вскрывается механизм изменения жанровой системы, к формированию которой этот автор прикладывает руку, тем самым показывая новые пути развития прозы и техники повествования, в котором жанры духовной словесности, такие как молитва, поучение, миракль обретают общее литературное пространство для взаимодействия со светскими литературными, фольклорными и внелитературными жанрами компендиума, пословицы и новеллы. Чосер успешно соединяет несоединимые жанры в едином речевом художественном пространстве, порой достигая комического эффекта. В речах своих персонажей он демонстрирует законы своей повествовательной техники, указывая на необходимые купюры для того, чтобы текст стал более емким и выразительным. Суждения его персонажей являют собой образцы первой литературной критики.

Ключевые слова: авторская саморефлексия; функции вставных жанров; техника повествования; молитва; миракль; поучение; пословица; новелла; самоирония.

E. N. Chernozemova

Doctor of Philology (Dr. habil), Prof. of world literature chair,

Philological Institute of Moscow Pedagogical State University;

e-mail: chernozem888@yandex.ru

**CHAUCER'S POINT OF VIEW ON THE CRAFT
OF NOVELISTIC SHORTNESS IN «CANTERBURY TALES»**

The article analyzes «The Tale of the Man of Lowe» in Chaucer's «Canterbury Tales» from the genre point of view, revealing a variety of genre literary situation in which Chaucer works and actively engages in his «Canterbury tales», thus showing new ways of prose development and the techniques of storytelling. Some genres of medieval secular literature coexist and interact with the genres of medieval spiritual writing as the miracle, sermon and prayer in common literary space in one text. Chaucer successfully connects the unconnected genres in a single spoken literary space and often creates a comic effect. In the speeches of his characters he reveals his writing technique, pointing out the necessary text's reductions to make the story be more succinct and fascinating. The judgments of his characters sometimes represent the first examples of ridiculously inept literary criticism.

Key words: the author's self-reflection; the functions of inserted genres; the technique of narrative; prayer; miracle; sermon; proverb; story; the author's self-irony.

Чосер, представляющий английское Предвозрождение, творчески работал со средневековыми жанрами. Будучи знакомым с итальянской ренессансной новеллой, он осознанно применяет новеллистические приемы в своем творчестве, показывает пути развития повествовательного произведения, делает текст произведения более кратким и емким, ограничиваясь обобщениями там, где средневековый эпос пустился бы в витиеватые перечисления. Особый интерес представляют эпизоды текста, в которых автор прямо указывает на моменты, где произведены сокращения.

Значение сделанного Чосером и предлагаемые им приемы особенно очевидны при рассмотрении организации повествования конкретных рассказов.

В ряде исследований указывается и становится общим местом соотнесение «Кентерберийских рассказов» Чосера с «Декамероном» Боккаччо. Свод таких указаний дает Оксфордский путеводитель по английской литературе [Oxford Companion to English Literature 1992, с. 165–166]. При этом обычно отмечается сходство сюжетных основ его рассказов с новеллами и в частности то, что ряд историй из «Кентерберийских рассказов» коррелирует с жанром новеллы, разработанным представителями итальянского Возрождения. Отметим, что существенной отличительной особенностью чосеровского произведения при этом является его жанровое разнообразие, в то время как «Декамерон» составляют именно новеллы, хотя и различные по жанровым модификациям, определяющимся, преимущественно, ведущим пафосом, настроением – шаловливым, трагичным, сатирическим.

Чтобы представить, как именно Чосер отмежевывается от средневековой традиции, добивается краткости повествования, обратим внимание на то, что он осознанно меняет структуру эпического построения. Это легко прослеживается на «Рассказе Рыцаря», который обычно рассматривают как краткий вариант «Тессейды» Боккаччо.

Новеллистичность историй, рассказанных Чосером, его стремление изложить сюжет необременительно для слушателей и занимательно – интересно тем, что в ряде случаев автор устами рассказчиков обращает внимание на эпизоды, которые им сокращены, на то, за счет

чего достигается новеллистичная краткость при изложении многочисленных событий.

Сразу несколько таких указаний присутствует в «Рассказе Юриста», освещающем стремление римского императора христианизировать язычников. Успех при этом, как показывает Чосер, достигается не официальным заключением договора с ними, а очаровательной кротостью дочери императора, отданной замуж за султана. Именно она добивается успеха, пробуждая добровольное желание следовать и подражать людям добрым сердцем с твердыми убеждениями.

В числе указаний Чосера на производимые сокращения есть конструкция, отрицающая необходимость подробного описания брачного corteja, добавим от себя, вполне уместного в эпическом повествовании (как, например, описание кавалькады Зигфрида, направляющегося на знакомство с Кримхильдой, в «Песни о Нибелунгах»). Чосер устами рассказчика-Юриста указывает на неуместность такой детализации и мотивирует такую неуместность отсутствием времени и сил у повествователя:

Подробного рассказа вы не ждите
О брачном поезде, о тех, кто был
К ее блистательной причислен свите,
Которую отец ей снарядил.
Нет у меня ни времени, ни сил
Для описания столь славной свиты,
Составленной из знати именитой [Чосер 2007, с. 157]¹.

Пер. И. Кашкина

Дословно в оригинальном тексте Чосер пишет об опыте слушателей, которые ждут такого описания:

Now some men will be waiting, as I guess,
For me to tell of all that then was planned
By the Emperor in his great nobleness

¹ Русский текст здесь и далее приводится по изданию Чосер Дж. Кентерберийские рассказы / пер. с англ. И. Кашкина, О. Румера, Т. Поповой. М., 2007. Доступ к тексту начала пролога к «Рассказу Юриста» в издании XV века (probably printed in 1476 and 1483) возможен по адресу: www.bl.uk/treasures/caxton/record.asp

For his daughter Constance; one can understand,
However, that provisions all so grand 250
No man can tell, in but a little pause,
As was arranged then for so high a cause. <...>
in brief that was the end [Chaucer 2000].

И сами слушатели, по мнению Чосера, должны бы догадаться о неуместности долгого описания.

Далее автор столь же уверенно отрицает необходимость подробного описания свадебного пира, застолья, вполне уместного и обоснованного в народном эпосе, описывающем пир как ритуал. В «Беовульфе» такие описания героических пиршеств, проходивших по повторяющемуся в тексте плану-сценарию (рассаживание гостей в строгой иерархии, появление конунга, преломляющего кольца и одаривающего воинов, появление королевы, наполняющей кубки героев, песнь дружинного певца) повторены четырежды. Чосер устами рассказчика Юриста поясняет законы организации своего повествования: для него важно осветить главное – и указывает на принципы художественного отбора материала, который необходим и достаточен для того, чтобы увлекательный рассказ состоялся. Он отмечает и традиционное место описания брачного пира в повествовании: оно обычно заканчивает произведение. В им же организуемом повествовании это лишь эпизод, вслед за которым действие двинется дальше, поэтому ему для описания пира достаточно одной строки:

Не столь о плевелах, сколь о зерне
Рассказывать я собираюсь дале.
Что толку останавливаться мне
На том, какие блюда подавали
Иль как рога и трубы как звучали.
Ведь так любой кончается рассказ.
Там были яства, брага, песни, пляс [Чосер 2007, с. 169]

Пер. И. Кашкина

I do not wish with either chaff or straw
To stretch the tale, I'll get right to the wheat.
What should I tell of royalty one saw
There at the rites, what course came first to eat,

Who blew a trumpet or a horn? The meat 705¹
Or fruit of every tale is what to say:
They eat and drink, they dance and sing and play [Chaucer 2000].

Автор помогает своему рассказчику обойтись фигурой умолчания и ограничиться одним выразительным словом и в описании козней, которые выстраивает мать сирийского султана, решившего принять христианство и взять в жены Констанцу:

Султанша, эта подлая гадюка, (This sinful Sultanness)
Свой тайный тут же распустив совет
(Подробности вам были бы в доuku)
И во дворец придя за этим вслед,
Сказала сыну, что уж много лет
К язычеству питает отвращенье... [Чосер 2007, с. 160]²

Пер. И. Кашкина

В двух строках (а в переводе и вовсе в полутора) уместается сообщение о пересудах по поводу того, как именно Констанца выстраивала план предъявления законного наследника королю Нортумберландии Алле, и одной строкой (а в переводе двумя словами) ограничивается отношение к ним рассказчика, который отмечает важность умения сосредоточиться на главном и возможность опустить незначительное:

По мнению многих, мальчик приведен
Был по желанью матери. Не знаю;
Присутствовал, так иль иначе, он, –
Все прочее я мелочью считаю,
Но вот что верно: сына отпускаю,

¹ Номера строк указаны по цитируемому изданию.

²

This sinful Sultanness at whom I rail
Then let her secret council go their way.
Why should I tarry longer with my tale?
She went to see the Sultan then one day 375
To say that she'd renounce their law, to say
From priestly hands she'd welcome Christendom,
Repenting all her time in heathendom.

Она велела между блюд свой взор
Ему на Аллу направлять в упор [Чосер 2007, с. 178]¹.

Пер. И. Кашкина

Отметим, что именно в приоткрытии творческой лаборатории повествователя берет начало такое свойство жанра романа, как саморефлексия, рассказывание того, как он сделан [Бютор 2000, с. 70]. Таким образом, «отец английской литературы» указывает направление, в котором этот жанр станет развиваться.

Вместе с тем при всем стремлении сказать кратко и ясно Чосер не сбивается на скороговорку, и наряду с *новеллистичными* эпизодами, ориентированными на краткость изложения, в «Рассказе Юриста», основной идеей которого становится мысль о том, что христианизация происходит не насильственным насаждением, а любовью, присутствуют полные, хотя и немногословные тексты трех *молитв* Констанцы (две из них обращены к Спасителю и одна к Деве Марии) и мольба дворецкого (the castle's constable) о спасении Констанцы, раскрывающие душевное состояние персонажей.

«Благой Христос, – вскричал он, – в мире сем
Как много душ, исполненных грехом!
Как допускаешь ты, о царь небесный
И праведный судья, чтоб под луной
Царил и благоденствовал бесчестный,
Держа невинность под своей пятой?
Увы, Констанца, страшный жребий мой
Велит мне, чтоб избежать наказания,
Тебя подвергнуть злему истязанью» [Чосер 2007, с. 172].

Пер. И. Кашкина

1

Now to the feast some men would doubtless say
He took her son at Constance's request; 1010
I cannot tell it all in every way,
Be as it may he took him as a guest.
It was indeed, though, Constance's behest
That this young fellow, while the meal took place,
Be standing, looking Alla in the face. 1015

«Рассказ Юриста» в контексте паломничества оказывается в наибольшей степени сориентирован на прославление христианства, хотя и не лишен светских мотивов, за обилие которых Чосер просит прощение у Бога в прозаическом послесловии к книге. Однако текст «Рассказа Юриста» лишен прямой назидательности. Автор не собирается утверждать очевидных для отправившихся в паломничество персонажей благ христианства и говорит о них весьма кратко, но заостряет при этом внимание на эффективном воздействии на слушателя-язычника жанра *поучения*:

О вере истинной за этим вслед
Она ему сказала поученье,
И к вечеру он воспринял крещенье [Чосер 2007, с. 160]¹

Пер. И. Кашкина

Более развернутый эпизод, соотносимый с жанром *поучения*, все же возникает в тексте рассказа и относится к назиданию в отношении вполне светского греха. В нем, как в поучении, называется грех, указывается на его воздействие не только на тело, но и на душу, рассказывается о плачевности результата предания греху и делается отступление о слабости природы человека, подразумевающее необходимость обращения за поддержкой к высшим силам:

Вот похоти конец обыкновенный!
Не только душу, но и тело нам
Она увечит слабостью презренной.
Один конец у любострастья – срам.
Не часто ль видеть приходилось вам,
Что небо за одно лишь вождельенье
Людей карает, как за преступленье? [Чосер 2007, с. 175]

И ближе к концу рассказа, словно бы продолжение темы:

Увы, прожить сумел ли кто-нибудь
Хоть день один, не омраченный тенью,

1

And she began our law then to declare
Until she had the constable by eve
Converted, and on Christ made him believe. 574

Не злобясь, не завидуя ничуть,
Не поддаваясь чувству раздраженья? [Чосер 2007, с. 181]¹

Пер. И. Кашкина

Есть в рассказе и отголосок *миракля* (чуда), когда над клеветующим на Констанцу рыцарем раздается обличающий его нечестивость глас. Рассказ о чуде также довольно краток. Он не требует для паломников ни комментариев, ни доказательств истинности события:

Внезапно глас раздался: «Клеветой
Пред августейшим властелином края
Дочь очернил ты церкви пресвятой,
Твоя нашла возмездье воля злая».
И вся толпа, от ужаса стеная,
Ждала возмездья знаков огневых;
Лишь дух Констанцы ясен был и тих [Чосер 2007, с. 168]².

Пер. И. Кашкина

Чудом оказывается и эффект воздействия чудесного гласа на присутствующих: момент духовного преображения вновь не требует от рассказчика долгого описания, рассказ о нем столь же краток:

Все были чудом так поражены,
Что при содействии святой жены

1

Such is your end, O foul lust, lechery! 925
For you not only weaken a man's mind
But you will ruin his body certainly;
The end of all your work, your lust so blind,
Is grief. How many times that men may find
That not just sinful work but the intent 930
Can lead to shame or death as punishment

2

A voice was heard by all the audience:
"You've spoken slander of the innocent,
This Holy Church's child, and in high presence; 675
So you have done, yet wrath I do not vent."
Bewildered by this marvelous event,
Each person stood aghast and like a stone,
In fear of vengeance--save Constance alone.

У многих совершилось обращение,
И сам король подверг себя крещенью [Чосер 2008, с. 168]¹

Пер. И. Кашкина

Так, чудо, вызванное духовным подвигом, целостностью и красотью Констанцы, дочери правителя Рима, оказывается более действенным и скорым, чем «протокольные» действия ее отца, требующие письменного скрепления *соглашения* (в переводе этот вид документа назван *трактатом*):

Обмен посольствами, переговоры,
Содействие святейшего отца,
И рыцарства, и церкви, для которой
Сбылась мечта неверье до конца
Сразить во славу вящую творца,
К трактату привели, чье содержанье
Я предлагаю вашему вниманью [Чосер 2007, с. 156]².

Пер. И. Кашкина

Текст договора-трактата не входит цитатой-вкраплением, его суть передана в немногих строках, определяющих основные позиции соглашения: условия, при соблюдении которых Констанца может стать женой султана-магометанца:

Султан сирийский должен быть крещен
С баронами и всей дружиной ленной;
Тогда в супруги получает он
Констанцу с суммой золота отменной

1

This miracle brought many, in conclusion
(With Constance mediating), absolution,
The king and many others in the place 685
Being converted, thanks to our Lord's grace.

2

What need is there to treat in greater scope?
By pacts, I'll say, and by diplomacy
And by the mediation of the Pope,
Of all the church and of all chivalry, 235
For the destruction of idolatry
And the increase of Christian law so dear,
At last they reached accord as you shall hear

И обещанье помощи военной.
Трактат скреплен был клятвою двойной.
Констанца, в путь! С тобою всеблагой [Чосер 2007, с. 157]¹.

Пер. И. Кашкина

Разрабатывающий избранную тему вполне в духе Предвозрождения рассказ Чосера, посвященный победе христианства, одержанной стойкостью и кротостью прекрасной римлянки-христианки, предва-рен достаточно долгим перечислением известных из Античности сю-жетов трагических историй женщин, многие из которых совершили грех, отдавшись любовным искушениям, в числе которых заколов-шаяся от любви Дидона, «когда покинул бедную Эней» [Чосер 2007, с. 151]. В перечисляемые сюжеты входит,

Как победителя героев мира
Невольно погубила Деянира;
Как королева злобная Медея
Детей своих повесила за шею,
Чтоб наказать изменника Ясона... [Чосер 2007, с. 152]²

Пер. И. Кашкина

Однако, «вспоминая дам несчастных тех» [Чосер 2007, с. 151] и со-ставляя компендиум бедствий античных героинь, «сонм святых угод-ниц Купидона» [там же]³, Чосер не сводит все к осуждению язычниц,

1

The Sultan would with all his baronage
And lieges embrace Christianity, 240
And Lady Constance he would have in marriage,
And gold (I know not what the quantity);
Therein was found sufficient surety.
And this accord was sworn on either side.
May mighty God, fair Constance, be your guide! 245

² Перечисления занимают более 20 строк с 57 по 79. В их числе и сле-дующие:

Of Phyllis, who for Demophon would die; 65
Hermione's and Dejanira's cry,
Hypsipyle's, and that of Ariadne
(Left on that barren island in the sea);
Leander drowning for his love of Hero;
The tears of Helen, and also the woe 70

³ The Legend of Cupid's Saints. 61

упоминая среди дам, одержимых страстью, и «также многих достославных дам» [там же]¹ – представительниц, вошедших в культурное сознание его современников. В компендиуме Чосера оказываются Филлис, Ариадна, Ипсипилла, Лукреция и Фисба, Ипермнестра [там же, с. 151–152]. Перечисление женских злоключений и трагедий не бесстрастно, оно содержит авторские оценки:

И горше всех в той повести строка мне,
Как девушку злодей швырнул на камни [там же, с. 152]².

Обращаясь к писательской саморефлексии, Чосер устами рассказчика-Юриста называет имена и связанные с ними сюжеты, которые не вошли, но могли бы войти в его «Легенду о Добрых Женах», где он вполне сочувственно, будто бы споря с «Вороном» Боккаччо и развивая идеи его «Фьяметты», рассказывает о женских страданиях из-за любви «святых угодниц Купидона»³. В их числе оказываются: Деянира, Гермiona и Елена, Брисеида и Пенелопа, Лаодамия, Геро и Альцеста [Чосер 2007, с. 152] – имена и сюжеты, известные современникам Чосера из «Метаморфоз» Овидия и «Исповеди влюбленного» Гауера (1393)⁴. Ряд сюжетов в силу их жестокости автор рассказов считает вовсе не приемлемыми для обработки, и рассказчик-Юрист говорит о присоединившемся к кавалькаде паломников Чосере:

Нет, Чосер никогда таких страстей
Не допускал. Ужасных повестей
Не любит он, уродств и извращения –
И в том он прав, без всякого сомненья [Чосер 2007, с. 152]⁵

Пер. И. Кашкина

¹ Among the noblest wives, their lovers too. 59

²

So horrible a story to be read
When he had thrown her upon the pavement. 85

³ Там же.

⁴ На этот источник указывает комментатор издания. Комментарий 110.

⁵

He's never written (and for good intent),
Not in a single one of his narrations,
Of such unnatural abominations.

В этой авторской саморефлексии присутствует и самоирония, и самокритика, и попытка взглянуть на себя глазами современников, и начала литературоведческого анализа, обладающего *эпиграммной иронией*, краткостью и исчерпанностью:

Вот Чосер, он хоть мало понимает
В различных метрах и стихи слагает
Нескладно очень, но по мере сил
По-английски как мог переложил
Рассказов много о несчастных дамах.
Не там, так здесь, но о любовных драмах
Он в каждой книге без конца твердил [Чосер 2007, с. 151]¹.

Пер. И. Кашкина

Достаточно длинный список перечисляемых героинь и связанных с их именами сюжетов оказывается вполне оправдан. Его «вплетенность» в повествование определяется тем, что перебирая их, Юрист выбирает сюжет для своего рассказа. Выбору сюжета подчинены и зарифмованные Чосером *пословицы*, и *сентенции* Сенеки. Например:

Кто для других законы составляет,
Пусть те законы первым соблюдает².

Пер. И. Кашкина

Этим Чосер еще раз не только приоткрывает творческую лабораторию писателя, но и создает иллюзию вовлеченности в сотворчество слушателей, и возникает впечатление, будто бы от них зависит выбор материала, который предпочтет рассказчик.

1

That Chaucer (though he's not too good at meter,
And not too skillful in his rhyming either)
Has not been telling folks as best he can
For quite a while, as known to any man. 50
And if he hasn't told them, my dear brother,
In one book then he's told them in another.
He's told of lovers, paid them much attention...

2

Laws he would give another man one should
Obey himself, it's only right, our good
Text so requires. 45

Устами Юриста Чосер заявляет о том, что не желает автоповторов: «Не стоит мне те сказки повторять, / Которые успел он <Чосер – Е. Ч.> рассказать» [Чосер 2007, с. 151]¹. И возникает риторический вопрос, обращенный к слушателям: «Так что же, братья, рассказать мне вам? [там же, с. 152]² – прием, впоследствии многократно используемый просветительским романом XVIII в. Вспомним хотя бы многократные обращенные к читателю вопрошания автора в «Жаке-фаталисте и его хозяине» Дени Дидро о том, какую линию повествования стоит, по мнению читателя, развить дальше.

Ироничность Чосера в отношении людей, занимающихся словотворчеством и не имеющих к нему склонности и прямого отношения, заключается в частности, в том, что позволив Юристу перечислить множество сюжетов о несчастных женах, – и переработанных Чосером, и оставленных им без внимания, он заставляет персонажа-рассказчика охарактеризовать свое, Юриста, многословие. Юрист называет его болтливостью и делает это по-ученому изящно, в сопоставлении с античным сюжетом из «Метаморфоз» о Переидах, состязавшихся с музами и за пустословие обращенных в сорок [Чосер 2007, с. 152].

Таким образом, указывая на возможности обретения краткой новеллистичности повествований, Чосер дает образец и раскрывает возможности развития новой повествовательной техники. Давя самооценку своим произведениям устами персонажей, он закладывает основы будущей литературной критики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бютор М.* Роман как исследование / пер. с фр., сост., вст. Н. Бунтман. М. : МГУ, 2000. 208 с. С. 70.
- Чосер Дж.* Кентерберийские рассказы / пер. с англ. И. Кашкина, О. Румера, Т. Поповой. М. : Художественная литература, 2007. 767 с.
- Chaucer G.* Canterbury Tales, probably printed in 1476 and 1483 [Электронный ресурс] // British Library. URL : www.bl.uk/treasures/caxton/homepage.html
- Chaucer G.* The Canterbury Tales [Электронный ресурс] / A Complete Translation into Modern English by Ronald L. Ecker and Eugene J. Crook. 2000. URL : english.fsu.edu/canterbury/ (дата обращения: 1.06.2017).
- Oxford Compendium for English Literature. 5 ed / M. Drabble. Oxford Univ. Press, 1992. 1135 p. P. 164–167; 188–189.

¹ I won't relate them now for all I may.

² But for a tale what shall I do today? 90

УДК 18:316.7

Л. М. Гаврилина

кандидат исторических наук, доцент;
доцент каф. теории и истории культуры, этики и эстетики
Московского Государственного института культуры (МГИК);
e-mail: gavrulina_larisa@mail.ru

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ОПЫТ КАК НЕОБХОДИМАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Сфера образования представляет собой пространство становления и развития человека – интеллектуального, физического, ценностного, нравственного, эстетического. Образование не может быть сведено только к трансляции знания и выработке соответствующих навыков, это более общий процесс формирования личности, в котором эстетическая составляющая чрезвычайно значима, она способствует формированию сущностных человеческих качеств. Это заставляет нас обратиться к феномену эстетического воспитания с тем, чтобы попытаться разобраться, в чем оно состоит и на основе каких принципов должно осуществляться. Осложняет ситуацию неопределенность предмета и границ самой эстетики как области философской рефлексии. Традиционное отождествление предмета эстетики с прекрасным изжило себя, а заменившая его метакатегория «эстетическое» не получила единого толкования.

Рассматриваются два подхода понимания эстетического. Первый подход, восходящий к идеям И. Канта, основывается на последовательном разделении эстетического и художественного и опирается на широкое понимание эстетического как сферы неутилитарного ценностно-окрашенного интеллектуально-эмоционального переживания субъектом многообразия выразительных форм окружающего мира. Эстетический опыт в данном контексте рассматривается как опыт соприкосновения субъекта с предметным, чувственно воспринимаемым многообразием окружающего мира, в ходе которого он получает непонятное знание о его сущностных основаниях. Второй подход, восходящий к философии Шеллинга и Гегеля, основан на отождествлении эстетического с художественным и определяет эстетику как философию искусства, философию художественного творчества. Эстетический опыт здесь сводится к опыту искусства – его создания и восприятия. Представляется, что в российском образовательном пространстве доминирует именно этот подход. Его минусом является сведение эстетического воспитания к изучению истории, теории и практики тех или иных искусств,

эстетическая составляющая часто отсутствует даже на уровне планирования, не говоря уж о практическом воплощении.

Эстетический опыт всё еще рассматривается как проблема для современной философской рефлексии, предпринимаются многочисленные попытки концептуализации его важнейших элементов, ресурсов и возможностей. Основопологающим для образовательного пространства может стать то понимание эстетического опыта, которое складывается в рамках первой парадигмы. Происходит отход от понимания эстетического опыта только как опыта искусства, заданного работами Д. Дьюи, и всё активнее разрабатывается его трактовка как *восприятия* (Р. Ингарден), *присутствия* (Г. У. Гумбрехт), *испытывания* (А. Е. Радеев), *события* (А. А. Грякалов), подчеркивается его процессуальный характер.

Эстетический опыт как специфический способ неутилитарного переживания многообразия выразительных форм окружающего мира, сопровождающийся интеллектуально-эмоциональной реакцией субъекта, предоставляет ему возможность приобщения к высшим духовным ценностям, создает условия для выхода из сферы повседневности и восхождения с уровня быта на уровень Бытия. В этом смысле эстетический опыт по воздействию на человека может быть сопоставим с религиозным опытом в трактовке У. Джеймса. Формирование *эстетической культуры* личности возможно только на основе пережитого субъектом *эстетического опыта*, который, в свою очередь, может состояться исключительно в *эстетической ситуации*, необходимыми критериями которой является непосредственный чувственный контакт субъекта с объектом эстетического переживания и определенная степень свободы субъекта от решения утилитарных практических целей и задач, острого чувства страха и т. д. Создание условий для такого рода опыта является важной целью образовательного и воспитательного процесса и требует специального внимания.

Ключевые слова: эстетика; эстетическое; эстетический опыт; эстетическая ситуация; эстетическое воспитание; эстетическая культура; образовательное пространство, эстетический поворот.

L. M. Gavrilina

PhD (History), Associate professor;
Associate Professor at the Department of Theory and History of Culture,
Ethics and Aesthetics; Moscow State Institute of Culture, Russia;
e-mail: gavrilina_larisa@mail.ru

AESTHETIC EXPERIENCE AS A NECESSARY COMPONENT OF THE MODERN EDUCATIONAL SPACES

The sphere of education is a space for the formation and development of man – intellectual, physical, value, moral, aesthetic. Education can not be reduced only to the translation of knowledge and the development of appropriate skills, it is a more general process of personality formation, in which the aesthetic component is extremely significant, it contributes to the formation of essential human qualities.

This prompts us to turn to the phenomenon of aesthetic education in order to try to understand what it consists of and on what principles should be implemented. The situation is complicated by the uncertainty of the subject and the boundaries of the aesthetic itself as a field of philosophical reflection. The traditional identification of the object of aesthetics with the beautiful has become obsolete, and the metacategory "aesthetic" that replaced it has not received a single interpretation.

Two approaches to understanding the aesthetic are considered. The first approach, which goes back to the ideas of I. Kant, is based on a consistent division of the aesthetic and artistic and is based on a broad understanding of the aesthetic as a sphere of non-utilitarian value-colored intellectual and emotional experience of the diversity of the expressive forms of the surrounding world. Aesthetic experience in this context is seen as an experience of the subject's contact with the objective, sensually-perceived diversity of the surrounding world, during which he receives a non-knowledgeable knowledge of his essential grounds. The second approach, which goes back to the philosophy of Schelling and Hegel, is based on the identification of the aesthetic with the artistic and defines aesthetics as a philosophy of art, a philosophy of artistic creativity. The aesthetic experience here is reduced to the experience of art - its creation and perception. It seems that this approach dominates in the Russian educational space. The downside of this approach is the reduction of aesthetic education to the study of the history, theory and practice of various arts, the aesthetic component is often absent even at the planning level, not to mention the practical embodiment.

Aesthetic experience is still regarded as a problem for modern philosophical reflection, numerous attempts are made to conceptualize its most important elements, resources and possibilities. Fundamental for the educational space can be that understanding of aesthetic experience, which is formed within the first paradigm. There is a departure from the understanding of aesthetic experience only as an art experience set by D. Dewey's works, and his interpretation of perception (R. Ingarden), the presence (H. U. Gumbrecht), testing (A. E. Radeev), events (A. A. Grykalov), emphasizes its procedural nature. Aesthetic experience as a specific way of non-utilitarian experiencing of the diversity of expressive forms of the surrounding world, accompanied by the intellectual and emotional reaction of the subject, provides him with the opportunity to become familiar with higher spiritual values, creates conditions for getting out of everyday life and climbing from the level of everyday life to the level of Being. In this sense, the aesthetic experience of human impact can be compared with religious experience in the interpretation of W. James.

Formation of the aesthetic culture of the personality is possible only on the basis of the aesthetic experience experienced by the subject, which, in turn, can take place exclusively in the aesthetic situation, the necessary criteria of which is the immediate sensory contact of the subject with the object of aesthetic experience and a certain degree of the subject's freedom from solving utilitarian practical purposes and tasks, an acute sense of fear, etc. Creating conditions for this kind of experience is a significant goal of the educational and upbringing process and requires special attention.

Key words: aesthetics; aesthetic; aesthetic experience; aesthetic situation; aesthetic culture; aesthetic upbringing; educational space, an aesthetic turn.

Сфера образования представляет собой пространство развития человека – интеллектуального, физического, ценностного, нравственного, эстетического. Последнее, при кажущейся необязательности и реально сложившейся в нашем образовании факультативности, представляет собой важный аспект человеческого бытия в целом и образовательного пространства, в частности. Образование не может быть сведено к трансляции знаний и выработке соответствующих навыков, это более общий процесс становления личности, в котором эстетическая составляющая очень значима, она может способствовать как формированию сущностных человеческих качеств, так и решению прикладных задач. Мы рассматриваем эстетическую культуру и, соответственно, эстетическое воспитание очень широко – как целенаправленное формирование ценностного отношения к миру, которое «не только определенным образом формирует и настраивает всю систему человеческих отношений, но и становится вопросом сохранения и упрочения собственно человеческого статуса, ибо от характера и качества этих отношений зависит и развитие самой человеческой природы, и даже само дальнейшее выживание человека» [Современные концепции эстетического воспитания 1998, с. 173]. Специалисты считают возможным говорить даже об экономической рентабельности эстетического воспитания, связывая «японское экономическое чудо» с принятыми в японской культуре принципами «эстетической социализации», которые в немалой степени определяют безупречную характеристику японской продукции [там же, с. 244].

Все это побуждает нас обратиться к феномену эстетического воспитания с тем, чтобы попытаться разобраться, в чем оно состоит и на основе каких принципов должно осуществляться. Осложняет ситуацию неопределенность предмета и границ самой эстетики как области философской рефлексии. Традиционное отождествление предмета эстетики с прекрасным давно изжило себя, а утверждение вместо него метакатегории «эстетическое», получившей широкое признание в философии, не имеет единообразного толкования.

Два наиболее прочно утвердившихся сегодня подхода к пониманию эстетики в своих истоках восходят к идеям классиков немецкой философии: И. Канта и Г.-Ф. Гегеля. *Первый подход*, восходящий к идеям И. Канта, основывается на последовательном разделении эстетического и художественного и опирается на широкое понимание

эстетического как сферы неутилитарного ценностно-окрашенного интеллектуально-эмоционального переживания субъектом многообразия выразительных форм окружающего мира. Значимым для этого подхода стало определение А. Ф. Лосева: «Эстетическое есть выражение той или иной предметности, данной как самодовлеющая созерцательная ценность и обработанной как сгусток общественно-исторических отношений» [Лосев 1979, с. 223]. Эстетический опыт в данном контексте можно рассматривать как опыт соприкосновения субъекта с предметным, чувственно-воспринимаемым многообразием окружающего мира, в ходе которого он получает непонятное знание о его сущностных основаниях.

Второй подход, восходящий к философии Шеллинга и Гегеля, основан на отождествлении эстетического с художественным и определяет эстетику как философию искусства, философию художественного творчества. Эстетический опыт здесь представляет собой опыт искусства – его создания и восприятия. Представляется, что в российском образовательном пространстве доминирует именно этот подход. Так называемые предметы эстетического цикла, на которые возлагается ответственность за эстетическое воспитание учащихся в средней школе, – это музыка, изобразительное искусство, мировая художественная культура и др. При этом урок литературы, предметом которого является также искусство, обычно в этот круг не включается, он имеет несколько иной, более высокий статус.

Минусом этого подхода, применительно к рассматриваемой проблеме, является сведение эстетического воспитания к изучению истории, теории и практики тех или иных искусств. Изучение истории искусства, музыки, театра, развитие художественных навыков, само по себе замечательно и необходимо, однако при этом не стоит заведомо полагать, что эти курсы будут успешно выполнять задачи эстетического воспитания. Знакомство с произведениями искусства, памятниками культуры, биографиями великих художников, музыкантов, артистов и т. д. в большинстве случаев преследует задачи приобретения новой информации, т. е. заучивания, запоминания, узнавания. Даже в том случае, когда педагог провозглашает комплексную *триединую дидактическую цель* урока (ТДЦ): *образовательную* (передача и закрепление информации, выработка навыков), *развивающую* (развитие мышления, памяти, навыков устной речи и письма и т. д.) и

воспитательную (нравственное, патриотическое, трудовое, экономическое, экологическое, правовое и т. д.), эстетическая составляющая часто отсутствует даже на уровне планирования, не говоря уж о практическом воплощении. К тому же у этого круга предметов не очень высокий статус в образовательных учреждениях, отношение к ним и у учителей, и у учащихся, часто строится по остаточному принципу, что снижает их эффективность.

Для успешного решения задач эстетического воспитания было бы правильным обращение к первой парадигме понимания эстетического, восходящей к идеям И. Канта и развитой современными философами. В одной из публикаций нам уже приходилось анализировать процесс самоопределения эстетики в условиях так называемого эстетического поворота конца XX в. Базовым стал вывод о том, что «современные концептуализации эстетического строятся на рецепции основных положений кантовской эстетики: широкого понимания предмета эстетики, не сводимого к философии искусства, признания непонятного характера эстетической информации и незаинтересованности эстетического переживания» [Гаврилина 2015, с. 78]. Действительно, именно Кант впервые очертил эстетику как особую самостоятельную сферу человеческого опыта, как форму универсальной эстетической рефлексии по отношению ко всему миру: природному, рукотворному, интеллектуальному. После Канта эстетика надолго стала философией искусства и философией художественного творчества, только в конце XX в. вернувшись к широкому пониманию своего предмета.

Основополагающим для образовательного пространства может стать то понимание эстетического опыта, которое складывается в рамках этой парадигмы. В современной философской рефлексии эстетический опыт все еще рассматривается как проблема эстетики [Радеев 2016] и предпринимаются многочисленные попытки концептуализации его важнейших элементов, ресурсов и возможностей. Происходит отход от понимания эстетического опыта только как опыта искусства, заданного работами Д. Дьюи, и все активнее разрабатывается его трактовка как *восприятия* (Р. Ингарден), *присутствия* (Г.-У. Гумбрехт), *испытывания* (А. Е. Радеев), *события* (А. А. Грыкалов), подчеркивается процессуальный характер эстетического опыта. Развернутое определение дал В. В. Бычков, для которого эстетический опыт – «совокупность неутилитарных интуитивно-действенных

отношений субъекта к реальности, имеющий созерцательный, игровой, выражающий, изображающий, декорирующий и т. п. характер» [Бычков 2010, с. 255]. По мнению философа, это «двудеиная процессуальная целостность», которая включает и особые свойства субъекта, и процесс «приобщения человека к духовному миру путем оптимальной (творческой) реализации себя в мире материальном», «достижения всеобъемлющего контакта субъекта с Универсумом» [Бычков 2010, с. 215]. Эстетический опыт мы рассматриваем как специфический способ неутилитарного переживания многообразия чувственно-воспринимаемых выразительных форм окружающего мира, сопровождающийся интеллектуально-эмоциональной реакцией субъекта. Эстетический опыт предоставляет человеку возможность приобщения к высшим духовным ценностям, создает условия для выхода из сферы повседневности и восхождения с уровня быта на уровень Бытия.

Представляется, что для анализа эстетического опыта может быть полезным его сопоставление с феноменом религиозного (мистического) опыта, к исследованию которого обращались многие философы, теологи, психологи, такие как Ф. Шлейермахер, Т. Фехнер, У. Джеймс, Р. Отто и др. Философскую концептуализацию этого феномена предпринял Ю. А. Кимелев [Кимелев 1998, с. 42–72]. Среди наиболее характерных особенностей религиозного опыта исследователи называют его созерцательный (рецептивно-пассивный) характер, ощущение соприкосновения с чем-то «принципиально иным», соотнесенности с трансцендентным, когда рождается «чувство и вкус к бесконечному» (Ф. Шлейермахер), «чувство присутствия невидимого» (У. Джеймс), «чувство неслышанной тайны» (Р. Отто). В ходе религиозного (мистического) опыта субъект переживает сложную гамму противоречивых чувств: страха и трепета, радости и священного ужаса. Исследователи подчеркивают такую особенность религиозного опыта, как его неизреченность, невыразимость. Знание, которое было получено в ходе этого соприкосновения, принципиально невербализуемо, при том, что оно оказывается для пережившего опыт субъекта абсолютно самоудостоверяющим. Следствием религиозного опыта является «возможность переживать единение с чем-то более широким, чем наша личность и находить в этом единении глубокий душевный покой» [Джеймс 1993, с. 417].

В этом смысле эстетический опыт по воздействию на человека может быть сопоставим с религиозным опытом в трактовке У. Джеймса. При этом он отличается гораздо большей доступностью, чем религиозный опыт. Эстетический опыт – это некоторое состояние / переживание, которое *может* (но не обязательно!) *возникнуть* у субъекта, находящегося в *эстетической ситуации*. Важно подчеркнуть, что эстетический опыт рождается *только* в эстетической ситуации, когда субъект находится в прямом чувственном контакте с объектом эстетического переживания, обладает определенной степенью свободы (не подавлен практической необходимостью, страхом и т. д.). В ходе проживания эстетического опыта субъект получает некоторое знание-чувствование, которое не может быть полностью им выражено, высказано, но при этом оно может обладать очень большой силой воздействия на него (в пределе это катарсис), которое может менять самоощущение, отношение к миру и т. д. Человеческое сознание, пусть на короткое мгновение, отрешается от повседневности, обыденности, «отталкивается» от сферы быта и «поднимается» в сферу Бытия. Яркость эмоций, интенсивность переживаний, ясность смыслов, вдруг открывшиеся субъекту, сохраняются в его памяти надолго и дают силы жить.

Нам близки утверждения тех исследователей, которые пишут о конструктивном воздействии на психику человека эстетических эмоций: «Эстетические впечатления, вовлекающие в целостное всеохватывающее восприятие всю природу человека, составляют внешнюю стимуляционную основу для внутренней интеграции деятельности мозга и потому выступают условием дальнейшего совершенствования его функционирования» [Самохвалова 1996, с. 37]. Сама же «эстетическая культура существует как некий достигнутый этап в организации комплексных отношений с миром и сама есть комплексное явление и показатель адаптационных возможностей человека, учитывающих перспективы его эволюции» [Самохвалова 1996, с. 50].

Представляется, что такого рода мощный механизм воспитания, становления человеческой личности должен быть использован в образовательном пространстве, прежде всего, в школьном. Однако на практике часто возникают непреодолимые для системы трудности. Эстетическая ситуация, в пространстве которой только и возможно возникновение и переживание эстетического опыта, как показано

выше, должна удовлетворять ряду критериев, которые далеко не всегда удается соблюсти в современной российской школе. Представляется, что наряду с принятыми теоретическим и практико ориентированным подходами в образовании необходимо некоторое пространство свободы, ориентированное на «собрание» личности учащегося, на формирование его связей с миром, другими людьми, понимание не только математических формул и физических законов, но и смысла Бытия в целом, красоты природы и ценности человеческой жизни и значимости и уникальности творчества. Это может помочь увидеть и оценить, в конце концов, и красоту самой математической формулы, и эстетическую оформленность научного решения. Эстетическое воспитание должно «пронизывать» весь образовательный процесс, но особенно в этом пространстве свободы нуждаются предметы «эстетического цикла», на которые возложена миссия по формированию эстетической культуры учащихся, без этого в них теряется всякий смысл.

Формирование *эстетической культуры*, как уже отмечалось выше, возможно только на основе *эстетического опыта*, проживаемого субъектом в *эстетической ситуации*, необходимыми условиями которой являются непосредственный чувственный контакт субъекта с объектом эстетического переживания и определенная степень свободы субъекта от решения утилитарных практических целей и задач, острого чувства страха и т. д. При этом общая направленность образования на передачу информации (что, безусловно, является необходимой составляющей учебного процесса), когда учащийся озабочен запоминанием (фактов, имен, памятников и т. д.), мотивирован на получение отметок, не оставляет ему той свободы, которая необходима для переживания эстетического опыта. К сожалению, это касается, в том числе, и «предметов эстетического цикла», которые по определению должны быть на это направлены. Урок музыки должен дать возможность *слушать* и *слышать* музыку, а не только запомнить имя композитора и название произведения. Посещение музея должно дать возможность *увидеть* и *любоваться* картиной, а не только зафиксировать ее название и автора, чтобы завтра сдать зачет, получить отметку и т. д. Никто не спорит, знание имен и памятников тоже важно, но начинать нужно с другого – создания условий, чтобы эстетический опыт состоялся, чтобы сложилась эстетическая реакция, эстетическое

переживание (остановись, мгновенье!), осталась память. Роль учителя, авторитетного человека, в данном контексте очень важна, он должен мотивировать учащегося к этому контакту, стимулировать желание увидеть, услышать, пережить, а не просто запомнить и получить оценку. Необходимо найти баланс между нацеленностью образования на определенный практический результат и свободой, необходимой для переживания эстетического опыта и выработать критерии оценки эффективности учебного процесса.

В качестве прецедента по созданию условий для эстетического опыта в образовательном пространстве есть смысл рассмотреть японскую модель эстетического воспитания. Понимая всю сложность подобного рода сравнений, глубокую ментальную укорененность воспитательных процессов и принципов в национальных культурных традициях, что делает невозможным прямое заимствование, рассмотрим некоторые значимые моменты, которые, как нам кажется, могут быть использованы и в российских условиях.

Традиционную японскую культуру отличает своеобразный панэстетизм растворенность эстетического в природном, социальном, невычлененность эстетического из целостного восприятия мира. В. И. Самохвалова в своем исследовании традиционной модели эстетического воспитания в Японии утверждает: «Апелляция скорее к чувствам, чем к разуму, характерна и показательна для японской модели восприятия мира, в которой предпочтение отдаётся не классификации, не рациональному осмыслению, а непосредственному переживанию» [Самохвалова 1998, с. 181].

В Японии разработано и принято несколько специальных государственных программ, направленных на гармоническое воспитание личности, ее интеллектуальное и физическое развитие, нравственное и художественное совершенствование. Для каждой возрастной группы поставлены свои цели и задачи. Программы предполагают множество художественных дисциплин, где дети обучаются практике тех или иных видов искусства, которые в Японии не делятся на «чистые» и «прикладные». При этом учащийся приобретает опыт не только создания, но и восприятия, эстетического созерцания. Активно используются традиционные «любования» (цветущей сакурой, луной, первым снегом, облетающими листьями клена и т. д.), всегда имевшими в Японии высокий культурный статус. Эти традиционные практики

развивают способность к сосредоточенному созерцанию и являются основой формирования эстетического чувства и эстетического опыта.

В российском образовательном пространстве необходимо создать некоторое поле свободы для педагога, чтобы он, к примеру, имел право в погожий осенний день повести детей полюбоваться красотой золотой осени вместо рисования натюрморта в классе. В этой (умной!) прогулке с соответствующей мотивировкой и эмоциональным сопровождением может оказаться воспитательного эффекта больше, чем в нескольких стандартных обучающих занятиях. Эстетическое воспитание имеет дело с механизмом очень тонкой настройки, для получения эффективного результата требуется взвешенный и продуманный подход. «Эстетизация среды, практический характер художественных циклов в системе образования, институт традиционных искусств, обеспечивающих охват всех сфер бытия как сфер проявления тех или иных форм красоты, проникновение ее в быт, осмысляемый с позиций красоты, – все это и есть самый надежный путь эстетического воспитания» [Самохвалова 1998, с. 202].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бычков В. В.* Эстетическая аура бытия. Современная эстетика как наука и философия искусства. М. : Изд-во МБА, 2010. 784 с.
- Гаврилина Л. М.* Эстетический поворот конца XX века и проблема самоопределения эстетики: рецепция кантовских идей // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. М. : МГИК, 2015. № 2 (17). С. 78–86.
- Грякалов А. А.* Эстетическое и политическое в контексте постсовременности: топос *Nomo Aestheticus* // Вопросы философии. 2013. № 1. С. 49–57.
- Гумбрехт Х.-У.* Производство присутствия: чего не может передать значение. М. : Новое Литературное Обозрение, 2006. 184 с.
- Джеймс У.* Многообразие религиозного опыта. СПб. : Андреев и сыновья, 1993. 424 с.
- Ингарден Р.* Исследования по эстетике. М. : Изд-во иностранной литературы, 1962. 572 с.
- Кимелев Ю. А.* Философия религии. Систематический очерк. М. : Издательский дом «Nota Bene», 1998. 424 с.
- Лосев А. Ф.* Две необходимые предпосылки для построения истории эстетики до возникновения эстетики в качестве самостоятельной дисциплины // Эстетика и жизнь. Вып. 6. М. : Знание, 1979. С. 123–127.

Радеев А. Е. Эстетический опыт как проблема // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2016. № 7 (69), ч. 1. С. 129–132.

Самохвалова В. И. Эстетическая культура как комплексный феномен утверждения и реализации человека в мире // Эстетическая культура. М. : ИФРАН, 1996. С. 32–65.

Самохвалова В. И. Традиционная модель эстетического воспитания в Японии // Современные концепции эстетического воспитания. М. : ИФРАН, 1998. С. 173–203.

Современные концепции эстетического воспитания. М. : ИФРАН, 1998. 313 с.

УДК 370

Н. В. Сердюк, Б. Е. Власов

Сердюк Н. В., член-корреспондент АВН, доктор педагогических наук, доцент; профессор Академии управления МВД России Министерства внутренних дел Российской Федерации; e-mail: natalyaserduk@inbox.ru

Власов Б. Е., кандидат юридических наук, начальник каф. теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России Министерства внутренних дел Российской Федерации; e-mail: b.e.vlasov@mail.ru

КУЛЬТУРА РЕЧИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В КОНТЕКСТЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ ПОЛИЦЕЙСКОГО СООБЩЕСТВА

В статье рассматривается феномен культуры речи сотрудников органов внутренних дел как элемент его коммуникативной культуры и профессиональной компетентности. Выявлены тенденции в отношении к языковой норме среди сотрудников и руководителей органов внутренних дел, типичные ошибки и способы их профилактики в профессиональной подготовке кадров органов внутренних дел.

Ключевые слова: культура речи; сотрудники органов внутренних дел; руководители; коммуникативная культура; языковая норма.

N. V. Serdyuk, B. E. Vlasov

Serdyuk N. V., Corresponding Member of the Academy of Military Sciences, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; e-mail: natalyaserduk@inbox.ru

Vlasov B. E., PhD in Law, Associate Professor, Head of the Theory and Methodology Department of Public Administration of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; e-mail: b.e.vlasov@mail.ru

CULTURE OF SPEECH OF EMPLOYEES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES IN THE CONTEXT OF THE COMMUNICATIVE CULTURE OF THE POLICE COMMUNITY

The article deals with the phenomenon of speech culture of employees of the internal affairs bodies as an element of its communicative culture and professional competence. The tendencies in relation to the language norm among employees and

heads of internal affairs bodies, typical mistakes and ways of their prevention in the professional training of internal affairs personnel are identified.

Key words: speech culture; employees of internal affairs bodies; leaders; communicative culture; language norm.

Язык делает людей разумными существами: с помощью слов систематизируется опыт освоения окружающего мира и формулируются мысли, сообщаемые другим людям. Известно выражение М. М. Бахтина: «Все слова пахнут профессией» [Колесов 1991, с. 69]. Русский филолог заметил, что «у каждой профессии свой язык, своя лексическая система. Количество профессионализмов зависит от степени развитости соответствующего производства» [Бондалетов 1987, с. 70]. Требования, которые предъявляются к профессиональной речи человека в любой сфере его общественной деятельности, высоки и особенно они высоки, если эта сфера – правоприменение и правоохрана. Лингвистические знания и речевые умения крайне важны для профессии полицейского, поскольку правоведческая деятельность во многом зависит от понимания языковых аспектов и от умения ими пользоваться. Правоведы убеждены в том, что язык играет огромную роль как субстрат языка юридического, как средство убеждения, как способ воздействия на общество в целом и на отдельную личность, в частности.

Языковая компетентность генетически «встроена» в структуру коммуникативной компетентности и коммуникативной культуры, которая, в свою очередь, является одним из фундаментальных образований профессионализма сотрудников органов внутренних дел. Исследование, проведенное сотрудниками Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя (руководитель исследовательской группы – кандидат психологических наук, доцент А. Н. Сударик), показало, что среди личностных качеств, повлиявших на успешное овладение курсантами – будущими сотрудниками органов внутренних дел своей профессией, лидируют именно коммуникативные: общительность, умение устанавливать контакты – в 82 % случаев; умение понимать людей – в 66 %; эмоциональная устойчивость – в 64 %; исполнительность – в 61 %; уверенность в себе – в 59 %; самостоятельность – в 59 %; умение вести себя в конфликтной ситуации – в 57 %; дружелюбие – в 55 %; умение отстаивать свою точку зрения – в 48 %; организаторские способности – в 36 %; сочувствие к проблемам других людей – в 23 % [Сударик, Здорова 2018, с. 100–109].

Многолетний опыт участия авторов в проведении вступительных испытаний в Академии управления МВД России выявил следующие коммуникативные проблемы у руководителей территориальных органов МВД России различного уровня: неумение и неготовность слушать и слышать вопрос, понимать его значение в полном объеме и, как следствие, отсутствие либо полного ответа, либо правильного ответа как такового; бедный лексический запас, недостаток аргументации в ответах; отсутствие у некоторых абитуриентов необходимого профессионального управленческого опыта и необходимых знаний для всестороннего и полного ответа; во многом отсутствие общей эрудиции и психолого-педагогической готовности вести диалог.

Право, между тем, способствует утверждению и защите порядка, обеспечивающего участникам общественных отношений равную меру свободы и одинаковую справедливость. Право фиксируется в словесной форме [Губаева 2010, с. 103]. Связь между словом и правом отражена в терминологическом фонде древних и современных европейских языков. Единственный способ оформления правовых предписаний – слово. Речь – инструмент профессиональной деятельности сотрудника органов внутренних дел. И ее правильному использованию нужно учиться не методом «проб и ошибок».

Правоохранительная деятельность всегда была и остается речевой. Словесный способ регулирования общественного поведения – самый цивилизованный, он предпочтительнее грубой силы. Слово помогает погасить конфликт и достичь согласия. Профессиональная деятельность сотрудников правоохранительных органов связана с людьми и информацией. «Слово является сильным мечом для офицеров полиции» [Шольц 2004, с. 19], – заявил комиссар полиции Германии, эксперт Совета Европы П. Шольц, – а потому мы должны тренировать офицеров, усиливая их коммуникативные способности. Должен быть высокий уровень знания языка» [Дибс 1989, с. 20].

Высокий уровень владения словом – важнейший элемент профессионализма сотрудников органов внутренних дел, профильное обучение государственному языку необходимо в интересах повышения качества и эффективности подготовки полицейских кадров в Российской Федерации. Профессиональное полицейское сообщество принадлежит к «символьной власти», которая располагает «символьным

капиталом» [Дибс 1989, с. 17] и обладает неограниченными возможностями духовного управления обществом.

Специфику построения межличностных отношений с людьми у сотрудников правоохранительных органов определяют особые условия службы, необычные обстоятельства и не похожие друг на друга случаи и ситуации. Профессиональная необходимость часто заставляет специалиста иметь дело с гражданами, дела и действия которых не вызывают сочувствия и симпатии. Более того, с самого начала они могут вызывать негативную реакцию на особенности их личностных структур. Каждый сотрудник правоохранительных органов знает, что он должен обладать искусством взаимодействия с любым человеком вне зависимости от своего отношения к нему. Каждый специалист знает также, что от правильности его общения с каждым индивидом и реализации индивидуального подхода будет зависеть эффективность всей его работы в целом.

Важнейшим составляющим компонентом профессиональной культуры речи является владение терминологией профессиональной области знаний, умение строить монологическую речь, организовывать профессиональный диалог и управлять им. Основным путем формирования этих умений (помимо теоретических занятий) следует признать наблюдение за образцовой речью, это основа совершенствования самостоятельных собственных высказываний на профессиональную тему.

Сотруднику правоохранительных органов постоянно приходится «переводить» бытовой язык на специальную терминологию и «объяснять» гражданам юридические термины при помощи бытового языка. Грамматически неправильная, неразвитая речь сотрудника органов внутренних дел «затрудняет его общение, вызывает чувство недоумения и дискредитирует его как представителя госслужбы» [Дибс 1989, с. 30].

Поэтому, на наш взгляд, сотруднику правоохранительных органов важно уметь: снимать напряжение с помощью речевых средств (правильная реакция на проявление отрицательных эмоций – страха, гнева; спокойная, неторопливая, достаточно тихая речь, проявление интереса к собеседнику); корректно направлять речевое общение; использовать простые и ясные слова, говорить с каждым человеком «его» языком; говорить ровным тоном, без иронии; быть вежливым,

корректным, сдерживать эмоции даже при условии психических нагрузок; соблюдать правила аргументации как способа найти истину.

Коммуникативная культура сотрудника правоохранительных органов, обретаемая на базе его речевой культуры, включающая в себя как составную часть профессиональное общение, реализуется и в виде способности, готовности ее формировать и развивать. В нашем представлении, коммуникативная культура, рассматриваемая в индивидуально-психологическом плане, – это совокупность знаний, умений и навыков в области вербальных и невербальных средств общения, позволяющих успешно решать коммуникативные задачи [Соколова 1995, с. 94].

Основным условием овладения коммуникативной культурой можно считать целенаправленное воспитание оценочного отношения к высказыванию, что включает в себя следующие этапы: осознание говорящим целевой установки общения, учет ситуации, условий общения, его места, адресата и прогнозирование воздействия высказывания на собеседника.

Прогнозирование или предвидение воздействия высказывания требует конкретных умений: умелого выбора языковых средств, адекватных целям, условиям, ситуации общения; оптимального использования в конкретной коммуникативной ситуации невербальных средств общения; учета соответствия вербальных и невербальных средств.

Вопросы, связанные с описанием коммуникативных ситуаций, коммуникативных актов, примыкают к проблеме коммуникативного поведения, имеющего выход в практику профессионально-коммуникативной деятельности. Под коммуникативным поведением, как известно, в широком смысле понимается совокупность правил и традиций общения конкретной лингвокультурной общности. Характеризуя коммуникативное поведение сотрудника правоохранительных органов, отметим значимые моменты: тон речи, оправданность использования оценочных суждений, манеру обращаться к гражданам, отвечать им, характер мимики, движений, жестов, сопутствующих речи. Сказанное подтверждает мысль о том, что в коммуникативном поведении сотрудника правоохранительной сферы проявляется его индивидуальный стиль.

Сотрудник органов внутренних дел должен помнить, что важным компонентом коммуникативной культуры является культура

речи. Понятие «культура речи» было введено в обиход в 20-е гг. XX столетия и с самого начала обрело вполне определенный смысл, направленный на воспитание элементарной культуры речи на основе языковых норм. Заметим, что речевая культура рассматривалась при этом как основа для развития общей культуры человека. Уже с момента появления этот термин не был однозначным. В основании учения о культуре речи лежат работы В. И. Чернышева, Л. В. Щербы, А. В. Пешковского, Г. О. Винокура, С. И. Ожегова, Б. Н. Головина и др.

Под культурой речи принято понимать совокупность знаний, умений и навыков, обеспечивающих говорящему незатрудненное построение речевых высказываний для оптимального решения задач общения; выбор и организация языковых средств, которые в ситуации общения при соблюдении современных языковых норм и этики общения позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных задач. Это первое значение принято называть субъективным, поскольку оно отражает состояние речевой культуры языковой личности (субъекта речи), его речезыковые способности и личностные свойства.

Приведенное определение включает в себя широко распространенное представление о культуре речи как следовании нормам литературного языка, умении обеспечить точность, доходчивость, ясность речи, умении отбирать словесные средства для общения. Отражение такого представления о культуре речи содержат определения, принадлежащие ученым, стоявшим у истоков этого учения. Так, например, С. И. Ожегов писал: «Высокая культура речи – это умение правильно, точно и выразительно передавать свои мысли средствами языка <...>. Но высокая культура речи заключается не только в следовании нормам языка. Она заключается еще и в умении найти не только точное средство для выражения своей мысли, но и наиболее доходчивое (т. е. наиболее выразительное) и наиболее уместное (т. е. самое подходящее для данного случая и, следовательно, стилистически оправданное)» [Ожегов 1955, с. 6].

Объективированная оценка свойств речи закреплена во втором значении термина, называемом объективным: культура речи также понимается как совокупность и система свойств и качеств речи, говорящих о ее совершенстве. В приведенном понимании термина можно увидеть отражение представления о культуре речи как части

духовной культуры народа, существующей в виде образцовых, совершенных текстов, созданных в течение веков творчеством народа, его выдающихся представителей. Это значение термина «культура речи» оказывается близким значению термина «культура языка».

Употребление термина «культура речи» в связи с разработкой определенной научной проблематики выявляет третье его значение гносеологическое: культура речи как область лингвистических знаний о системе коммуникативных качеств речи, раздел языкознания, исследующий проблемы нормализации и оптимизации общения.

Учение о культуре речи тесно связано с ораторским искусством, риторикой. Вместе с тем культура речи исходит из требований нормативности и целесообразности выбора языковых средств; риторика в большей степени обращена к сверхнормативному и эффективному воздействию. Культура речи в меньшей мере учитывает специфику ситуации общения, почти не обращается к личностным особенностям собеседников; риторика изучает общение как творчество, искусство аргументации, а культура речи – как совокупность конкретных языковых фактов.

Культура речи включает в себя две ступени освоения литературного языка: правильность речи, т. е. владение нормами устного и письменного литературного языка (правилами произношения, ударения, словоупотребления, лексики, грамматики, стилистики), и речевое мастерство, т. е. не только следование нормам литературного языка, но и умение выбирать из существующих вариантов наиболее точный в смысловом отношении, стилистически и ситуативно уместный, выразительный и т. п. Высокая культура речи предполагает высокую общую культуру человека, культуру мышления, сознательную любовь к языку. Согласно принципу Сепира-Уорфа, объем и состав словаря, которым располагает человек, задает те рамки, в которых он воспринимает реальность и объясняет ее другим. Культура речи – дисциплина не только лингвистическая, но и психолого-педагогическая. В ней обозначены приоритеты речевой деятельности и речевого поведения специалиста, формирующие его как языковую личность и коммуникативного лидера. Профессиональная деятельность представителя «речевых» специальностей основана на речевом мастерстве, которое формируется в рамках непрерывного профессионального образования сотрудников органов внутренних дел. В частности, в течение многих

лет на всех факультетах Академии управления МВД России преподается риторическая дисциплина, которая из специального курса «выросла» до обязательной для изучения учебной дисциплины.

Культура речи как качество личности – умение не только нормативно и целесообразно строить речь, но и говорить так, чтобы собеседник понимал сказанное. Объем понимания – отражение качеств нашей речи. «Другому как понять тебя?» – этот вопрос Ф. И. Тютчева звучит не как риторический: у собеседников различный жизненный опыт, с одним словом могут быть связаны разные представления. Культурной можно считать лишь такую речь, которая не только предполагает понимание и активный ответ, но и исключает непонимание. Целью всякой речевой деятельности является достижение понимания и взаимопонимания. Даже в монологической ситуации, какой является научная лекция, Л. Витгенштейн часто задавал вопросы присутствующим и отвечал на их реплики.

Одна из наиболее значимых функций культуры – нормативная. Культура создает необходимые условия, формирует среду. Люди придерживаются выработанных культурных навыков и передают их новым поколениям. Так транслируется культура в целом, причем культура речи пронизывает все культурные сферы. В речи формируются устойчивые образцы. Именно норма лежит в основе создания литературного языка. Нарушение нормы позволяет нам почти сразу определить, например, носителя диалекта или иностранца. Норме язык обязан не только возникновением, но во многом и своим существованием. Язык остается литературным до тех пор, пока опирается на общепризнанную и устойчивую норму. Нормы распространяются и перенимаются путем демонстрации и усвоения этих образцов. Язык есть то, что объединяет речь значительных масс людей, образующих данный коллектив, т. е. то, что представляет собой узус, обычай, общие навыки, то, что характеризуется широкой распространенностью. Речь есть то, в чем различается говорение отдельных индивидуумов, образующих данный коллектив, то, что представляет собой случай, происшествие, событие, то, что характеризуется малой распространенностью. Понятие узуса принципиально отличается от понятия нормы: узус – это то, что наиболее распространено; норма – это то, что поощряется, поддерживается, одобряется. Норма устанавливается учреждениями или авторитетными лицами и предписывается

обществу. Узус складывается в процессе развития языка и никем не предписывается.

Норма – одно из сложнейших явлений, трудно поддающихся однозначному объяснению и описанию. Норма социальна, так как нужна людям и создается людьми. Норма структурна, так как принадлежит языку. Норма психофизиологична, так как нуждается в устойчивых психофизиологических речевых навыках носителей языка.

Язык в процессе речевого функционирования развивается, изменяется. Новое в речевом опыте, пусть и не вписывающееся в рамки системы языка, но работающее, функционально целесообразное, ведет к перестройке в нем. Поэтому различные колебания, варианты неизбежны в любом языке. Их наличие, являющееся результатом развития языка, создает проблему языковой нормы.

На современном этапе языковой норме приходится особенно трудно. С одной стороны, норма обращена к системе, возможности которой она реализует. Норму отличает особый консерватизм, поэтому она «не поспевает» за происходящими в языке изменениями. Носитель языка, ориентирующийся на норму, невольно имеет дело с днем вчерашним: в жизни он сталкивается с речью других людей, у которых появилась иная, незафиксированная в словарях лексика. В таких условиях формируется негативное отношение к норме как к хранилищу ненужных древностей: слово уже используется повсеместно, одна лишь норма не торопится его признавать. В результате возникает неразбериха, граница между нормой и вседозволенностью становится все более туманной. С другой стороны, любой языковой факт может стать нормой только в том случае, если получит общественное одобрение, будет реально принят речевой практикой наиболее образованной частью языкового сообщества.

Противоречивость языковой нормы заключается также и в том, что она сочетает в себе одновременно и черты устойчивости, и изменчивости. Устойчивость нормы обеспечивает целостность литературного языка; ее изменчивость служит фактором развития.

Современный энциклопедический словарь-справочник «Культура русской речи» дает определение языковой нормы как «реализации языковой системы, принятой в данное время данным языковым коллективом в качестве образцовых или предпочтительных» [Культура русской речи 2003, с. 367].

Для современного сотрудника органов внутренних дел следование норме должно быть престижным, оно осмысливается в обществе как признак высокого развития, свидетельство уважения к языку и традиционным ценностям, обязанность образованного человека.

Языковая норма – это культурно-ценностное понятие, в котором осмысливается и обобщается речевая практика: из двух-трех способов выражения в качестве правильного, нормативного выбирается лишь один. Норма способствует единству и устойчивости литературного языка, служит его стабильности, до некоторой степени сдерживая языковые изменения.

Через язык происходит самоопределение нации, а значит, ее жизнеспособность. Разрушение нормативных канонов языка (речи) несет в себе неотвратимые последствия для субъекта при формировании картины мира, объективность которой определяется разумом. С. Н. Волконский в своем труде «Выразительное слово» [Волконский 1918, с. 15] писал: «...существует связь между складом ума и складом речи, между ясностью мышления и ясностью изложения, а отсюда – обратная связь ... воспитывая речь во всех ее проявлениях, мы тем самым воспитываем и тот разум, выразителем которого она является. Через совершенствование языка и речи, хотим мы этого или нет, совершенствуется разум».

Культура и бескультура языка и речи способны идеально возвысить и, напротив, обрушить человеческие взаимоотношения, так как они органически близки к их носителям, и наоборот.

Однако полностью сдерживать речевое развитие невозможно, и потому норма не остается неизменной. Изменения в языке – это во многом процесс расшатывания старой нормы и возникновения новой. Язык должен изменяться так, чтобы обеспечить преемственность и устойчивость.

Под культурой языка понимают степень умения владеть и пользоваться нормами языка. Выбор из возможных вариантов, существующих в литературном языке норм, зависит от потребности выразить мысль наиболее точно, в нужном направлении. Очень часто в оценку тех или иных явлений языка привносятся личные вкусы, личные языковые привычки. Одно и то же языковое явление может получать прямо противоположные оценки. Вопросы культуры речи нельзя решать на почве личных, субъективных оценок явлений языка. Язык всегда движется, развивается вместе с развитием общества.

Споры о том, надо ли регулировать литературные нормы, ведутся постоянно. И у противников, и у сторонников достаточно весомые аргументы. Как справедливо заметил в одном из интервью лингвист М. Кронгауз: «Язык – это часть любого из нас, и то, что происходит в нем, с ним, задевает нас лично». Эрозия нормативной базы языка в современной литературе и СМИ, а в последнее время в интернет-форумах, на которых за грамотностью никто не следит (*встреча в районе девяти утра, заведующий кафедры, скопиейзидил, нравицца вместо нравится, патамушта вместо потому что, афтароф вместо авторов*), увеличилась за счет бесконтрольного образования новых слов и названий, зачастую не имеющих унифицированных орфоэпических или орфографических форм. Характерны варианты транслитерационного характера: *криэйтор – риейтор – креатор; продакшен – продакшн, тинейджер – тинэйджер, сандвич – сэндвич*. Неуверенность, беспорядок, неоднозначность, увлечение жаргоном и арго, неприкаянность нормы – непосредственное отражение экстралингвистических процессов, а главное – всей картины мира русскоязычного человека, которой мы руководствуемся в жизни. Такая «ненормированная смесь» помимо воли человека оказывается не только в Интернете, она проникает в повседневную действительность, в профессиональный язык. Говоря о состоянии русского языка, мы говорим о состоянии говорящих на нем людей, о тех изменениях, которые происходят в речевом поведении, а поэтому и в языковом сознании носителей языка.

Несколько последних десятилетий изменили лексику русского языка. И этому есть причины. Это и развитие политического языка, сформировавшегося на месте стандартного языка политики, существовавшего в СССР. Другая сфера, повлиявшая на обновление языка, – формирование юридического языка под влиянием «общемирового транзита». Эти две сферы – политическая и юридическая – оказывают серьезное влияние на литературный язык. Следует включить в перечень новых сфер языкового существования и язык компьютерных технологий (мощь современной техники и тонкая материя языка – силы неравные), и язык рыночных отношений. Наконец, имеет значение то, что люди стали свободно говорить, забыв о зажатости и требованиях стандартности, ритуализованности, коим характеризовался почти весь XX в. Даже первые лица страны, обращаясь к народу,

не отрывали взгляда от написанного текста. Сегодня освобожденная разговорная стихия ворвалась как в повседневность, так и в публичное общение. И это приводит к своеобразной карнавализации языка [Кормер 1991, с. 185]. Персонаж карнавала (по М. М. Бахтину [Бахтин 1990, с. 132]) несет одновременно идею и развенчание ее. Карнавализовано сознание, карнавализуется и язык. Прямота и открытость против засекреченности и закрытости приводят порой к грубым, просторечным и даже полуприличным словам и оборотам в публичной речи. «Свобода почему-то лишила нас возможности говорить на человекообразном своем языке», – заметил в одном из интервью известный деятель культуры Н. С. Михалков.

Воздействие на литературный язык норм оказывают языковые стандарты государственного языка времен тоталитаризма. Например, в президентском Указе 2000 г. есть такая формулировка: «Военнослужащие не могут увольняться из армии, не получив всех причитающихся им выплат». Форма глагола «увольняться» имеет два смысла: либо руководство не может уволить, либо военнослужащий не может уволиться. Это примета советского времени, когда пишущий и говорящий стремились спрятаться за формой пассивной конструкции или безличного предложения, в которых субъект не называется. «Сколько раз говорилось, что огромное количество заявлений о преступлениях у нас не регистрируется...», – из контекста неясно, кто автор высказывания, кто отказывает в регистрации и пр. «Обсуждение данного вопроса на коллегии отложилось...», – безличная конструкция не добавляет определенности. В тексте Конституции Российской Федерации почти два десятка раз употреблен глагол «гарантироваться» в пассивной форме: гарантируется свобода совести, свобода массовой информации и т. д. Возникает резонный вопрос: кем гарантируется и каков механизм соблюдения этих гарантий, и даже не всегда ясно кому гарантируется то или иное благо.

Сегодня сотрудник полиции нередко злоупотребляет иностранными словами для придания психологической значимости высказыванию. Иноязычные вкрапления вводятся путем деловой функциональной речи. Непонятно, куда из нашей лексики подевались простые слова «положительный и отрицательный»? Везде слышится *позитивный и негативный*. Почему у руководителей органов внутренних дел стал так моден термин *регион* и почти исчез, хотя тоже заимствованный,

но более понятный *район*? Все говорят: *проблема, ситуация, экстремальный* и совсем редки: *вопрос, задача, обстановка, чрезвычайный*. Сотрудник ГИБДД, регулирующий поток автомобилей говорит в мегафон: «Не создавайте ситуаций, мешающих движению», – хотя проще было бы сказать: «Не мешайте движению». Инспектор по делам несовершеннолетних в интервью телевизионному каналу говорит: «Отец не осуществлял воспитание детей», – вместо простого и понятного: *не воспитывал*.

Россия представляет собой самостоятельный культурно-исторический тип, самобытную цивилизацию, отличающуюся и от Востока, и от Запада своими специфическими, с присущими только ей национальными ценностями и чертами, традициями и со своими особенностями духовного мира личности, ее психологии, которые складывались в глубокой древности и формировались веками [Синчук, Мезинцев, Синчук 2016, с. 60–78]. «Русское мышление гораздо более тоталитарно и целостно, чем мышление западное, более дифференцированное, разделенное на категории» [Бердяев 1990, с. 78–80.]

С другой стороны, сотрудники полиции стараются говорить компактно. Клишированные языковые конструкции, безжизненная речь лишает человека необходимости самому думать. Александр Твардовский утверждал: «Самое сладостное и самое трудное – это думать. Думать самому». Неумение думать самостоятельно обедняет нашу речь, снижает эстетические ресурсы языка. Радио- и телештамп перешел в полицейские доклады: «Он, в частности, сказал (*подчеркнул, выделил, обратил внимание*)». А вот высказывания заместителей начальников одного из образовательных организаций высшего образования МВД России, сказанные только на одном из заседаний: «Наверное, в состоянии был разработать план» (о плане работы вуза); «Размножим соответствующим образом» (о ксерокопировании документа); «Можно сказать были в зале» (о присутствии на совещании); «Глобальные пока текущие проблемы» (о текущих задачах).

Использование ресурсов разговорной речи и бессознательно повторяемые стандарты прежнего языкового наследия приводят как к эволюции, так и деградации современного языка. Культура речи еще недавно воспринималась многими как нечто «дикивинное», но сегодня настоящий профессионал понимает, что из «роскоши» она превратилась в предмет необходимости. Хорошей речи человек обучается

всю жизнь. Каждому необходимо привить вкус к хорошей речи и отращивание к малограмотной и косноязычной. Это тот минимум, за который может бороться каждый сотрудник органов внутренних дел.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахтин М. М.* Творчество Ф. Рабле и народная культура эпохи Средневековья и Ренессанса. М., 1990. 543 с.
- Бердяев Н. А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М. : Наука, 1990. С. 78–80.
- Бондалетов В. Д.* Социальная лингвистика. М., 1987. 160 с.
- Волконский С. Н.* Выразительное слово. СПб., 1918. С. 15.
- Губаева Т. В.* Язык и право М. : Норма : Инфра-М, 2010. 176 с.
- Дибс Т. А.* Расизм и язык. М., 1989. С. 30
- Колесов В. В.* Язык города. М., 1991. 192 с.
- Кормер В. Ф.* О карнавализации как генезисе «двойного сознания» // Вопросы философии. 1991. № 1. С. 185.
- Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник [Электронный ресурс] / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. 3-е изд., стереотип. М. : Флинта, 2011. 840 с.
- Ожегов С. И.* Очередные вопросы культуры речи // Вопросы культуры речи. Вып. 1. М., 1955. С. 6.
- Синчук Ю. В., Мезинцев К. В., Синчук Ю. Ю.* Духовные ценности человека: разные эпохи и поколения России // Концептуал : сборник научных трудов каф. философии и истории ; Московский финансово-промышленный университет «Синергия» ; сост. А. В. Матюхин. М., 2016. С. 60–78.
- Соколова В. В.* Культура речи и культура общения. М., 1995. 192 с.
- Сударик А. Н., Здорова С. В.* Значение процесса формирования коммуникативной компетентности студентов-психологов в обеспечении психологической безопасности образовательной среды вуза // Психология обучения. 2018. № 1. С. 100–109.
- Шольц П. Ю.* Новейшие тенденции в сфере повышения уровня профессиональной квалификации // Международный семинар по новым подходам в подготовке полицейских кадров. М., 2004. С. 19.

УДК 008

Ю. А. Сухарев

профессор, доктор философских наук;
профессор каф. философских наук института гуманитарных
и прикладных наук МГЛУ; e-mail: y.a.sukharev@gmail.com

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ВОЛНОВЫЕ ПРОЦЕССЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

В статье анализируются концепции поступательного, циклического и волнового характера социокультурного развития. Показано значение идей Данилевского, Шпенглера, Тойнби, П. Сорокина, Гумилева для формирования циклически-волнового подхода к анализу современного мироустройства на базе синергетики. Раскрыто значение волновой динамики социокультурного развития РФ для уточнения внешних и внутренних факторов, влияющих на решение общественно-политических и социально-экономических проблем современной России, перспективу формирования ее идентичности в этих условиях.

Ключевые слова: волновые процессы в общественном развитии; точка бифуркации; синергетика; поступательный и циклический подходы к анализу социокультурных трансформаций.

Yu. A. Sukharev

Prof., Doctor of Philosophy (Dr. habil.);
Prof. at the Department of Philosophy, MSLU;
e-mail: y.a.sukharev@gmail.com

GLOBALIZATION AND WAVE PROCESSES OF SOCIOCULTURAL DEVELOPMENT

The article analyzes the concepts of the progressive, cyclical and wave nature of socio-cultural development. The importance of the ideas of Danilevsky, Spengler, Toynbee, P. Sorokin, Gumilev for the formation of a cyclically-wave approach to the analysis of the modern world order based on synergetics is highlighted. Thus the article points to the significance of the wave dynamics of the socio-cultural development of the Russian Federation to clarify the external and internal factors affecting the solution of socio-political and socio-economic problems of modern Russia, as well as the prospect of the formation of its identity under the circumstances.

Key words: wave processes in social development; bifurcation point; synergetics; progressive and cyclical approaches to the analysis of sociocultural transformations.

В последнее время возрос интерес не только к теоретическому осмыслению типологии различных структур объяснения исторического процесса, но и к динамике социокультурного развития [Волновые

процессы в общественном развитии 1992; Шевченко 1995; Пантин 1998]. Особую актуальность этим проблемам придает факт научного осознания отличающихся парадигм цивилизационных изменений, которые различным образом характеризуют Запад и Восток, Юг и Север. Поливариантность моделей движения в наиболее общей форме осознается, прежде всего, как исчерпание прежней господствовавшей парадигмы линейно-поступательного движения социума. Как пишет И. Валлерстайн в своей работе «Непреодолимые противоречия либерализма», «либерализм ныне загнан в угол. В нем продолжает заявляться легитимность прав человека и – чуть тише – прав народов. Но на самом деле ни то, ни другое не подразумевается по-настоящему. Эта права заявляются для того, чтобы не быть полностью реализованными. Но такая позиция становится все более уязвимой» [Wallerstein 1995]. Результаты выборов президента США в 2016 г., в местные органы власти в Германии, Австрии, Италии, Франции, выход Великобритании из Евросоюза – факты международной жизни ясно показывают, что маятник истории всё больше отклоняется от линейной поступательной траектории идеологии глобализма и либерализма.

С другой стороны, парадигма чисто циклического развития, традиционно ассоциируемая с развитием цивилизаций Востока, также выявила свою ограниченность. В результате модернизации жесткая цикличность многих обществ Азии и Африки была существенным образом деформирована, но отнюдь не сломана, поскольку привносимые ценности и нормы явно противоречили самим основам культурно-цивилизационного бытия¹. Формирование цивилизационной идентичности в условиях глобальных изменений не может носить сегодня характер «абсолютного суверенитета» и, соответственно, динамика становления такой идентичности не может быть описана ни в терминах линейно-поступательного движения, ни на базе идей циклического развития. Всё это и определяет интерес к анализу других способов описания движения социокультурных систем.

В этой связи особый интерес вызывает динамика российской цивилизации. Дело в том, что существовавшая до 1991 г. советская цивилизация включала не только большие и малые этнические и национальные структуры, но и «осколки» тех цивилизаций, которые были ранее ограничено интегрированы и взаимосвязаны в СССР.

¹ См. об этом аргументацию Ерасова Б. С. [Ерасов 1982; Ерасов 1990].

После «демонтажа» командно-административной системы начался естественный процесс «расхождения» бывших советских республик по своим цивилизационным нишам – западные территории обнаружили стремление вернуться в лоно европейской цивилизации; южные и восточные республики, в том числе кавказские и поволжские автономии – в мусульманство. Каким образом в условиях потери прежних социокультурных и административно-идеологических регуляторов сохранить территориальную целостность, как совместить линейную и циклическую динамику развития, – вот практические вопросы, которые стоят перед современной российской властью. Все эти проблемы настоятельно диктуют необходимость рассмотрения общей методологии подходов к анализу социокультурного развития.

Как известно, различные способы описания и интерпретации движения социальных систем сводятся к трем основным подходам. Согласно первому из них, в социально-историческом развитии преобладает *линейный, поступательный тип движения*. Поступательность в данном случае означает прогрессивное усложнение системы, которое включает в себя как эволюционные, так и революционные периоды. В результате преобразований социальная система переходит на новый, более высокий уровень развития. Второй подход к описанию динамики сложных социальных систем базируется на представлениях о ее *циклическом характере развития*. Значительный вклад в их разработку внесли европейские и русские ученые конца XIX – начала XX вв. [Кондаков 1994; Хорос 1994].

Одной из наиболее законченных и оригинальных концепций циклического развития общества является теория русского ученого, одного из идеологов панславизма, Н. Я. Данилевского. В соответствии с его взглядами, изложенными в монографии «Россия и Европа», следует выделить тринадцать культурно-исторических типов, но наиболее полно выразить смысл будущей истории человечества способен, по его мнению, славянский культурно-исторический тип [Данилевский 1991]. Каждый из культурно-исторических типов, или «цивилизаций», имеет четыре основные формы самопроявления – религиозную, культурную (творческую), политическую и социально-экономическую, которые в процессе адаптации с окружающей средой и друг с другом проходят четыре стадии эволюции – зарождение, возмужание, дряхление и гибель.

К. Н. Леонтьев, взгляды которого сформировались под влиянием Н. Я. Данилевского, выделял три стадии циклического развития цивилизации: первичную «пустоту», «цветущую сложность», а также вторичное «упрощение». К. Н. Леонтьев предлагал также дополнить набор культурно-исторических типов, который был предложен Данилевским [Леонтьев 1996].

Одним из наиболее последовательных сторонников и проводников концепций циклического развития человеческой истории в первые десятилетия XX в. являлся, как известно, О. Шпенглер. В соответствии с его взглядами, история человечества насчитывает целый ряд культур, прошедших все стадии своего жизненного цикла. Культуры, умирая, превращаются в цивилизации, в рамках которых любые формы творчества становятся ненужными и сменяются техницизмом и технократизмом. В своей типологии Шпенглер выделил восемь культур и также предположил рождение особой русско-сибирской культуры.

Своеобразную концепцию философско-исторического анализа действительности дал известный социолог Питирим Сорокин [Сорокин 1992]. По его мнению, исторический процесс есть циклическая флуктуация типов культур. В основе каждого цикла лежат представления о природе реальности, методах ее познания. П. Сорокин описывает историю как иерархию в различной степени интегрированных культурных систем, «суперсистем». При этом базовым основанием выступает концепция о приоритете сверхорганической системы ценностей, а их носителями являются индивиды и социальные институты, деятельность которых завершается в форме материализации «чистых культурных систем».

По мнению П. Сорокина, при анализе греко-римской и западной культур следует выделять четырнадцать основных сфер, в рамках которых существует цикл, состоящий из трех фаз (мысленное создание идеи – ее идеальное воплощение – создание чувственного образа) [Сорокин 1998].

Серьезное влияние на эволюцию циклической теории культуры оказали работы А. Тойнби. По его мнению, исторический процесс представляет собой совокупность не связанных между собой «локальных цивилизаций». Каждая из таких цивилизаций проходит в своей эволюции пять основных этапов: зарождение, становление, надлом, разложение и гибель. В своей работе «Постижение истории» Тойнби

насчитал двадцать шесть локальных цивилизаций, в дальнейшем он сократил их число до тринадцати, исключив при этом те, которые не прошли все стадии эволюции, т. е. «недоразвились», а также побочные, второстепенные, в которых основные признаки этапов проявились менее интенсивно [Тойнби 2001].

По мнению английского историка, каждая цивилизация представляет собой комплекс религиозных, территориальных и политических характеристик и является основой для исторического исследования. До наших дней сохранилось семь цивилизаций, из которых две последние являются «окаменевшими остатками» ныне вымерших цивилизаций [там же]:

1. Западная христианская (включая страны Западной Европы, Америки, Австралии, в которых распространено христианство в католической или протестантской формах).
2. Православная христианская с русской ветвью (включая страны Юго-Восточной Европы, где распространено православие, и Россию).
3. Исламская (от Северной Африки до Ближнего и Среднего Востока, от Атлантики до Великой Китайской Стены).
4. Индуистская (на тропическом субконтиненте Индии).
5. Дальневосточная с японской ветвью.
6. Система, включающая христиан-монофизитов в Армении, Месопотамии, Египте, Эфиопии, христиан-несториан Курдистана, а также иудаистов и парсов (последователей религии Зороастр в Индии).
7. Система, включающая буддистов в Тибете и Монголии, и буддистов на Цейлоне, в Бирме и Камбодже, а также членов индусской религиозной секты джайна.

Современные исследователи по-разному подходят к проблематике, связанной с выделением циклов в социокультурном развитии прошлого и настоящего, в частности отмечается внеисторический подход, проявляемые историческим циклизмом, сформировавшимся в основном под влиянием концепций О. Шпенглера и А. Тойнби.

Интересные мысли и аргументы, отличные от марксистской модели поступательного движения всемирной истории, высказывал Л. Н. Гумилев. В работе «Этногенез и биосфера земли» он пишет: «Этническая систематика отличается от социальной классификации.

Лишь изредка они совпадают. Употребление той или другой зависит от аспекта исследования, т.е. от точки зрения, с которой рассматриваются цепи исторических событий. Последний же определяется задачей, поставленной перед исследователем, выбирающим также степень приближения, отвечающую его целям. То обстоятельство, что эта задача до сих пор неоднократно ставилась и не получила положительного решения (Д. Вико, О. Шпенглер, А. Тойнби), не должно заставлять исследователя продолжать попытки эмпирического обобщения, сколь бы трудны они ни были. В отличие от ряда авторов, выяснивших, как идет процесс, мы имеем возможность ответить на вопрос, что именно подвергается изменению, хотя и получим при этом принципиально одностороннюю модель, характеризующую только определенные аспекты явлений. Но ведь создание концепции лежит в основе любой исторической интерпретации, что и отличает историю («поиск истины») от хроник или простого перечисления событий. Мы исходим из накопленного исторической наукой разнообразного материала, поэтому объектом исследований становится не шпенглеровская «душа культуры» и не «умопостигаемое поле исследования» Арнольда Тойнби, а система фаз этногенеза на том или ином уровне и в ту или иную определенную эпоху. Для следующей эпохи, протекающей в историческом времени, расстановка составляющих будет уже другой» [Гумилев 1989, с. 131].

Следует отметить, что концепции моделей циклического развития раскрывают те стороны исторического движения, на которые не обращают внимание концепции поступательного развития. Однако представление о цикле исторического развития как о замкнутом круге, присущее ряду концепций циклического движения социальных систем, в целом вряд ли правомерно и вполне обоснованно подвергается справедливой критике. Социум, проходя цикл развития, не может вернуться в исходную точку. Даже если социальная система полностью распадается, она настолько трансформирует окружающее культурное пространство, что в конце ее жизненного цикла мы имеем дело уже с совершенно иной социальной и культурной средой, чем в период ее возникновения. Как правило, распадающиеся цивилизации и этносы оказывают сильнейшее влияние и на процессы формирования новых цивилизаций. Так, древнегреческая цивилизация оказала огромное культурное воздействие на древнеримскую цивилизацию;

древнеримская цивилизация, в свою очередь, глубоко воздействовала на формирование западноевропейской цивилизации; византийская – на российскую цивилизацию и т. п. Исторический цикл оказывается незамкнутым, он отнюдь не исключает наличия поступательной составляющей общего культурного развития. В связи с этим и возникает необходимость разработки нового подхода, который мог бы преодолеть ограниченность, присущую как концепциям поступательного развития, так и концепциям циклического движения.

Таким подходом к изучению развития сложных социальных систем является анализ *волнообразного характера их эволюции*. Волнообразность предполагает, с одной стороны, определенную направленность развития социальной системы, а с другой – наличие сменяющих друг друга волн изменений, которые соответствуют различным состояниям и уровням организации данной социальной системы. При этом волнообразность является не простой суммой, простым наложением поступательного и кругового циклического движения, она представляет собой новое качество. В частности, всякая волна предполагает не только определенный процесс изменения во времени, но и пространственную сложно организованную сетевую структуру. Поэтому, когда речь идет о волнообразном типе движения, подразумевается наличие некой пространственной организации среды. Отсюда, в частности, следует, что волнообразный тип движения социальных систем способен выразить гораздо более сложную динамику, нежели модели поступательного и циклического движения [Кондратьев 1989; Полетаев, Савельева 1993].

Важно отметить, также, что волновой и циклический подходы к изучению поведения социальных систем не противостоят друг другу, а имеют много общего, но только в том случае, если под циклом понимаются не замкнутые траектории исторического развития, а эволюционные циклы. В этом случае исторический цикл представляет собой волну изменений, происходящих во времени и в пространстве. Поэтому, по мнению ряда исследователей, можно говорить об особом циклически-волновом подходе к изучению развития социальных систем¹. В его основе лежит иной взгляд на развитие индивида

¹ Примерами волн глобального развития являются известные длинные волны Кондратьева, описывающие экономические и культурные циклы развития многих стран мира. См. также: [Шлезингер 1992; Пашинский 1994].

и культуры, позволяющий избежать многих упрощений. Более того, волновой подход, опираясь на идеи новой науки – синергетики, исходит из существования целого ряда точек, в которых происходит переход от одной фазы развития к другой, так называемых, «точек бифуркации». Именно в них ход и траектории развития индивида и общества жестко не предопределены и однозначно не прогнозируемы. Поэтому представления о волновом характере движения социальных систем позволяют количественно описывать моменты их альтернативности и выбора.

Следует сказать, что поворот к многомерному видению мироустройства мы наблюдаем задолго до рождения синергетики. В ряде работ Н. Бердяева обозначены те основные идеи многомерности, полидетерминированности социального бытия как фрагмента космического разума, а также трактовки общества как самоорганизующейся системы, в частности, через соотношение в нем хаоса и порядка.

Так, в известной книге «Судьба России», вышедшей в 1918 г., Н. Бердяев рассуждает о мировой войне как о явлении, которое заставило пересмотреть прежние социологические доктрины. Эти доктрины базировались на признании приоритета блага определенной социальной группы и поэтому отрицали самостоятельный смысл и ценность истории «как природной необходимости», которая, по мысли Н. Бердяева, значительно богаче неожиданностями и неправильностями, чем любая «чистая теория».

В этой работе Н. Бердяев выходит на тему переосмысления трагического, болезненного, разрушительного в истории как необходимого момента ее позитивного развития. Он фиксирует важную универсальную социологическую закономерность: чтобы осуществилось творческое созидание нового порядка, необходим прежде всего рождающий это созидание этап разрушения, дисгармонии, которые, в свою очередь, возникают из неравновесности социального целого. Н. Бердяев угадывает в этой закономерности несомненный синергетический потенциал. И вполне уже в духе современных синергетических трактовок выглядит его интерпретация социального хаоса («тьмы») как следствия внешних энергий и как естественное противостояние стагнации и окостенению.

В дальнейшем, развивая эти идеи на естественно-научной почве, известные родоначальники синергетики (Г. Хакен, Г. Николас,

И. Пригожин и др.) пришли к пониманию развития социальных систем именно как чередования этапов организации и дезорганизации, которые имеют пульсирующий, волновой характер. С их точки зрения, периоды сильной неравновесности, неустойчивости, возникающие, как правило, в результате усиления внешних воздействий, сменяются периодами становления новых, более жестких социальных структур с большей упорядоченностью. Такие периоды самоорганизации общества и есть объективная основа цикличности социоисторического процесса. Однако такая модель не предполагает циклическую замкнутость. Разомкнутость цикла, неравновесность колебаний обеспечивается периодом бифуркаций, когда осуществляется случайный выбор из ряда возможных исторических альтернатив.

Конечно, сфера культуры, духовной жизни имеет наибольшую степень автономии в обществе, и ее волны не настолько жестко детерминированы, особенно в плане подъема или спада. Расцвет тех или иных форм искусства может быть провозвестником экономических и политических перемен. Таковым явилось искусство эпохи Возрождения или Серебряный век русской культуры начала XX в. Впрочем, выдающиеся научные и художественные достижения рождаются в любое время, независимо от подъемов и спадов общественного развития. Здесь многое не исследовано, поскольку сами критерии развития в духовной жизни сложны и противоречивы. Одно несомненно: духовное творчество нелинейно, подвержено колебаниям на всех уровнях – человечества, государства, нации, группы, отдельного творца. При этом главным философско-мировоззренческим, научным и художественным ориентиром человека во все времена был поиск ценностей, обозначенный двумя противоположными полюсами: с одной стороны, это вечные идеалы, объективные принципы, божественные откровения, а с другой – влечение к мимолетному, к ощущениям и впечатлениям реальной жизни [Каган 1972].

Можно сказать, что маятник духовной жизни колеблется между двумя крайностями формул объективного идеализма («мир есть абсолютная идея») и субъективного идеализма («мир есть мое ощущение»). И в конкретной судьбе человека, и в истории культуры время от времени преобладают, поочередно сменяя друг друга, то объективные, то субъективные доминанты духовной жизни, что отражается в борьбе стилей и направлений в искусстве. Параллельно с этим в культуре

отмечается колебательная пульсация, смена периодов плюрализма и единообразия, периодов дифференциации идей, направлений, стилей и их синтеза в различных культурных формах [Мейлах 1983].

Одним из наиболее важных приложений теории волнообразного развития является ее проекция на Россию, в истории которой волны либеральной модернизации последовательно сменялись волнами контрмодернизации, реформы – контрреформами, ориентация на Запад – ориентацией на Восток. Только за последние два века Россия пережила целый ряд таких циклов «реформ – контрреформ», в ходе которых волны либерализации и попытки реформирования гражданского общества сменялись волнами усиления роли государства. С этой точки зрения, современные реформы в России представляют собой определенную волну модернизационного процесса, за которой сегодня просматривается следующая контрмодернизационная волна. С одной стороны, будущий приход «контрмодернизаторов» вполне логичен, поскольку он прямо коррелирует с наметившимся упадком либерализма и подъемом консерватизма, пересмотром отношения к советскому историческому опыту, усилением влияния «правых» партий в Западной Европе, укреплении позиций республиканцев в США и т. д. Но, с другой стороны, значительное усиление государственной власти, которое неизбежно приведет к определенным ограничениям в сфере индивидуальной свободы, – это тенденция, которая может переместить Россию из полупериферийных в растущее число периферийных стран со всеми вытекающими отсюда последствиями. Кроме того, необходимость для РФ учета глобальных трендов трансформации современного мироустройства во внешней политике на основе участия в их разрешении и поддержания достаточного паритета с США, с одной стороны, и одновременно неотложный характер мероприятий по кардинальному изменению динамики общественно-политического и социально-экономического развития РФ, с другой – затрудняет для России поиск своей цивилизационной идентичности¹.

Важно отметить, что волнообразность характерна для развития российского социума до 1991 г., существенно видоизменяется. Это происходит как под воздействием внешних факторов (упадок либерализма и глобализации, обострения межцивилизационных противоречий,

¹См. в этой связи альтернативное понимание прошлой истории и будущих перспектив: [Ахиезер 1998; Кара-Мурза 1996].

геополитические вызовы, связанные с санкциями, давлением по всему периметру и т. д.), так и внутренних (подъем этнической идентичности, стагнация политической жизни, экономический спад и т. д.). Назревает принципиально новая волна социального и политического развития, консервативные и контрмодернизационные очертания которой уже отчетливо просматриваются. И в этой связи представляется крайне важным волновая «проработка» перспективной динамики развития России, которая будет включать в себя и элементы нелинейности, и непредсказуемости социального развития, и исторические повороты, и возможности зигзагообразных отклонений.

Особый интерес представляет наложение рассмотренных выше двух проблем – волновой динамики социокультурного развития и проблемы идентичности на уровне национально-государственных образований. Дело в том, что в условиях глобализации и падения влияния центральной государственной власти идет активный процесс подъема групповой (этнической) идентичности. И в этом нет ничего необъяснимого, особенно в условиях практически не лимитируемой массовой миграции в развитые западные страны. Данная проблема имеет не только демографический ракурс рассмотрения, но и политический, и даже геополитический. Как показывают социологические данные, формирующиеся зарубежные диаспоры в развитых странах, разделяют совсем иные ценности, нежели коренное население данных стран.

В принципе, формирование разных иерархий идентичности у разных этнических групп не является неожиданным и шокирующим выводом. Тенденция сдвига и перехода с одного и часто единственного уровня государственной идентичности на уровень групповых идентификаций является закономерной и объяснимой. Другое дело, что осознание этой тенденции ставит в крайне сложное и ответственное положение законодательную и исполнительную власть в таких многонациональных образованиях. Трудность заключается в том, что осознание этой объективной тенденции предполагает прежде всего существенную реорганизацию механизмов внешней и внутренней политики. В этой ситуации уже нельзя просто игнорировать и не замечать специфические интересы крупных этнических групп. Необходимо их каким-то образом консолидировать и соотносить с общенациональной политикой.

В настоящее время обсуждаются три возможных варианта разрешения этой острой проблемы развитых стран с многонациональным населением. Первый и самый пессимистичный вариант – территориальный распад таких государств, что, в частности, не исключено и для самих США. Этот вариант обсуждался еще С. Хантингтоном, И. Валлерстайном. Второй – усиление центральной государственной власти до такой степени, который исключил бы какую-либо значимую роль этнических групп в принятии государственных решений. Очевидно, что такой вариант явно не подходит для развитых стран в силу его антидемократической направленности, но может быть использован в периферийных странах на какой-то относительно непродолжительной промежуток времени. И, наконец, третий вариант предполагает выработку согласованной общегосударственной политики, учитывающей интересы всех этнических групп. Однако практический механизм такого согласования пока совершенно не ясен. Очевидно одно: прежние институциональные рамки представительной демократии не в состоянии выявить и учесть интересы таких групп в быстро меняющемся мире. Думается, что с решением этих вопросов столкнется любое многонациональное государство, включая Россию, не уступающую Соединенным Штатам в многосложности национального сосуществования и не менее, чем США, нуждающуюся в решении проблемы самоидентификации.

Применительно к первоначально поставленной проблеме динамики волновых процессов следует сделать вывод о том, что эта динамика имеет свою специфику в многонациональных государствах. Всё это значительно затрудняет точную оценку и прогноз будущего социокультурного развития таких стран.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахиезер А. С.* Россия: критика исторического опыта. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск : Сибирский хронограф 1998. Т. I. От прошлого к будущему. 804 с. ; Т. II. Теория и методология. Словарь. 600 с.
- Волновые процессы в общественном развитии / [Василькова В. В., Яковлев И. П., Барыгин И. Н. и др.]. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. 227 с.
- Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989. 528 с.
- Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М., 1991. 550 с.

- Ерасов Б. С.* Социально-культурные традиции и общественное сознание в развивающихся странах Азии и Африки. М. : Наука, 1982.
- Ерасов Б. С.* Культура, религия и цивилизация на Востоке : очерки общей теории / Б.С. Ерасов. М. : Наука ; Главная редакция восточной литературы, 1990. 205 с.
- Каган Н. С.* Морфология искусства. М. : Искусство, 1972. 440 с.
- Кара-Мурза А. А.* Между «империей» и «смутой». Избранная социально-философская публицистика. М., 1996.
- Кондаков И. В.* Введение в историю русской культуры. М. : Наука, 1994. 378 с.
- Кондратьев Н. Д.* Проблемы экономической динамики. М., 1989. 526 с.
- Леонтьев К. Н.* Собрание сочинений : в 12 т. Киев, 1996.
- Мейлах Б. С.* Философия искусства и художественная картина мира // Вопросы философии. 1983. № 7. С. 116–125.
- Пантин В. И.* Ритмы общественного развития и переход к постмодерну // Вопросы философии. 1998. № 7. С. 3–14.
- Пашинский В. М.* Цикличность в истории России // Политические исследования. 1994. № 4. С. 111–124.
- Поletaев А. В., Савельева И. М.* Циклы Кондратьева и развитие капитализма: опыт междисциплинарного исследования. М. : Наука, 1993. 256 с.
- Сорокин П.* Социологические теории современности. М., 1992.
- Сорокин П.* Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов : пер. с англ. М. : Политиздат, 1992. 543 с.
- Сорокин П.* Социальная и культурная динамика. Киев, 1998. Vol. 4. С. 410–425.
- Тойнби А. Дж.* Постигание истории: сборник / пер. с англ. Е. Д. Жаркова. М. : Рольф, 2001. 640 с.
- Хорос В. Г.* Русская история в сравнительном освещении. М. : Аспект-пресс, 1994. 176 с.
- Шевченко В. Н.* Теория модернизации с социально-философской точки зрения // Модернизация и национальная культура. М., 1995. С. 70–77.
- Шлезингер А. М.* Циклы американской истории / пер. с англ., закл. ст. В. И. Терехова. М. : Издательская группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992. 688 с.
- Wallerstein I.* The Insurmountable Contradictions of Liberalism: Human Rights and the Rights of Peoples in the Geoculture of the Modern World-System // South Atlantic Quarterly. 1995. Vol. 4. P. 1161–1178.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ХРОНИКА КАК ФОРМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ

Статья посвящена феномену культурной памяти, который в эпоху глобализации представляет собой серьезный объект для исследования, так как он участвует в формировании и сохранении как культуры в целом, так и духовной культуры, в частности. Проблема культурной памяти также остро ощущается из-за кризиса национальной идентичности, активных миграционных процессов и активного конструирования «нового» культурно-исторического сознания, что стимулирует деструктивные формы межкультурной коммуникации, межэтнические и межнациональные конфликты.

Средневековая европейская хроника является особым носителем культурной памяти в контексте духовной культуры. Помимо множества социальных реалий, она также охватывает различные стороны духовной жизни средневекового общества: систему мировоззренческих идей, оценку тех или иных действий в социуме, оппозицию «свой – чужой», а также другие элементы, присущие духовной культуре. В хрониках средневековой Западной Европы как формах культурной памяти зафиксированы события, которые повлияли на дальнейшее развитие данного региона, но для каждой культуры они имели свои уникальные последствия. Именно поэтому их оценка и интерпретация могут сильно отличаться, однако они неизменно находят свое место в культурной памяти европейских народов.

Как одна из форм интерпретаций культурной памяти и в силу своей специфики средневековая хроника требует особого подхода в ее изучении, что, в свою очередь, ставит новые цели и задачи для современного образования. При изучении хроник в рамках современного образования необходимо понимать, что особое внимание следует уделять социокультурному фону, в рамках которого была составлена средневековая хроника. Молодой ученый в данном случае выступает посредником в межкультурном диалоге, где он является представителем современной ему культуры, с присущими ей специфическими чертами, а хроника выступает в роли культуры Другого. Цель этого диалога – проникнуть в сознание средневекового человека, понять механизм его функционирования, пути формирования мировоззрения и миропонимания.

Ключевые слова: Средневековье; культурная память; хроники; идентичность; культурное единство; средневековая Европа; духовная культура.

S. A. Shipilov

Teacher of the Department of the linguistics and professional communication in the area of the Humanities;
postgraduate student of the Department of World Culture,
Faculty of the Humanities; e-mail: simonshipilov@gmail.com

MEDIEVAL CHRONICLE AS A FORM OF REPRESENTATION OF CULTURAL MEMORY

The article is devoted to the phenomenon of cultural memory, which in the era of globalization is a serious object for research, since it participates in the formation and preservation of both culture in general and spiritual culture in particular. The problem of cultural memory is also acutely felt due to the crisis of national identity, active migration processes and the active construction of a “new” cultural and historical consciousness that stimulates destructive forms of intercultural communication and interethnic conflicts. In the context of spiritual culture the medieval European chronicle is a special bearer of cultural memory. In addition to many social realities, it also revolves around various aspects of the spiritual life of medieval society: the system of ideological ideas, the evaluation of actions, the category of “us–them” and other elements of spiritual culture. As one of the forms of interpretation of cultural memory and due to its specifics, the medieval chronicle also requires a special approach in its study, which, in turn, sets new goals and objectives for modern education.

Key words: Middle Ages; cultural memory; chronicles; identity; cultural unity; medieval Europe; spiritual culture.

Сегодня, с одной стороны, глобализация является очевидным процессом, который имеет место во всем мире. В свою очередь это приводит к ущемлению некоторых национальных интересов и к потере авторитетного статуса национальных государств как субъектов мировых процессов. Однако, с другой стороны, можно наблюдать активизацию интереса ряда европейских народов к национальным основам бытия и культурной идентичности на фоне нарастающих миграционных процессов и наметившегося кризиса «общеевропейской идентичности». Одновременно в ряде государств, в том числе на постсоветском пространстве, искусственно «конструируются» «новые» идентичности и культурно-историческое сознание, лишённые «исторической правды».

Во всех вышеперечисленных процессах особую роль играют средневековые хроники, которые, вне всякого сомнения, можно рассматривать как форму репрезентации культурной памяти.

Сначала необходимо дать определение понятию «хроника».

Согласно Советской исторической энциклопедии:

хроника (греч. *chronika* – летопись, от *chronikos* – относящийся ко времени, к летоисчислению, *chronos* – время) – это наиболее распространенный тип произведений средневековой историографии [Советская историческая энциклопедия].

В средневековой Западной Европе, например, название «хроника» утвердилось за историческими сочинениями, которые содержат более подробный и систематизированный материал, чем предшествующие им анналы. По свидетельству известного французского историка и культуролога Б. Гене, в период с XI до середины XII вв. происходило бурное развитие исторической науки [Гене 2002]. Это также и исключительный момент в истории западной историографии, так как в этот период свои работы писали талантливые историки, которые происходили абсолютно из разных слоев населения: это были и придворные писари, и городские клирики. Однако в большей степени историей в то время занимались монахи Бенедиктинского ордена, так как в их распоряжении имелись обширные библиотеки и скриптории. Важен и подход историков того времени: они не просто рассказывали о своем времени, сохраняли его историю в своих трудах, но главным их стремлением было вновь открыть прошлое. Как полагает Б. Гене: «Конец XI и начало XII века – это прежде всего время торжествующей эрудиции» [Гене 2002]. Однако роль историка изменяется уже в XIII в.: теперь делается акцент на том факте, что историк – свидетель истории, что и должно было определять его деятельность. Поэтому именно в XIII в. и развивается новый историографический жанр – мемуары [Вайнштейн 1964]. Тогда же происходит и другое важное событие: история покидает стены монастырей и обращается все к большему кругу читателей, которые были заинтересованы в ней не как в источнике сведений или правды, но как в интересном, занимательном и литературном повествовании [Гене 2002], о чем свидетельствует появление рифмованных хроник. Исходя из данных обстоятельств следует согласиться с все тем же Б. Гене, что «XII век был временем исторической эрудиции, а XIII с его энциклопедиями, сводными документами, учебниками, переводами – веком вульгаризации» [там же]. Но, несмотря ни на заинтересованность в своем материале, ни на «эрудированность» автора, хронист пишет свой труд исходя из своих религиозных, политических, этнических и других взглядов. Таким образом, следует подчеркнуть, что хроника является не просто

фиксированным текстом, в котором последовательно описываются те или иные исторические события, но им также дается определенная трактовка, интерпретация в рамках той социокультуры, в которой была создана хроника.

Переходя к понятию культурной памяти, необходимо подчеркнуть, что данный термин связан, прежде всего, с именем известного немецкого египтолога Яна Ассмана, считавшего, что «культурная память направлена на фиксированные моменты в прошлом. В ней прошлое также не может сохраняться как таковое. Прошлое скорее сворачивается здесь в символические фигуры, к которым прикрепляется воспоминание» [Ассман 2004].

Таким образом, хроника как репрезентация культурной памяти способствует формированию «мы-образа», т. е. через коллективное знание о собственном прошлом она поддерживает в обществе и культуре ощущение единства и самобытности. С данной точкой зрения сложно не согласиться, ведь помимо множества социальных реалий, хроника также охватывает различные стороны духовной жизни средневекового общества: систему мировоззренческих идей, оценку тех или иных действий, категории «свой – чужой» и другие элементы духовной культуры.

В качестве примера хотелось бы привести описание начала походов викингов на территории Западной Европы, которое можно найти в хронике Гельмольда из Босау. Хронист пишет: «Войско нортманнов состояло из храбрейших данов, свеонов и норвегов, которые, объединившись теперь под одной властью, обложили данью прежде всего находившихся под рукой славян, а затем стали притеснять и на суше и на море остальные соседние государства. Вероятно, немало мужества придало им ослабление Римской империи, которая ... после Людовика старшего была сначала истощена внутренними войнами, а потом разделена на четыре части и управлялась столькими же королями. Известно, что в это время «нортманны, пройдя по Лигеру, сожгли Тур, а пройдя по Секване, осадили Париж. И тогда король Карл, охваченный страхом, отвел им для житья землю», которая, поскольку ею завладели нортманны, получила название Нортмандии. «Затем они опустошили Лотарингию и подчинили себе Фризию». Наш же Людовик, то есть король Германии, «так [долго] удерживал нортманнов договорами и сражениями, что в то время, как они

Францию всю опустошили, его стране нанесли лишь незначительный ущерб. После же его смерти, лишь ослабели бразды, воцарились варварство, дикость» [Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский 2011].

Крайне интересным, с точки зрения культурной памяти, в этом фрагменте является следующее: во-первых, сам факт фиксирования похода «нортманнов» как беспрецедентного явления для западноевропейской средневековой истории. Хотя оно затронуло родину хрониста Гельмольда в меньшей степени, чем им же упомянутую Францию, но повлияло на культурную память столь сильно, что хронист XII в., которым и является Гельмольд, с трепетом описывает давно минувшие события IX–X вв. Во-вторых, важен и тот факт, что в данном отрывке можно четко увидеть оппозицию «свой – чужой». Таким образом, можно сказать, что уже в XII в. прослеживается тенденция к самосознанию германских народов, как нечто единого посредством реконструкции собственного прошлого. Следует еще раз подчеркнуть, что это лишь тенденция, маленький шаг в сторону осознания своей идентичности, к которой немецкий народ придет еще очень не скоро.

Понимая всю важность хроник для исторической науки, необходимо подчеркнуть и тот факт, что в современном образовании, будь то историческое, культурологическое, религиоведческое, теологическое и т. д., изучение данной формы культурной памяти обладает особой спецификой. В связи с этим невозможно не привести мысли известнейшего отечественного историка-медиевиста А. Я. Гуревича: «Ответственность историка двоякая: перед людьми прошлого и перед своими современниками. Историк выступает в роли посредника между теми и другими; от имени своей культуры он пытается завязать диалог с культурой иного времени. Вопросы, которые он задает людям прошлого, продиктованы современностью, ее интересами и проблемами, ибо то, о чем историк вопрошает и только и способен вопрошать людей прошлого, диктуется его культурой и видением мира. Вся проблема состоит в том, чтобы расслышать ответы людей прошлого, а не спешить с навязыванием им своих собственных ответов. Расслышать ответы людей иной культуры на свои вопросы – и значит завязать с ними диалог. Ибо памятники, оставленные этими людьми, содержат в себе ответы, их надобно лишь правильно вопрошать, и тогда эти памятники, тексты (в самом широком смысле) окажутся

неиссякаемыми источниками познания духовного мира людей другой эпохи» [Гуревич 1990].

Иными словами, при использовании хроник в современном образовании, необходимо учитывать, что при их изучении стоит уделять внимание социокультурным особенностям, в рамках которых была создана та или иная хроника, учащимся следует стать активными участниками межкультурного диалога: их культуры и культуры Средневековья. Цель же этого изучения – проникнуть в сознание средневекового человека, понять механизм его функционирования, пути формирования мировоззрения и миропонимания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский. Славянские хроники / пер. с лат. И. В. Дьяконова, Л. В. Разумовской ; ред.-сост. И. А. Настенко. М. : СПСЛ, Русская панорама, 2011. 584 с , ил. (MEDLEVALIA: средневековые литературные памятники и источники).
- Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с. (Studia historica).
- Вайнштейн О. Л. Западноевропейская средневековая историография. М.–Л. : Наука, 1964.
- Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М. : Искусство, 1990. 396 с.
- Советская историческая энциклопедия. М. : Советская энциклопедия / под ред. Е. М. Жукова. 1973–1982.

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК Московского государственного лингвистического университета	VESTNIK of Moscow State Linguistic University
Гуманитарные науки	Humanitarian Sciences
Выпуск 10 (803)	Issue 10 (803)

Ответственный редактор
доктор филологических наук, профессор Г. Г. Бондарчук

Редактор Е. М. Евдокимова
Компьютерная верстка: Ю. Л. Герасимова
Дизайн обложки: А. Г. Проскуряков

ФГБОУ ВО МГЛУ
Подписано в печать 31.10.2018 г.
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 18,4
Заказ № 121

Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки и / или группам специальностей научных работников:

10.02.00 – Языкознание
10.01.00 – Литературоведение
24.00.00 – Культурология

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Филология и культурология».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2018

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: LIBRANET.LINGUANET.RU

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания. Ссылка на издание при перепечатке обязательна